

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный университет»

На правах рукописи

Голембовская Наталья Георгиевна

Лингвокультурные антиномии в русских и литовских паремиях

10.02.20 — Сравнительно–историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Милованова Марина Васильевна

Волгоград 2014

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Проблемы паремиологии в аспекте языковой картины мира ...10	
1.1 Понятия «пословица», «поговорка» и «паремия».....	10
1.2 Литовская паремиология: история и современное состояние	15
1.3 Языковая картина мира: различные подходы	19
1.4 Проблема классификации паремий. Понятие антиномии	29
Выводы по Главе 1	38
Глава 2 Структурно-семантическая характеристика паремий	40
2.1 Бином «ум – глупость»	40
2.2 Бином «труд – безделье»	52
2.3 Бином «счастье – несчастье»	61
2.4 Бином «любовь – ненависть»	72
2.5 Бином «богатство – бедность»	82
2.6 Бином «дружба – вражда»	95
2.7 Бином «щедрость – жадность»	108
2.8 Бином «храбрость – трусость»	117
2.9 Бином «добро – зло»	126
2.10 Бином «правда – ложь».....	135
2.11 Бином «трезвость – пьянство»	149
2.12 Бином «родители – дети»	159
2.13 Бином «женщина – мужчина».....	172
Выводы по Главе 2	187
Заключение	190
Список литературы	194
Список источников, словарей и принятые сокращения	207

Введение

Данное диссертационное исследование выполнено в русле сопоставительной лингвистики, лингвокультурологии и компаративной паремиологии.

Актуальность данной работы обусловлена рядом факторов: 1) активным развитием в современной лингвистике антропоцентрического подхода к исследованию языковых явлений; 2) отсутствием комплексного описания антиномических бинарных оппозиций как единиц пространства наивных языковых картин мира на материале русского и литовского языков; 3) недостаточной разработанностью принципов классификации лексическо-грамматических средств репрезентации лингвокультурных антиномий в образной картине мира носителей русского и литовского языков; 4) необходимостью изучения паремий с позиций сопоставительной лингвокультурологии, что позволяет выявить сходства и различия в развитии национально-языкового сознания, зафиксированные на вербальном уровне, специфичность языковых картин мира.

В настоящее время в научной литературе общепринятым является положение, что и в культуре, и в языке каждого народа присутствует универсальное (общечеловеческое) и национально-специфическое. В любой лингвокультуре имеются присущие только ей культурные значения, закрепленные в семантике языковых единиц, моральных нормах, убеждениях, особенностях поведения и т.п. Это особенно ярко прослеживается в паремиях, логико-семиотическая структура которых представляет собой наднациональный универсум, а образно-языковое воплощение оригинально, национально, принадлежит конкретному народу, нации, определенному языку. Особый интерес в этой связи представляет характеристика антиномичных бинарных оппозиций, семантизирующих значимость неких ценностей через противопоставление их антиценностям, отражающих философию культур и языков и широко представленных в паремическом фонде различных языковых коллективов.

В основу работы положена следующая **гипотеза**: лингвокультурные антиномии представляют собой иерархическую структуру, в основе которой лежат полярные характеристики номинируемых качеств, состояний, действий, отношений носителя языка, что находит объективацию в языковой семантике, в частности в паремиях.

Объектом исследования являются лингвокультурные антиномии, **предметом** – паремичные единицы как средства выражения данных антиномий в русском и литовском языках.

Цель исследования – выявить особенности репрезентации лингвокультурных антиномий в семантике паремичных единиц русского и литовского языков. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) выстроить структуру антиномий, отражающую бинарные оппозиции в сопоставляемых лингвокультурах;

2) охарактеризовать закономерности репрезентации конститутивных компонентов выстроенных биномов в семантике паремичных единиц русского и литовского языков;

3) выявить особенности лексических, грамматических, лексико-грамматических средств выражения контраста в русской и литовской паремике;

5) определить национально-культурную специфику репрезентации лингвокультурных антиномий в сопоставляемых языках.

Материалом исследования послужило около 3000 паремичных единиц русского (1800) и литовского (1200) языков, извлеченных методом сплошной выборки из ряда словарей и сборников: «Пословицы русского народа» В.И.Даля (1996), «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П.Жукова (2000), «Русские народные пословицы и притчи» И. М. Снегирева (1995); «Lietuvių patarlės ir priežodžiai: sisteminis sąvadas» под общей редакцией К. Григаса (т.1 – 2000; т.2 – 2008), «Patarlių žodynas: Lietuvių, lenkų, anglų, prancūzų, ispanų, vokiečių, rusų, italų, lotynų kalbom»; (составитель литовской

части – R. Kašėtienė, 2000). Помимо этого использовались данные электронной картотеки литовских пословиц и поговорок (*Lietuvių patarlės ir priežodžiai / elektroninis sąvadas*), созданной Институтом литовской литературы и народного творчества.

В работе использованы следующие **методы** исследования: методы наблюдения и описания, сопоставительный метод, элементы метода компонентного анализа, контекстуального анализа, применялись элементы метода полевого структурирования, лингвокультурологического анализа.

Научная новизна исследования заключается в обращении к комплексному рассмотрению структурно-семантических особенностей паремий. Определена иерархическая структура лингвокультурных антиномий, позволяющая выявить национально-культурную специфику вербализации различных полярных характеристик мира человека в семантике паремичных единиц русского и литовского языков. Разработана типология паремичных средств выражения бинарных качеств, действий, состояний, отношений одушевленного субъекта в русском и литовском языках. Установлена специфика отражения в семантике русских и литовских паремий контрастного восприятия окружающей действительности носителями неблизкородственных языков.

Теоретическими и методологическими основами исследования послужили труды российских и зарубежных ученых в области паремиологии – от наиболее известных сборников и монографий XIX века (Снегирев 1848; Буслаев 1854; Даль 1861, И. Е Тимошенко 1897, А.А. Потебня 1894; переиздание 1990 и др.) до современных исследований – Н.Ф. Алефиренко (2009), В.П. Аникин (1996), М. А. Рыбникова (1958), Г.Л. Пермяков (1988), И.А. Подюков (1999), Л.Б. Савенкова (2002), Е.И.Селиверстова (2009), Г.Д. Сидоркова (1999), В.Н. Телия (1996) и др.; компаративной паремиологии – И. Гольшух (1888), Я. Лаутенбах (1896); К. Григас (1987), Э.Кокаре (1978), Ю.Г. Солодуб (1998) и др.; лингвокультурологии – Н.Д. Арутюнова (1999), Е. М. Верещагин (2005), В. И. Карасик (2007), Караулов Ю.Н. (1987), В. Г.

Костомаров (2005), Н.А. Красавский (2001), О.А. Леонтович (2011), В.А. Маслова (2001), М.В. Милованова (2007), В.М. Мокиенко (2005), Н.С. Никитина (1993), В.И. Постовалова (1999), Б.Н. Путилов (1994), Э. Сепир (1993), Г.Г. Слышкин (2000), Ю.С. Степанов (1997), Н.Л. Шамне (2000) и др.

Исследование опирается также на концепцию лингвистической противоположности (Л.А. Новиков 1973), на идеи объективизации антиномий и классификации антиномий (В. фон Гумбольдт 2000, А.А. Потебня 1958, П. А. Флоренский 1988, Ю. Д. Апресян 1986, Т.Г. Бочина 2003, Е.Н. Миллер 1990, Э.И. Родичева 1968, Н.М. Шанский 2007 и др.).

Теоретическая значимость заключается в том, что данная работа вносит определенный вклад в развитие лингвокультурологии, лексической семантики, в дальнейшее описание русской и литовской языковых картин мира, так как содержит подробный анализ репрезентации установленной структуры лингвокультурных антиномий в семантике паремий сопоставляемых языков. На основе разноуровневого анализа паремичных средств выражения бинарных оппозиций мира человека выявлена релевантность тех или иных антиномических характеристик для неблизкородственных языков и культур. Предложенная методика анализа фактического материала с позиций структурного моделирования может найти применение в других исследованиях по лингвокультурологии и компаративной паремиологии.

Практическая значимость работы определяется возможностью использовать полученные в ходе исследования результаты в курсах лексикологии, межкультурной коммуникации, спецкурсах по компаративной паремиологии, лингвокультурологии, при обучении интерпретации художественных и публицистических текстов в практике преподавания русского и литовского языков как иностранных, в лексикографической практике.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лингвокультурные антиномии, выраженные паремиями, представляют собой контрадикторные суждения, содержанием которых являются основные проявления жизнедеятельности субъекта: личностные качества, состояния, отношения, деятельность, выполняемые роли в социуме.

2. Контрадикторность антиномий находит отражение в их структуре, которая представляет собой бином, его конститутивными компонентами являются мономы, номинирующие полярную антиномичную характеристику, и субмономы, квалифицирующие данную характеристику. Установленная структура репрезентируется паремиями.

3. Выделенные субмономы в зависимости от специфики квалификации антиномичной характеристики образуют следующие группы: качественные, аддитивные, экзистенциальные, поведенческие, результирующие, аксиологические, акциональные, реляционные, количественные. Состав данных групп варьируется в рамках различных антиномий. Качественные субмономы входят в структуру всех выделенных биномов.

4. Наибольшую квалификацию в сопоставляемых лингвокультурах получают мономы «любовь», «богатство», «бедность», «пьянство», «ложь», «мужчина». Структурные компоненты отдельных биномов представлены в русской и литовской паремике несимметрично: мономы «щедрость», «добро» имеют большую номинативную плотность в русском языке, мономы «вражда», «трезвость» – в литовском языке. Установленные мономы отличаются различной степенью национально-культурной специфичности и включают в свой состав национально-культурные субмономы: в русском языке – «опасность глупости», «оправдание глупости», «дурак» (в мономе «глупость»), «разлука» (в мономе «любовь»), «бедность и семья», «зоосемантический, природный образ» (в мономе «бедность»), «ложная щедрость», «нежадность» (в мономе «щедрость»), «безграничная жадность», «страдание» (в мономе «жадность»), «бесшабашность» (в мономе «храбрость»), «допустимость» (в мономе «трусость»), доброе отношение (в мономе «добро»), «божественная правда», «принуждение к правде» (в

мономе «правда»), «легкость», «ложь и бедность» (в мономе «ложь»), «хорошие родители» (в мономе «родители»), «строгость воспитания», «многодетность», «неразумность» (в мономе «дети»), «советы мужу» (в мономе «мужчина»), «женская сила (в мономе «женщина»); в литовском языке – «недостаток ума» (в мономе «ум»), «быстротечность» (в мономе «любовь»), «богатство священника», «наивысшие возможности», «труднодостижимость» (в мономе «богатство»), «дружба и молодость» (в мономе «дружба»), «положительное качество» (в мономе «щедрость»), «последствия» (в мономе «трусость»), «выгода» (в мономе «добро»), «недейственность» (в мономе «правда»), «мужское коварство» (в мономе «мужчина»).

5. Языковые средства, репрезентирующие бинаминальную структуру паремий, образуют поле контраста. Ядро поля составляют узуальные антонимы, создающие устойчивые рекуррентные пары. Ядерные средства выражения контраста обнаруживают сходство в русской и литовской паремике. Ближняя периферия, включающая оппозиции гипонимов и гиперонимов, контекстуальные антонимы, наиболее структурирована в русском языке, частотной является оппозиция *свой/чужой*. Дальняя периферия, представляющая контрастирующие словосочетания, межчастеречные антонимы, характеризуется большим разнообразием средств в литовском языке, частотны оппозиции с количественным значением. Крайняя периферия представлена в русском языке преимущественно грамматическими оппозициями «приставочный глагол / бесприставочный глагол», степеней сравнения прилагательных, в литовском языке – оппозициями «глагол без отрицания / глагол с отрицанием», предложно-падежных форм.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования представлены в виде докладов на международных, всероссийских и региональных научных конференциях: «Вопросы научного образования по гуманитарным, социальным и психологическим специальностям» (Москва,

2011), «Перспективы развития современной филологии» (Санкт–Петербург, 2011), Четвертой Всероссийской научной конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры (Коломна, 2012), «Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» (Москва, 2013), «Балтийские языки и литературы в истории и в современном мире» (Москва, Вильнюс, 2013); на ежегодных внутривузовских конференциях (Волгоград, 2011-2014гг). По теме диссертации опубликовано 11 работ, в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Структура работы. Диссертация включает введение, две главы, заключение и список использованной литературы.

Глава I Проблемы паремиологии в аспекте языковой картины мира

1.1 Понятия «пословица», «поговорка» и «паремия»

В соответствии с целью исследования нам представляется важным привести дефиниции терминов *пословица*, *поговорка* и *паремия*.

Важно отметить, что у данных терминов обширная и сложная дотерминологическая история: они возникли вне научной лексики, подобно многим словам, пришедшим в науку из лексики общенародного употребления либо из лексикона специальных слов других областей знания.

В современной науке нет единого определения понятия *пословица*, что вполне объяснимо. Данное понятие исторически многозначно и общеупотребительно, в настоящее время пословица является объектом изучения в разных науках (например, в лингвистике, поэтике, фольклористике), которые занимаются различными аспектами ее сущности и поэтому дают разные определения понятия.

В языке XI–XV веков слово *пословица*, по мнению И. И. Срезневского, имело следующие значения: «словесный договор»; «соглашение»; «соумышление»; «согласие, мир»; «поговорка, пословица». Вероятно, слова *поговорка*, *пословица* являлись синонимами и были вполне взаимозаменяемы (Срезневский 1989: 1236).

В предисловии к сборнику «Русские народные пословицы и притчи» И. М. Снегирев говорит об эволюции семантики слова *пословица* от древнерусских значений «условие», «помолвка», «совещание», «согласие» к значению, «какое имеет лат. *proverbium* и франц. *proverbe*, т. е. что придается, молвится к слову, что согласно со словом и делом... что согласно с истиною» (Снегирев 1995: 27–28). Как видим, само слово *пословица* имело в древнерусском языке ряд значений, сходных по семантическому признаку «произнесенность».

Видимо, слово *паремия* являлось семантическим эквивалентом слова *пословица*. Это заимствование из греческого языка вначале соответствовало

русским словам *притча, пословица, поговорка* в их древнерусских значениях. Указание на это можно найти в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера (Фасмер 1986: 206).

И. И. Срезневский представляет слово *паремия* как лексическую единицу ограниченного употребления, связанную с церковной литературой, и выделяет три его значения: «притча», «изречение»; «избранные места из священного писания, читаемые на богослужении»; «церковная книга, заключающая в себе паремии» (Срезневский 1989: 881, 1482). В церковном обиходе семантика слова была достаточно узкой: оно означало особый тип изречений, выбираемых из священного писания для чтения во время богослужения. Недаром в словаре В. И. Даля *паремия* определяется как «нравоучительное слово», т. е. текст дидактического, назидательного характера (Даль 1882:18).

Таким образом, поучительность (дидактичность) и распространенность – два признака, сближающие в семантическом плане понятия *пословица, поговорка, паремия* в истории русского языка.

В.И.Даль в предисловии «Напутное» к сборнику «Пословицы русского народа» определяет *пословицу* как короткую притчу, «суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности». При этом автор четко определяет структуру пословицы, которая, подобно притче, состоит из двух частей: «из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения; нередко, однако же, вторая часть опускается, предоставляется сметливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь от поговорки». Указывается также и такой признак, как логическая форма мысли («суждение» и «обиняк»), которая делает возможным применение пословиц в переносном значении и отличает их от других малых форм (Даль 1996:15). Там же В.И.Даль представляет термин *пословичное изречение*, относя к ним изречения, по форме напоминающие пословицы, но не имеющие переносного, метафорического значения. Пословичное изречение «не заключает в себе

никакой притчи, иносказания, обиняка», между ними и пословицами нет четкой границы (Даль 1996:16). В.И.Даль широко понимал термин пословица, поэтому включил в свой сборник собственно пословицы, пословичные изречения, поговорки, приговорки или пустоговорки, присловья, скороговорки или чистоговорки, загадки, прибаутки или пустобайки, а также пословичные поговорки о приметах, поверьях, житейские и хозяйские правила.

Переносное, метафорическое значение изречения и его обобщенность А. А. Потебня считал важнейшими признаками *пословиц* как своеобразных «алгебраических формул», ставил их в центр пословичной системы. В сфере интересов ученого – генезис пословицы, «сокращение» басни до пословицы. В широком смысле ученый считал возможным называть пословицами и изречения нравственного содержания с отсутствием отсылки к образной ситуации, называя их безобразными, тем не менее, по мнению ученого, они заслуживали меньшего внимания как периферийные (Потебня 1990:105). Важным, как представляется А. А. Потебне, является именно сочетание двух условий: изречение должно быть образным по форме и обобщающим по сути. Конкретный образ легче воспринимается сознанием, его легче осмыслить и запомнить, так как задействуется не только логическая, но и эмоциональная сторона сознания.

Для филологии XIX века *пословица* – понятие, включающее в себя признаки обобщенности, образности, логической сложности, дидактичности и общеизвестности.

Важно отметить факт соотносительности пословиц с поговорками в работах многих ученых. М.А.Рыбникова в статье "Русская поговорка" (1939) высказывает предположение о том, что «некоторые поговорки являются осколками пословиц («чудеса в решете»), а некоторые пословицы создаются как развертывание и дальнейшее оформление поговорок («и нашим и вашим за копейку спляшем»)» (Рыбникова 1958: 208,155). Однако автор замечает, что далеко не все поговорки основаны на пословицах, следовательно,

решение вопроса о том, образована ли поговорка от пословицы или наоборот, нередко представляется спорным.

В настоящее время словари фиксируют значения терминов *пословица* и *поговорка*, утвердившиеся в филологии XIX века. Так, словарь русского языка Академии наук СССР под редакцией А. П. Евгеньевой определяет пословицу как «меткое образное изречение, обобщающее различные явления жизни и имеющее обычно назидательный смысл»; поговорку как «общеизвестное выражение, обычно образное, иносказательное, не составляющее, в отличие от пословицы, цельного предложения и не имеющее назидательного смысла» (Евгеньева 1981–1984: 317,167). Аналогичной позиции придерживается современное литературоведение, находя различие между пословицей и поговоркой в их логико-синтаксической и прагматической характеристике (Тимофеев, Тураев 1974:272; Кожевников, Николаев 1987:283). Однако важно отметить существование иной позиции, согласно которой поговорка используется в качестве синонима пословицы, при этом оба термина соответствуют английскому *proverb*. Такая позиция показана в отсылочной части статей в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (Ахманова 1966: 341, 328).

В XX веке произошла специализация термина *паремия*, он постепенно исчезает из филологических справочников и академических словарей. Так, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова фиксирует его с пометой «лит. и церк.» в значении «чтение, отрывок из Ветхого завета», в этимологической справке указывается греческое происхождение и приводится перевод соответствующего греческого слова как «притча», без упоминания пословицы (Ушаков 1939: 44). «Словарь иностранных слов» издания 1949 г. также посвящает данному слову словарную статью, хотя и не совпадая в семантизации с предыдущим источником: «ПАРЕМИЯ [< гр. *paroimia* пословица] – поучение, притча, изречение» (Словарь иностранных

слов 1949: 476). Последнее издание, в котором встречается термин *паремия*, – шестое, вышедшее в 1964 году.

Слово *паремия* отсутствует и в наиболее известных филологических справочных изданиях, в редких случаях упоминания оно употреблено как синоним пословицы и поговорки. К примеру, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой этому термину не отводится отдельная статья, он упоминается как родовое наименование к терминам *пословица* и *поговорка*. В статье СЛОВАРЬ дается составной термин СЛОВАРЬ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ (со ссылкой на английское соответствие *dictionary of proverbs*), который толкуется как «Словарь пословиц и поговорок» (Ахманова 1966:421). Прямое подтверждение такому пониманию термина содержится в монографии В. Н. Телия, где за термином *паремии* поясняется в скобках: «пословицы и поговорки» (Телия 1996: 58).

Современные филологические и энциклопедические словари не отмечают семантического тождества слов *пословица* и *паремия*, вместе с тем нет однозначной дефиниции паремии, которую можно определить как устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное изречение дидактического характера, включающее в себя пословицы, поговорки и идиоматические выражения (Мокиенко 2007: 12).

В центре внимания паремиологов-лингвистов находятся исключительно пословицы, которые рассматриваются как единицы паремиологического уровня языка, существование которого было доказано в трудах Г.Л. Пермякова (Пермяков 1988: 84–87).

Г.Л.Пермяков дает свое определение термина, не включая в паремии фразеологизмы, при этом отмечается сходство между фразеологическими оборотами и пословицами и поговорками, которое проявляется в клишированности, сходстве внешней синтаксической формы, наличии трех планов, наличии образной или прямой мотивировки общего значения и т.д. По Г.Л. Пермякову, паремия – более широкое понятие, это народное изречение, выраженное предложением (например, пословицы, поговорки,

приметы) или короткой цепочкой предложений (например, побасенки, «одномоментные» анекдоты, загадки) (Пермяков 1970: 33).

Как видно, в трудах современных паремиологов наблюдается две основные тенденции в трактовке термина паремия.

Данное исследование проводится с опорой на следующее понимание терминов.

Пословица – устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, обычно двучленное, имеющее одновременно буквальный и переносный план (или только переносный/ или только буквальный) и пригодное к использованию в дидактических целях.

Поговорка – устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, не имеющее законченного умозаключения, одночленное по структуре, обычно лишенное обобщающего поучительного смысла.

Термин *паремия* рассматриваем в качестве родового наименования, пословицы и поговорки являются единицами паремиологического пространства.

1.2 Литовская паремиология: история и современное состояние

Литовская паремиология – вполне сложившаяся наука с богатой историей и значимыми для европейской культуры и науки достижениями. Ее цель – исследовать семантику, происхождение, тенденции развития литовского пословиц и поговорок. Основные направления деятельности – изучение специфичности, функционирования паремиологических единиц, способов образного моделирования, особенностей перевода, роли паремиологии в истории народа, соотношение региональных, национальных и международных процессов в пословицах и поговорках. Периферические поля исследования определяют связи паремиологии с другими науками – языкознанием, литературоведением, историей, этнографией, психологией, эстетикой и т. д.

Значительные результаты в изучении литовских паремий получены в XIX веке (это было время формирования различных научных теорий), тогда была сформирована методологическая основа науки. Развитие национального самосознания, следование романтическим идеям, господствовавшим в общественном сознании, повышали интерес к фольклору и его исследованию. Именно в XIX веке усилиями литовских и иностранных ученых начинается важнейший этап в работе с фольклорным материалом – сбор образцов, издание фольклорных сборников и одновременное изучение и сравнение полученного материала. Пословицы и поговорки в сравнительном аспекте начали изучать позже, чем другие жанры фольклора, например, сказки или баллады.

В XX веке формируются школы антропологической этнографии и фольклористики, литовская фольклористика развивается значительно интенсивнее, начали создаваться новые методологии и теории: историко-географическая, функциональная, структурализм, семиотическое направление, коммуникативное, контекстуальное и др. В первой половине XX века изучением фольклора занималось Литовское научное общество, издавался журнал «Литовский фольклор». В это же время литовская фольклористика попадает в сферу интересов Литовского университета, на базе которого читаются курсы по фольклору. Вопросы фольклористики широко отражаются в публикациях изданий общелитовского профиля «Народ и слово», «Труды и дни», с 1930 года В. Креве-Мицкявичюс редактирует журнал «В нашем фольклоре».

С 1935 года по примеру Латвии, Эстонии, Финляндии начато создание архива литовского фольклора. Руководитель проекта Й. Балис начинает издательство журнала «Труды по фольклору». За первую половину XX века собрано около полумиллиона фольклорных произведений, большая часть которых записана с помощью фонографа. Наиболее значительные паремиологические сборники XX века: Винцас Креве-Мицкявичюс «Пословицы и поговорки» (1934-37, в трёх томах); «Литовский фольклор

XVII и XVIII веков» (1956), «Пословицы и поговорки» (1958), «Литовский фольклор» (1968, т. 5).

Расцвет литовской фольклористики XX века связан с именем К. Григаса (1924–2002), основоположника современной паремиологии, сформировавшего в фольклористике четкое компаративное направление. И в настоящее время это направление исследований у литовских фольклористов является наиболее продуктивным. По утверждению К.Григаса, данное направление в исследовании литовских пословиц берет начало в работе ученого XVII века Пилипаса Руйгиса «Исследование литовского языка» (написана в 1706 г., напечатана в 1745 г.). Его замечания по поводу пословицы «Бог дал зубы, даст и хлеба» можно назвать попыткой сравнительного анализа пословицы: автор сравнивает эту пословицу с греческим эквивалентом, обращая внимание на лексические, смысловые, фонетические совпадения, выдвигает ставшую популярной в Литве версию о родственности языков (Grigas 2000: 26).

Знаковым событием для литовской фольклористики является издание в 1956 году книги пословиц, поговорок, загадок «Малый литовский фольклор XVII – XVIII веков» Юргиса Лебедиса. Книга составлена из записей Якубаса Бродовскиса (лексикографа Малой Литвы – бывшей Восточной Пруссии; 1692–1744 гг.) и других рукописных и печатных источников, созданных до начала XIX века. Данный сборник малых жанров фольклора включает толкование содержания пословиц и поговорок, примеры семантически и идейно близких немецких и литовских пословиц. К отдельным пословицам приводятся комментарии собирателей литовского фольклора А Шлейхера, Г.Нессельманна, К Милкуса, М.Межиниса (Межитовского), Ю. Крашевского и других.

Популярные в мире во второй половине XX века направления структурного и семиотического анализа текстов в литовской фольклористике явных последователей не нашли. Однако важными и перспективными К.Григас считал некоторые семиотические работы по проблемам семантики

пословиц, в том числе высоко оценил труды эстонского ученого Арво Крикманна, в которых отражено «взаимодействие поэтической структуры и семантического содержания» (Grigas 2001: 105).

Вторая волна интенсивного развития паремиологии начинается в середине 60-х годов XX века, когда при Институте литовского языка и литературы образуется отдел фольклористики. Именно в эти годы издаются фундаментальные труды К.Григаса по компаративной паремиологии, некоторые из них имеют международное значение. Значительное влияние на развитие литовской паремиологии имели работы латышского ученого Э. Кокаре, исследователя латышских, литовских и немецких паремий в сравнительно-историческом аспекте.

Современная литовская паремиология продолжает социологические исследования малых жанров фольклора: каково место и значение пословиц и поговорок в современном обществе, в различных социальных группах, в каком контексте и с какой целью современный человек использует традиционную паремию и почему ее пародирует или искажает.

Институт литовской литературы и народного творчества с 1988 года приступил к созданию электронного сборника литовских пословиц и поговорок. Такой сборник (www.aruodai.lt/patarles) задуман как электронная картотека, в настоящий момент она охватывает более 60 тысяч пословиц, более 100 тысяч вариантов пословиц из почти 200 тысяч пословиц и поговорок картотеки Института литовской литературы и народного творчества. В картотеке указываются сведения о месте и времени записи пословицы, дается комментарий каждой пословицы и контекст употребления, пословицы распределены по типам, к каждому типу подобраны варианты и переводы на русский и немецкий языки, указаны синонимичные пословицы в других языках.

«Пословицам не грозит такая же судьба, как старинным песням или сказкам, все более теряющим первичную основу – связь с традиционными церемониями, развлечениями, работами», – так в обзоре современной

фольклористики писал К.Григас (Grigas 1998: 22). Пословица – необычайно гибкий жанр, который приспособливается к меняющимся жизненным условиям, она существует не только в современной разговорной речи разных социальных слоев, но и давно проникла в язык художественной литературы, прессы, радио, телевидения, рекламы, Интернета.

1.3 Языковая картина мира: различные подходы

Базовая установка исследования на реконструкцию фрагментов русской и литовской языковой картины мира (далее ЯКМ) ставит перед необходимостью определить основные содержательные признаки самого понятия ЯКМ, его соотнесенности с понятием картины мира (далее КМ), характеризующихся в современной лингвистике явной неоднозначностью трактовок.

В научной литературе встречаются и другие, синонимичные термины: «модель мира», «образ мира», «концептосфера», эти понятия стали предметом изучения многих наук: философии, психологии, культурологи, языкознания и других. Среди первых лингвистов, занимавшихся этим вопросом, – В. Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф, Г. Шухардт, А. А. Потебня и другие. Понятие КМ подробно разработано, широко используется и относится к числу основных категорий современного научного познания

Данный термин возник в трудах учёных-физиков Г. Герца, М. Планка, А. Эйнштейна в конце XIX – начале XX века (Герц 1959; Планк 1974). Первоначально они понимали под КМ преимущественно результаты своих исследований по физике. Г. Герц трактовал окружающий физический мир как совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получить сведения относительно поведения данных предметов (Герц 1959: 34). Сходным образом М. Планк трактовал КМ как «образ мира», формируемый наукой и отражающий реальные закономерности природы (Планк 1974: 112).

Постепенно термин КМ приобрел узкое значение: это вся совокупность и система знаний отдельной науки, фиксирующая целостное видение предмета данной науки на определенном этапе ее истории; данная система меняется с переходом от одного этапа к другому (поэтому существуют такие термины, как «биологическая картина мира», «физическая картина мира», «языковая картина мира» и другие) (Пименова 2004: 5).

Термин КМ, выражающий особое мировидение народа, опредмеченное языком, был впервые сформулирован В. Гумбольдтом, который говорил, что язык очерчивает вокруг человека круг, из которого он может выйти, только войдя в другой круг (Гумбольдт 1984: 56).

Широко трактовал это понятие и Э. Кассирер, который считал, что «отправной точкой» всякого познания является сформированный языком мир: и естествоиспытатель, и историк, и даже философ «видят» предметы первоначально так, как им «преподносит» их язык (Кассирер 1995: 164).

КМ возникает в сознании человека во время его контактов с этим миром, это совокупность образов действительности в сознании человека, которая определяет все стороны его деятельности.

Философскому осмыслению КМ в русском и других языках посвящены монографии современных авторов (Апресян, 1995; Арутюнова, 1999; Булыгина, 1981; Караулов, 1987; Кубрякова, 1999, 2001; Лихачев, 1993, 1994, 1997; Постовалова, 1994; 1999; Степанов, 1997; Шмелев, 2002). Ученые определяют КМ как «глобальный образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека, то есть выражающий существенные свойства мира в понимании человека в результате его духовной и познавательной деятельности». (Постовалова 1994:11). В.И. Постовалова дает определение также концептуальной КМ (далее – ККМ); это «глобальный образ мира, существующий в сознании какого-либо социума в определенный период его истории и лежащий в основе мировидения человека» (Куликова, Салмина 2004: 31–32).

Сходное определение КМ принадлежит М.М. Маковскому, по его мнению, КМ есть субъективный образ-гештальт объективного мира; КМ является идеальным образованием, которое может опредмечиваться в знаковых формах различного вида, не запечатлеваясь полностью ни в одной из них. КМ является недискретным образованием, она существует в нечетком, неоформленном и неотрефлексированном состоянии; ее знаковым выражением является «модель мира» (Маковский 1996: 15–17).

Проанализировав определения термина КМ, мы выделяем ряд общих положений для характеристики феномена КМ – это глобальный и в то же время субъективный образ объективного мира, основанный на познавательной деятельности человека.

Разновидностями КМ считаются наивная и научная КМ, различающиеся по способу познания действительности: практическому – осуществляемому в процессе трудовой деятельности и повседневной жизни, или теоретическому – целенаправленному и осуществляемому с помощью специальных методов изучения действительности или отдельных ее объектов.

В лингвистической науке дифференциация научной и наивной КМ опирается на предложенное А.А. Потебней еще в 70-е годы XIX в. разграничение «ближайшего» (собственно языкового) и «дальнейшего» (соответствующего данным науки) значения слова. Ученый писал: «...Под значением слова...разумеют две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем *ближайшим*, другую, составляющую предмет других наук, – *дальнейшим значением слова*. Только одно ближайшее значение составляет действительное содержание мысли во время произнесения слова <...> Ближайшее значение слова *народно*, между тем дальнейшее, у каждого различное по количеству и качеству элементов, – *лично*. Из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе, как при посредстве народного понимания, т. е. языка и средств, создание которых условлено существованием языка. Таким образом,

область языкознания народно–субъективна. Она соприкасается, с одной стороны, с областью чисто личной, индивидуально–субъективной мысли, с другой – с мыслью научной, представляющей наибольшую в данное время степень объективности» (Потебня 1958: 9–20). Данное высказывание отражает идею противопоставления бытового (наивного), понятного всем говорящим на данном языке понятия и понятия научного, не зависящего от языка и осознаваемого каждым человеком в той или иной мере только в зависимости от степени его образования, количества приобретенных знаний, меры "учености" и т. п.

Вслед за А.А. Потебней такое разграничение проводили многие исследователи, вводя различную терминологию, например, Ю.Д. Апресян использует термины *наивное* и *научное представление* (Апресян 1974: 57).

Наивная КМ – это результат практического (то есть осуществляемого в процессе трудовой деятельности и повседневной жизни) познания действительности, имеющий этническую или национальную специфику и находящий выражение, прежде всего, в лексическом составе языка (Куликова, Салмина 2004: 31–32). Научная КМ – это результат стремящегося к интернационализации теоретического (то есть целенаправленного и осуществляемого с помощью специальных методов изучения действительности) познания мира (там же).

В работе «Лексическая семантика» Ю.Д. Апресян рассуждает о специфичности наивной КМ: 1) наивная картина некоторого участка мира может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины того же участка мира, которая является общей для людей, говорящих на самых различных языках; 2) наивные КМ, извлекаемые путем анализа из значений слов разных языков, могут в деталях отличаться друг от друга, в то время как научная КМ не зависит от языка, на котором она описывается. Например, с «русской» точки зрения, диван имеет длину и ширину, а с «английской» точки зрения – длину и глубину; в Германии

ширину дома можно измерить в окнах, а в России этот способ необычен, хотя и понятен (Апресян 1974: 59).

При определении специфических особенностей ЯКМ многие исследователи сопоставляют ее с научной картиной мира (далее НКМ). Ученые указывают в первую очередь на существенное отличие фиксируемых в семантике естественного языка знаний от научных, исходя из представления о разнице структуры и объема значений лексических единиц, определяемых как наивные, обиходные понятия, и структуры и объема научных дефиниций терминов (Ю.Д. Апресян, Е.С. Яковлева, Е.В. Урысон, О.А. Корнилов, Е.В. Рахилина, Р.Х. Хайруллина и др.).

Физическое, философское, лингвистическое понимание КМ дает возможность перейти к понятию ЯКМ, так как язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с КМ. Во-первых, в его недрах формируется ЯКМ, один из наиболее глубинных слоев КМ у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие КМ человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, принося в него черты человека, его культуры.

В настоящее время существует множество дефиниций понятия ЯКМ, однако, по мнению О.А. Корнилова, «любое толкование понятия ЯКМ не может претендовать на абсолютную истинность, поскольку это не объективно существующая реальность, а умозрительное построение, используемое его создателями для решения каких-либо теоретических или практических задач» (Корнилов 1999: 4).

Развивая идеи В. Гумбольдта относительно влияния языка на культуру и мировидение народа, Л. Вайсгербер вводит в научный оборот термин ЯКМ и дает его подробную характеристику: 1. ЯКМ – это система всех возможных содержаний: духовных, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, и языковых, обуславливающих существование и функционирование самого языка; 2. ЯКМ, с одной стороны, есть следствие исторического развития этноса и языка, а, с другой стороны, является

причиной своеобразного пути их дальнейшего развития; 3. ЯКМ как единый «живой организм» чётко структурирована и в языковом выражении является многоуровневой. Она определяет особый набор звуков и звуковых сочетаний, особенности строения артикуляционного аппарата носителей языка, просодические характеристики речи, словарный состав, словообразовательные возможности языка и синтаксис словосочетаний и предложений, а также свой паремиологический багаж. Другими словами, ЯКМ обуславливает суммарное коммуникативное поведение, понимание внешнего мира природы и внутреннего мира человека и языковую систему; 4. ЯКМ изменчива во времени и, как любой «живой организм», подвержена развитию, то есть в вертикальном (диахроническом) смысле она в каждый последующий этап развития отчасти нетождественна сама себе; 5. ЯКМ создает однородность языковой сущности, способствуя закреплению языкового и культурного её своеобразия в видении мира и его обозначения средствами языка; 6. ЯКМ существует в однородном своеобразном самосознании языковой общности и передается последующим поколениям через особое мировоззрение, правила поведения, образ жизни, запечатлённые средствами языка; 7. ЯКМ какого-либо языка и есть та преобразующая сила языка, которая формирует представление об окружающем мире через язык как «промежуточный мир» у носителей этого языка; 8. ЯКМ конкретной языковой общности и есть ее общекультурное достояние.

Восприятие мира осуществляется мышлением, но с участием средств родного языка. Способ отражения действительности, с точки зрения Л. Вайсгербера, носит идиоэтнический характер и соответствует статичной форме языка. По сути, учёный акцентирует интересующую часть мышления индивида: «Нет сомнения в том, что многие укоренившиеся в нас воззрения и способы поведения и отношения оказываются «выученными», то есть общественно обусловленными, как только мы проследим сферу их проявления по всему миру» (Вайсгербер 1993: 34). Современная наука считает спорным утверждение Вайсгербера, что власть языка над человеком

непреодолима. Хотя ЯКМ накладывает серьезный отпечаток на индивида, действие ее силы абсолютным не является.

Дальнейшее развитие концепция ЯКМ получила в рамках теории лингвистической относительности Э.Сепира – Б.Л. Уорфа. Ученые разграничивали понятия КМ и ЯКМ. «Представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, – это всего лишь иллюзия. В действительности “реальный мир” в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» (Сепир 1993: 123). Именно поэтому, по мнению Э. Сепира, современному лингвисту сложно ограничиваться лишь своим традиционным предметом – взаимные интересы связывают лингвистику с философией, социологией, психологией, антропологией, историей культуры и даже с физиологией и физикой.

Современные представления о ЯКМ реализуются, исходя из следующих аспектов: соотношение объективного и субъективного факторов в языке; с решением этого вопроса возникает проблема объекта изучения лингвистики: рассмотрение универсального компонента или специфических черт, отдельных фрагментов ЯКМ; двойная природа ЯКМ, принадлежащей одновременно сознанию и языку; установление отношений между общей ЯКМ и индивидуальной ЯКМ (Белоусова 2008: 11–16).

Язык как составную часть культуры, аккумулирующую ее ключевые концепты, рассматривает В.А. Маслова, которая считает, что создаваемая языком модель мира есть субъективный образ объективного мира, она несет в себе черты человеческого способа миропостижения, антропоцентризма, который пронизывает весь язык. «ЯКМ – это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно ЯКМ обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и

национальными ценностями» (Маслова 2007: 23). Некоторые исследователи обращаются к категории знания и видит в ЯКМ результаты познания действительности коллективным субъектом (Пименова 1999; Голованова 2002:7).

Значительная часть ученых, определяя понятие ЯКМ, особым образом акцентирует внимание на так называемой «картинообразующей, или миропостроенческой, функции» языка, функции концептуальной организации мира, имея в виду организующую и упорядочивающую роль языка в членении, категоризации внеязыковой действительности (Апресян 1995: 350). Ю.Д. Апресян предлагает следующее определение ЯКМ – это «наивная картина мира как отражение обиходных (обывательских, бытовых) представлений о мире» (Апресян, 1995: 331). Похожие определения дают и другие российские лингвисты. В.И. Постовалова утверждает, что ЯКМ – это система наиболее общих представлений о мире (Постовалова 1994: 31). Б.А. Серебренников считает, что ЯКМ – это результат идеализации реального мира при помощи языка (Серебренников 1988: 68). Е.С.Яковлева под ЯКМ понимает зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности. «ЯКМ – это своего рода мировидение через призму языка» (Яковлева 1994: 77).

Понятие наивной ЯКМ, как считает Д.Ю. Апресян, «представляет отраженные в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка (Апресян 1986: 39). ЯКМ является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления вовсе не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков

поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир (Апресян 1986: 41).

По мнению В.Е. Урысон, «каждый язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой специфичный способ его концептуализации» (Урысон 1998:3).

В современной лингвистике можно выделить два подхода в понимании ЯКМ: «объективистский» и «субъективистский» (определения О. А. Корнилова). Мы придерживаемся «субъективистского» подхода, согласно которому ЯКМ – это отраженный в языке вторичный мир, являющийся результатом преломления в человеческом сознании объективного мира. Обыденный язык творит ЯКМ, в которой отражаются и фиксируются не только знания о мире, но и заблуждения, ощущения относительно мира, оценки, фантазии и мечты о мире. Такое понимание сущности ЯКМ не требует от нее объективности (Корнилов 2003: 98–99).

Согласно объективистскому подходу, «язык не познает мир, а следовательно, и не создает какой-либо КМ» (Колшанский, 1990: 33). Ученый придерживается мнения, что понятие КМ, если и имеет позитивный смысл (в случае, если концептуальный аппарат человека действительно отражает истинное бытие объективного мира), то присуще всему человечеству в целом в определенный исторический период. Более ограниченное понимание КМ (применительно, например, к отдельному народу) может рассматриваться лишь как часть целого. (Колшанский 1990: 76). «Язык не образует автономной модели мира, подобной той, которая осуществляется в химической, физической, биологической и других науках. Модель мира, репрезентируемая языком, включает в себя наиболее общие понятия из разных наук ...» (Шафииков 2004: 21).

Одна из современных концепций ЯКМ принадлежит Е.С. Кубряковой, которая предлагает широкое понимание термина. Автор противопоставляет ЯКМ и ККМ, такая оппозиция связана с разграничением знаний о мире, объективированных и опосредованных языком, и знаний, не связанных с вербальным кодом. Вслед за Е. Кубряковой под ЯКМ мы понимаем ту часть

«концептуального мира человека, которая имеет «привязку» к языку и преломление через языковые формы» (Кубрякова 1988: 142).

Итак, можно говорить о целой шкале подходов к ЯКМ: общечеловеческая — национальная языковая — социально-ограниченная (в том числе профессиональная) — семейная — индивидуально-речевая картины мира (Сиротинина, Кормилицына 1995: 16).

В настоящий период исследование наивной картины мира, как считает Ю.Д. Апресян, разворачивается в двух основных направлениях: 1) исследуются отдельные характерные для данного языка концепты, своего рода лингвокультурные изоглоссы и их пучки. Это прежде всего "стереотипы" языкового и более широкого культурного сознания. С другой стороны, это специфические коннотации неспецифичных концептов; 2) ведется поиск и реконструкция присущего языку цельного, хотя и "наивного", донаучного взгляда на мир. Развивая метафору лингвистической географии, можно было бы сказать, что исследуются не отдельные изоглоссы или пучки изоглоссы, а диалект в целом. Хотя национальная специфика и здесь учитывается со всей возможной полнотой, акцент ставится именно на цельной ЯКМ (Апресян 1995: 349–350).

Лингвистами была проделана и ведется огромная работа по изучению ЯКМ. В силу специфики лингвистических исследований, они порой бывают фрагментарны, что ведет к потере целостной КМ. Привлечение философского и культурологического подходов представляется целесообразным для соединения разрозненных элементов лингвокультурных исследований в единую картину, что отражают работы В.В. Воробьева (1994;1999), Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова (1980; 1982), Ю.Н. Караулова (1989).

Анализ ЯКМ также имеет огромное прикладное значение в контексте диалога культур, особенно в современных условиях глобализации и информатизации, когда стираются границы между странами и регионами, а

потенциал современных информационных технологий достиг невиданных доселе вершин.

1.4 Проблема классификации паремий. Понятие антиномии

Лексический фонд любого языка, как известно, наиболее ярко отражает окружающую носителей этого языка действительность (Виноградов 1947, 1977; Ахманова 1957; Уфимцева 1962, 1968). Для современного этапа развития языкознания характерно тесное взаимодействие когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, в связи с этим в науке определился взгляд на паремии как на единицы, выражающие аккумулярованное знание и отражающие этнокультурные традиции и мировоззрение народа (Хроленко 1982; Добровольский 1990; Никитина 1993; Путилов 1994; Толстой 1995; Чистов 1986; Червинский 1989; Артеменко 2003; Алеференко 2005; Милованова 2007; Баранов 2008 и др.). Все вышесказанное объясняет новый акцент в гуманитарных исследованиях: поворот к подробному рассмотрению общечеловеческих и национально-специфических особенностей концептуализации и категоризации мира, отраженных языковыми единицами пословиц и поговорок. Все более актуальной становится проблема рассмотрения паремиологического знака в аспекте взаимодействия языка и культуры (А.И. Мелерович 1979; В.Н. Телия 1999; Н.Ф. Алефиренко 2002; С.Г. Тер–Минасова 2000, 2003; В. М., Мокиенко 2005; Л. Б. Савенкова 2002). Особую значимость среди методов гуманитарного исследования приобретает лингвокультурологический, который определяется как комплексный метод исследования – выявления лингвистического и культурологического своеобразия рассматриваемой единицы. Под этим углом зрения, вполне соответствующим идее В. фон Гумбольдта о языке «как деятельности народного духа» (Гумбольдт 1984: 356), нами рассмотрены русские и литовские паремии.

Сходство значений и форм паремий разных этносов уже рассматривалось в работах лингвистов, компаративные аспекты

паремиологии были в центре внимания зарубежных и российских исследователей, еще начиная с конца XIX века – работы И. Гольшуха 1888, Я. Лаутенбаха 1896, И.Е. Тимошенко 1897, Э. Кокаре 1978, К. Григаса 1987, А.В.Кунина 1984, Г.Л. Пермякова 1988 и др.

Объединение пословично–поговорочных единиц в сборники (в том числе и компаративные) вызывает у лингвистов сложности и нуждается в серьезной научно–теоретической базе, так как в науке не сложилось единого принципа классификации паремий. В научной практике их множество – по алфавиту (наиболее частотно в старинных русских сборниках), по опорным словам, по времени и месту сбора паремического материала, по имени собирателя, по генетическому или монографическому принципу, по идейно-тематическим группам и т.п.

Любая классификация паремичных единиц условна. У существующих ее принципов есть преимущества и недостатки. Так, на первый взгляд, удобная для пользователя словаря классификация по алфавиту или опорному слову в ряде случаев затрудняет сам поиск и не всегда связана с содержанием паремичной единицы (Сидоркова 1999: 151). В наиболее популярных словарях В.В. Даля, И.М. Снегирева, В.И. Зими́на использован тематический принцип классификации, не раз подвергавшийся критике: темы выбираются произвольно, непоследовательно, данный принцип мало совместим с иносказательностью паремий (Рождественский 1979: 98). В частности, в словаре В.И. Даля выделяются тематические разделы, озаглавленные по различным критериям: номинативные «Одиночество», «Осторожность», по синтаксическим отношениям «Кабы – Если бы», по оппозиции «Свое – Чужое», «Сущность – Наружность». В словаре-тезариусе В.И. Зими́на главы посвящены объемным понятиям «Жизнь», «Общество», «Смерть», «Счастье», «Труд», «Человек» и другим, которые далее делятся на подтемы, в рамках которых бывает проблематично однозначно распределить паремии.

Итак, по нашему мнению, многообразие принципов классификации паремий свидетельствует о сложностях по созданию оптимальной, соответствующей всем критериям модели классификации.

Структурно–семиотический подход Г.Л. Пермякова к классификации паремий популярен в лингвистике, он основан на ситуативном подходе, то есть позволяет рассмотреть паремичные единицы через отраженную ими жизненную или мыслительную ситуацию. Отражая бинарность мира, ученый располагает паремии по предметно–тематическим группам (типам) моделируемых в паремиях ситуаций: Начало – Конец, Содержание – Форма, Целое – Часть, Вещь – Признак и т.д., а внутри этих групп – по формообразующим группам: Обычность – Необычность, Заменяемость – Незаменяемость, Обратимость – Необратимость и т. д. Такое распределение паремий по формообразующим и предметно–тематическим группам, которое позже было дополнено предметно–образной классификацией (по типам представленных в паремии вещей), дает и объективную картину паремического фонда в целом, и развернутую характеристику каждой единицы (Пермяков 1975: 247).

Центральной категорией диалектики, действующей в природе, в обществе, в мышлении, сознании, в языке, является противоположность. Столкновение и взаимодействие противоположностей создают противоречие, которое было предметом анализа у разных исследователей в разные эпохи. Как лингвистическую проблему впервые вопросы функционирования противоречий в языке в форме антиномий исследовал В. фон Гумбольдт.

Понятие *антиномия* традиционно определяется в философии как форма «существования и развития противоречия» (Грицанов 1998: 30), так как отражает особый взгляд на окружающий мир – как на гармоническое единство противоположностей. Согласно Новейшему философскому словарю, антиномия (греч. *antinomia* — противоречие в законе) — форма существования и развития противоречия в познании: противоречие,

образуемое двумя суждениями (умозаключениями, законами), каждое из которых признается истинным (Новейший философский словарь 2003: 24).

В. фон Гумбольдт в существовании антиномий видел диалектику языка: «сущность языка непрерывно повторяется и концентрически проявляется в нем самом», утверждал, что язык – это «завершенное единство», которое состоит из противоречащих друг другу понятий, эта противоречивость и определяет характер языка (Гумбольдт 2000: 91).

Антиномии – системный феномен в языке, это внутренние законы языка, которые обуславливают его саморазвитие. На каждом новом этапе языкового развития антиномии разрешаются в пользу то одного, то другого начала, это ведет к возникновению новых противоречий. Борьба таких противоположных тенденций и является движущим механизмом языковой эволюции. Заложенное в языке единство противоположностей служит неиссякаемым источником процессов самоорганизации и при этом отличается качественным своеобразием (Панов 1968: 23–24). Окончательное разрешение антиномий невозможно: это означало бы, что язык остановился в своем развитии.

Идея антиномической природы языка, раскрытая в трудах В. фон Гумбольдта, является основополагающей в современном языкознании, хотя в российской науке конца XIX – начала XX веков существовали глубокие исследования данной темы. А.А. Потебня и П.А. Флоренский в своих логико-лингвистических исследованиях писали о способах разрешения антиномических ситуаций. Так, А.А. Потебня в работе «Мысль и язык», размышляя о проявлении в языке антиномии субъективности и объективности, утверждает функцию языка как посредника «между лицом и миром», в то же время язык «усваивает человеку этот мир: в пестром разнообразии чувственных впечатлений мысль открывает законность, согласную с формами нашего духа, и связанное с нею обаяние внешней красоты» (Потебня 1989: 43).

П.А. Флоренский также констатирует противоречивость строения языка, которая складывается из антиномий: «именно противоречивостью этою, в ее предельной остроте, и возможен язык – вечный, незыблемый, объективный» (Флоренский 1988: 98).

В своей работе «Антиномия» Л.А. Грузберг отмечает, что «обычно сопоставляются вещи абсолютно противоположные, например: внутренняя цельность – противоречивость, многоликость – безликость, неизменность – изменчивость, одинаковость – своеобразие, предельность – беспредельность» (Грузберг 2003: 33).

Особый интерес в связи с темой нашего исследования представляет характеристика антиномичных оппозиций, широко представленных в паремическом фонде языка. Данные оппозиции семантизируют значимость неких ценностей через противопоставление их антиценностям, а следовательно, отражают философию культур и языков. Подобные оппозиции декларируют определенный набор наиболее важных для этноса культурных значений, в том числе и морально–нравственных (Милованова, 2007: 24).

Логическая структура паремичной единицы определяет ее тему и представляет собой «инвариантную пару противопоставлений, совершенно независимо от того, какими реалиями эта пара представлена и в каких отношениях друг к другу данные реалии находятся» (Лихачев 1997: 280). Эта пара противопоставляемых сущностей и есть антиномия, то есть единство противоположностей, на котором основана любая паремия, например: *добро - зло, любовь - ненависть, друг - враг, свое - чужое, малое - большое, новое - старое, содержание - форма, часть - целое, высокое - низкое* и т.д.

Наряду с понятием *антиномии* в лингвистике XX века появляется другое, также связанное с противоречивостью мира. Термин *бинарная оппозиция* принадлежит структурной лингвистике, происходит от латинского «*binarius*» – что означает: двойной, двойственный, состоящий из двух частей. Бинарная оппозиция, или бинаризм, – универсальное средство

познания мира, потому что двоичность восприятия окружающего мира обусловлена чисто физиологическими причинами, прежде всего тем, что мозг человека разделен на два полушария, выполняющих каждое свою функцию... (Руднев, 1999: 48–49). Понятие *бинарная оппозиция*, возникнув в фонологической методологии Н.С. Трубецкого (Трубецкой 2000:72–88), постепенно начинает рассматриваться как универсальное, в 60-е годы XX века систему бинарных дифференциальных признаков начинают использовать при анализе семантики, затем – во всех сферах гуманитарных исследований в рамках структурализма. Бинарные оппозиции универсальны: сложность картины мира может быть описана простым и остроумным способом – системой бинарных оппозиций, которая включает в себя «10–20 пар противопоставленных друг другу признаков, имеющих соответственно положительное и отрицательное значения» (Цивьян 1990: 5). Данные оппозиции связаны со структурой пространства (верх – низ, небо – земля), времени (день – ночь, небо – земля), с цветом (белый – черный), с социальными категориями (женский – мужской, свой – чужой) и т.д. «Все левые и все правые части оппозиции образуют единства, отношение между которыми может быть описано с помощью более общих оппозиций: счастье / несчастье, жизнь / смерть» (Цивьян 1990: 6). Оппозиции универсальны и потому, что служат основой различных кодов, каждый из которых имеет свою область действия. И в то же время на семантическом уровне эти коды соединяются в единую картину мира, так как описывают один и тот же объект – мир – с точки зрения одного субъекта – человека.

Набор бинарных оппозиций национально специфичен, поэтому составляет интерес для характеристики многих жанров фольклора, в том числе для сравнения паремичных единиц разных народов. Оппозиции как дихотомическое явление являются организующим центром, определяющим упорядоченность и устойчивость структуры.

На закономерностях человеческого восприятия и познания строится и один из универсальных художественных принципов, организующих многие

пословицы и поговорки разных языков. Это контраст – динамическое противопоставление двух содержательно–логических планов изложения; данный принцип является фундаментальным композиционно–стилистическим при организации речи вообще. Без преувеличения можно сказать, что данный принцип представляет собой тенденцию человеческого ума в стилистической обработке (Балли 1961: 194).

Согласно определению, предложенному О.С. Ахмановой, контраст – это «фигура речи, состоящая в антонимировании лексико–фразеологических, фонетических и грамматических единиц, воплощающих контрастное восприятие художественной действительности» (Ахманова 1966: 207). Т.Г. Бочина справедливо считает контраст «одним из фундаментальных композиционно–стилистических принципов развертывания речи и универсальным художественным принципом пословичного жанра... Контраст – динамичное противопоставление двух содержательно–логичных планов изложения» (Бочина 2003: 4). Именно поэтому контраст проявляет себя на всех уровнях языковой структуры, в том числе является одной из характерных стилистических особенностей паремий любого языка. Одно из средств создания контраста в них – использование антонимов.

Языковой универсалией, основанной на логической категории противоположности и определяющей системность языка прежде всего на уровне лексики, является антонимия – это тип семантических отношений, существующих между словами одной части речи и выражающих противоположное качество, противоположную направленность действий, состояний, признаков и свойств. Лексические антонимы признаны большинством ученых – лингвистов «настоящими, истинными проявлениями противоположности в языке» (Новиков 1973: 4). Антонимические отношения существуют в пределах разных частей речи, в наиболее ярко выраженном виде они представлены качественными прилагательными. При этом одно и то же слово может входить в состав разных лексико–семантических парадигм.

У антонимов есть общий инвариантным признак – наличие предельного отрицания в толковании одного из антонимов: высокий — низкий (предельно невысокий) (СЛГ 2005: 17). Внутри этого признака различают три разновидности антонимии:

1) контрарная противоположность (наиболее характерный и распространенный ее вид), которую выражают крайние симметричные члены упорядоченного множества, между которыми существует средний, промежуточный член: *молодой – нестарый, немолодой, пожилой...– старый; холодный – негорячий, прохладный, теплый... – горячий* и т. п.;

2) комплементарная противоположность, в которой, в отличие от контрарной, между противопоставляемыми членами нет среднего, промежуточного члена: *живой — мертвый, истинный – ложный, можно – нельзя, вместе – врозь* и т.п.;

3) векторная противоположность разнонаправленных действий, движений, признаков: *подниматься – опускаться, входить — выходить, революционный – контрреволюционный* и т.п. (Новиков 1982: 343–250).

Антонимия как семантическая категория имеет центр (ядро) и периферию, где располагается ряд смежных явлений.

Согласно цели нашего исследования, мы разделили русский и литовский фактический материал на семантические группы, построенные на антиномических отношениях и ценностных ориентациях, исходя из репрезентации в их семантике лингвокультурных антиномий. Паремии, представленные в нашем фактическом материале, выступают как нормативно–оценочные категории, которые в сентенционной форме отражают критерии и установки народов, в том числе в культурно-социальном аспекте, при этом в них содержится антиномия, то есть присутствует или подразумевается контраст, указывается на конфликт или он разрешается.

Распределение паремий на семантические группы, выражающие антиномии, связано с внутренней природой паремий (содержащийся или

подразумеваемый конфликт, контраст) и со специфичностью понятия «антиномия», которое является результатом особого взгляда на окружающий мир как на гармоническое единство противоположностей.

Из всей массы фактического материала нами выбраны определенные группы паремий с учетом идей В.И. Карасика о двух видах ментальных образований – параметрических и непараметрических (ученый использовал данные понятия для содержательной характеристики лингвокультурологических концептов). Параметрические ментальные образования связаны с классифицирующими категориями для сопоставления реальных характеристик объектов – пространство, время, количество и др. Параметрические ментальные образования своеобразны, их ценностный компонент выводится дедуктивно при конкретизации в дискурсе.

Вторую группу, непараметрические ментальные образования, В.И. Карасик разделяет на регулятивные и нерегулятивные. К первым относятся те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент («счастье», «долг», «щедрость» и др.); содержится оценочный кодекс той или иной лингвокультуры. Именно они представляют наибольший интерес для выявления особенностей ментальности определенного народа, либо той или иной группы в его составе. В этой группе могут выражаться как позитивные, так и негативные ценности (например, «надежда» и «зависть») (Карасик 2005:151). Исходя из этого, мы рассматриваем паремии, которые репрезентируют непараметрические регулятивные ментальные образования как квинтэссенцию культуры.

Аналізу подверглись следующие лингвокультурные антиномии: «ум – глупость», «счастье – несчастье», «храбрость – трусость», «добро – зло», «правда – ложь», «любовь – ненависть», «жадность – щедрость», «бедность – богатство», «трезвость – пьянство», «дружба – вражда», «труд – безделье», «родители – дети», «женщины – мужчины». Приведенные семантические бинарные оппозиции широко представлены в русском и литовском паремическом фонде. Каждая группа оппозиций репрезентирует реалии

окружающего мира и в то же время является одной из определяющих категорий человеческого сознания. Данные антиномии универсальны для разных культур и отражают мировосприятие определенного этноса.

Лингвокультурные антиномии могут быть представлены в виде иерархической структуры – в виде бинорма, включающего в себя мономы и субмономы. Моном (греч., от *monos* один, и *nomos* член), в нашем представлении, – это структурный компонент, репрезентирующий определенную полярную антиномичную характеристику в рамках соответствующего бинорма. Моном, в свою очередь, представлен субмономами, конкретизирующими данную характеристику. Состав субмономов варьируется в рамках различных антиномий.

Исходя из фактического материала, субмономы можем систематизировать с точки зрения квалификации сущностных признаков лингвокультурных антиномий следующим образом: выделяются качественные, количественные, поведенческие, аддитивные, экзистенциальные, результирующие, аксиологические, акциональные, реляционные субмономы.

Выводы по Главе I

В работе паремии рассматриваются как одно из средств объективизации представлений этноса о мире, как отражение ЯКМ, общего и культурно-специфического в ней. Обращение к дефинициям понятий *паремия*, *пословица*, *поговорка* в исторической и современной парадигме лингвистических исследований позволило выявить изменения в семантике терминов и представить те определения, которых мы придерживаемся.

Семантически близкие универсальные понятия, иллюстрирующие категорию противоположности, – *антиномия*, *бинарная оппозиция*, *контраст*, *антонимия* – входят в сферу интересов исследователей паремического фонда языка, так как определяют семантическую и

структурную сложность изучаемых единиц и являются неотъемлемой частью ЯКМ.

В главе также рассмотрено понятие *картина мира*, конкретизированное различными его научными определениями. Среди определений понятия – *языковая*, детализирующее понятие с точки зрения лингвистики. Рассматривая ЯКМ с точки зрения лингвокультурологии, мы определяем ее как вербализованную систему, в которой запечатлен национальный способ видения окружающего мира. Знание ЯКМ другого народа позволяет погрузиться в исследование иного культурного контекста с его особенной национальной эстетикой и национальным символизмом.

Многообразие принципов классификации паремий, отмеченных в главе, свидетельствует о сложности создания оптимальной, соответствующей всем критериям модели классификации. Исходя из целей и задач нашего исследования, мы систематизировали русские и литовские паремичные единицы с точки зрения квалификации сущностных признаков релевантных лингвокультурных антиномий.

Нами установлена иерархическая структура антиномий, включающая бином, мономы, субмономы. Данная структура находит выражение в семантике паремий русского и литовского языков.

Глава II Структурно-семантическая характеристика паремий

2.1 Бином «ум – глупость»

Паремии, иллюстрирующие данную семантическую оппозицию, характеризуют интеллектуальные возможности человека, отражают столкновение представлений об уме и глупости, определенных стереотипов мышления и поведения.

В ходе сопоставительного анализа русских и литовских паремий было установлено, что в них ключевыми лексемами-репрезентантами оппозиции «ум» / «глупость» являются лексемы *ум, умный, protas, protingas – глупость, глупый, дурак, kvailus, kvailumas, durnius, žioplas*. Содержательный минимум оппозиции имеет значение *обладающий высокой/ограниченной способностью думать и понимать*.

Особенностью фактического материала является следующая закономерность: в семантике одной паремичной единицы могут быть вербализованы два монома в рамках биномиальной оппозиции, либо каждый моном представлен отдельной единицей. Так, среди паремий русского и литовского языков выделены единицы, построенные на контрасте, с семантической оппозицией ключевых лексем (здесь и далее перевод наш – Н.Г.): *Где умному горе, там глупому веселье; Глупый осудит, а умный рассудит; Умная голова сто голов кормит, а глупая и своей не прокормит; Protingas prie ugnies sušils, o žioplas – sudegs* (Умный у огня согреется, а глупый – сгорит); *Protingas plaukas kvailą galvą palieka* (Умный волос дурную голову покидает); *Su protingu pakalbėsi, proto sau įdėsi, su kvailiu – ir savo prarasi* (С умным поговоришь – ума себе добавишь, с глупым – и свой потеряешь).

В рассматриваемой группе паремий структура лингвокультурной антиномии представлена мономами «ум» и «глупость», которые репрезентируются определенными группами субмономов (далее СМ).

Рассмотрим моном «ум». Преобладающей группой являются конкретизирующие данный моном *квалитативные* СМ, в состав которых включаются следующие:

– СМ «значимость», который широко представлен в анализируемых паремиях: *В учении не мног, да в разуме тверд; На всякую дурость ум найдется; Голова без ума, что фонарь без свечи; Разум - душе во спасенье, богу на славу; Gilus protas, nors žmogus kuprotas* (Сам горбат, а ум глубок); *Kožnas savo protu džiaugias* (Каждый своему уму радуется); *Žmogų puošia protas* (Человека украшает ум); *Paukštį plunksnos gražina, o žmogų protas* (Птицу перья украшают, а человека ум). Как свидетельствуют приведенные примеры, в русском языке подчеркивается, что ум выше образованности, в литовском акцентируется, что ум важнее физической красоты;

– СМ «практичность» (акцентирует наличие разумности, либо ее отсутствие): *Мужик умен - пить волен; мужик глуп - пропьет и тулуп; Слушай людей, а делай свое!; Умный товарищ — половина дороги; Ум найдет, да пора уйдет (пройдет); Kitų klausyk, ale savo protą turėk* (Других слушай, а ум свой имей); *Ginčais proto neįrodysi* (В споре ума не покажешь); *Mokytas – iš knygy, o durnas – iš galvos* (Ученый от книг, а глупый от головы); *Reikia dirbti su protu, ne su jėga* (Надо работать умом, а не силой);

– СМ «лукавость» (репрезентирует признаки изворотливого ума, лукавства, житейской хитрости, значимых для человека): *Лиса семерых волков проведёт; Где ум не осилит, там и хитрость не возьмёт; На иную хитрость станет и простоты!; Кто прост - тому бобровый хвост, а кто хитёр - тому весь бобёр; Gudrus visados turi tinkamą atsakymą* (У хитрого всегда есть нужный ответ); *Gudrus liežuvėlis ir iš gyvatės kiaušinį išvilioja* (Хитрый язычок и из змеи яйцо вытянет).

Следующей группой СМ являются *аддитивные*, указывающие на связь обозначаемого данным мономом понятия с другими:

– СМ «ум и материальное благополучие» (конкретизирует следующую характеристику: тот обладает умом, кто может достичь финансового успеха):

Есть рубль, есть и ум; Деньга ум родит; Turtingas protą kišenėj nešioja (Богатый ум в кармане носит); *Žmogus turtingas skaitos už protingą* (Человек богатый считается умным);

– СМ «ум и возраст», данный субмоном связывает наличие или отсутствие ума с определенным возрастом человека: *Умную голову почитают смолоду; Борода уму не замена; Молоденький умок, что весенний ледок; Jaunas amžiumi, bet senas protu* (Возрастом молод – умом стар); *Seno ir mažo protas toks pats* (У старого и малого ум одинаковый); *Senis senyn – protas durnyn* (Чем старик старше – тем ум дурнее), в литовском языке в большей степени прослеживается связь идеи «уменьшения» ума с возрастом.

Квантитативные субмономы указывают на количественные характеристики конкретизируемого понятия:

– СМ «переизбыток ума» содержит оттенок осуждения этой чрезмерной гордыни человека: *Ума-то палата, да не покрыта (да гола, т. е. беден); Ума много, да вон нейдет; Ума палата, а спина горбата; Daug proto – maž pinigų* (Много ума – мало денег); *Daug turįs proto išsisaugo nelaimių* (Много ума – много бед).

В литовском фонде паремий отмечен национально-культурный СМ «недостаток ума». В семантике паремий недостаточное количество ума выражается через сопоставление с незрелым существом, либо с определенными видами птиц: *Tiek proto, kiek pas mažą vaiką* (Столько ума, сколько у ребенка); *Tiek proto, kiek gaidžio kojų mėšos* (Столько ума, сколько мяса в петушиной ноге); *Tavo protas už žąsino šūdą dviem lotais lengvesnis* (Твой ум на два лота легче гусиного дерьма).

В рамках данного монома отмечены паремии, включающие топонимы, известные носителю языка: *Nustojo proto ir Trakuose dar negyvenęs* (лишился разума, даже не пожив в Тракай); *Renavoj, būdamas išmintingu, sutiksi su ponu protingu* (В Ренаве, будучи мудрым, встретишься с господином умным).

Второй моном «глупость» репрезентируют другие группы СМ. В частности, выделяются *экзистенциальные* СМ, указывающие на наличие определенного состояния в рамках обозначаемой характеристики:

– СМ «природная глупость» (наличие глупости как природной данности, как отсутствие ума): *Глупого бранят, а он говорит: «К обеду звонят»*; *С твоим умом только в горохе сидеть* (т. е. пугалом); *Klausk kvailio razumo* (Спроси у дурака разума); *Beprotį kaip neaprėdytum, vis bus beprotis* (Безумный всегда остается безумцем); *Durniui ir pinigai rodosi* (Дурному и деньги кажутся). В рамках данного СМ в литовском языке отмечена следующая национально-культурная особенность. Глупый человек представлен в литовских поговорках чаще всего как сумасшедший или как человек, лишенный разума, – *kvailas* (глупец), *durnius* (дурак), *beprotis* (безумец): *Du kvaili, trečias – be proto* (Два глупца, третий – без ума); *Durniui pinigai – smertis* (Дураку деньги смерть), *Beprotį kaip neaprėdytum, vis bus beprotis* (Безумец остается безумцем). При этом здесь частотно сравнение ум – свинья, что создает ироничный смысл и подчеркивает полное отсутствие разума: *Protingas – kaip kiaulė išmintinga* (Умен как мудрая свинья); *Protingas kaip Svirnelio kiaulė* (Умен как свинья Свирнялиса).

Группа *поведенческих* СМ конкретизирует особенности поведения одушевленного субъекта в рамках репрезентируемой антиномии:

– СМ «неразумное поведение» (действия глупого человека, как правило, отрицательно оцениваются социумом): *Заставь дурака богу молиться, он и лоб разобьет* (расшибет); *Дал дураку яичко: что покатыл, то и разбил*; *Неразумного учить - в бездонную кадку воду лить*; *Дома пан, а в людях болван*; *Tinginyš tingi, girtuoklis pralaka, o kvailas pats nežino, kur pinigą išleidžia* (Лентяй ленится, пьяница пропивает, а глупый сам не знает, куда деньги деваает); *Pijokas prageria, liurkis prakūrija, o durniaus ir taip pinigai praeina* (Пьяница пропивает, курильщик прокуривает, а мимо дурня деньги и так пройдут); *Nevaiškščiok išsižiojęs – varna įlėks* (Не ходи, разинув

рот, – ворона влетит); *Kvailą ir bažnyčioj tuša* (Дурака и в церкви бьют); *Kvailys kvailio prašo proto* (Дурак дурака просит ума).

Аддитивный СМ – «глупость и возраст»; в русской лингвокультуре глупость не связывается напрямую с возрастом, глупым человек может быть в любом возрасте: *Вырасти вырос, а ума не вынес; Малый что глупый: что видит, то и бредит; Во всех годах, да не во всех умах; На голове густо, а в голове пусто*. В литовской лингвокультуре глупость, как правило, является характеристикой немолодых людей: *Jauni šoka iš smagumo, seniai - iš durnumo* (Молодые пляшут от радости, старики – от глупости); *Galvon žilumas, uodegon durnumas* (В голову седина, в хвост – глупость).

В рамках монома «глупость» выделены национально–специфичные **результатирующие** СМ, в какой-то степени противоречащие друг другу с точки зрения выражаемого аксиологического оттенка, что свидетельствует о многообразии и противоречивости русской наивной картины мира: СМ «опасность глупости» квалифицирует характеристику глупости с точки зрения негативного влияния глупости на самого человека и на окружающих: *От черта крестом, от медведя пестом, а от дурака – ничем; Нет в голове, нет и в мошине; Не дай бог с дураком связаться*; СМ «оправдание глупости», напротив, указывает на определенную «положительность» глупого поведения: *Много думать - голову кружить; Глупому не страшно и с ума сойти; Для счету и у нас голова на плечах*.

Фактический материал русского языка позволил нам в рамках монома «глупость» выделить национально–культурный СМ «дурак», который можно включить в группу **аксиологических** субмономов. Исследователи, занимающиеся раскрытием феномена русского дурака в фольклоре (Никитина 2005: 104), подчеркивают, что дурак как будто живет в другом измерении, к нему не применимы общечеловеческие шаблоны. В паремиях, которые очень широко представлены в русском паремиологическом фонде, также находим тому подтверждение: *Дурак времени не знает; Дурак божьих дней не разбирает; Над дураками нет старосты; С дурака взятки*

гладки; Дураку закон не писан; Дураки только в сказках удачливы; На дураке и бог не ищет; Дураками свет стоит; Дураку, что большому чину, везде простор (везде дорога). Таким образом, дурак, с точки зрения русской лингвокультуры, не тот, кому недостает ума, а тот, кто в своем поведении отклоняется от привычных норм. При этом паремии могут выражать положительную оценку: *Дураку везде счастье; Умный сам по себе, а дураку бог на помощь; На дурака у бога милости много; Дурак — божий человек; Много ума — много греха, а на дурне не взыщут.* В рамках данного СМ прослеживается связь с мономом «Ум», в частности, дурак может оказаться умнее умного: *Дурак завяжет — и умный не развяжет; Один дурак, а умных пятерых ссорит; Дурак в воду камень закинет, десятеро умных не вытащат; И глупый умного одурачит; Не будь дураков на свете, не стало б и разума.*

Говоря о национально–культурных особенностях литовских паремий, следует отметить, что в их семантике находит отражение особый взгляд наивной картины мира на языческих богов. Бытовое поведение современного литовца тесно связано с католицизмом, страна приняла христианство в 1387 году, однако в народной памяти и культуре литовцы дольше других соседних народов сохраняли элементы язычества. В паремиях языческие символы особым образом соотносятся с понятиями *ум* и *глупость*, отражая противоречивость народного сознания. Например, сын Бога, Громовержец Пяркунас может олицетворять глупость: *Didelis kaip velnias, durnas kaip Perkūnas* (Большой как черт, глупый как Пяркунас); либо не быть глупым: *Kur velnias sėdi, ten perkūnas miša* (Где черт сидит, туда Пяркунас бьет).

К национально–культурной специфике следует также отнести следующую особенность. В рамках мономов «ум», «безделье» и «счастье» (два последних будут рассмотрены ниже) находит отражение образ Америки. В частности, глупость, безделье, поиски счастья пресуппонируются с Америкой как страной богатых возможностей для деловых, трудолюбивых, умных людей и отсутствием таких возможностей для лентяев, глупцов. Это

связано с массовой миграцией сельского населения в США в поисках лучшей доли на рубеже XIX и XX веков и создавшимся тогда же представлением об этой стране как о земле обетованной: *Ne visi protingi ir Amerikoje buvę* (Не все умные и в Америке побывали); *Amerika tinginio nepraturtina, durniaus nepramokina* (Америка богатого не обогатит, а дурного не научит); *Ir Amerikoje tinginys badą kenčia* (И в Америке лентяй голодает); *Ne kožnas ir Amerikoj laimę randa* (Не каждый и в Америке счастье найдет).

Вывлеченные антиномичные характеристики находят выражение и в семантике языковых средств, входящих в паремии. Большая часть исследованных русских и литовских паремий построена на принципе контраста. Сравнительный анализ паремий позволил выделить лексические, грамматические и лексико–грамматические средства выражения контраста. Мы считаем, что средства выражения контраста могут быть классифицированы с точки зрения полевого принципа на ядерные и периферийные. В состав ядра поля контраста мы включаем наиболее репрезентативные средства выражения контраста, представленные абсолютными, или непроизводными и производными антонимами, которые являются таковыми в любом контексте и поэтому могут рассматриваться в качестве узуальных, или языковых. Их характерные признаки: принадлежность к одной части речи и лексико–семантической группе / семантическому полю (Грузберг 2003: 33). Остальные антонимы относятся нами к периферии. В целом, их можно определить как контекстуальные (оказиональные) антонимы, так как они вступают в антонимические отношения в специфическом контексте и вне его пределов (вне пределов конкретной паремии) антонимами не являются.

Охарактеризуем ядерные средства выражения контраста в рамках биннома «ум — глупость». Значительное количество паремий построено на противопоставлении антонимов.

В рассматриваемом фактическом материале широко представлены паремии, в которых находят репрезентацию оба выделяемых монома.

Следует отметить, что качественные и субстантивные прилагательные, которые могут организовывать рекуррентные пары, весьма разнообразны по семантике. Среди них выделяются антонимичные компоненты, обозначающие положительные и отрицательные свойства оппозиции, физические и моральные качества, возраст, размер, длину и т.д.:

плохой – хороший: *Хорош домами (город), да плох головами; Промеж дурных и хорошему плохо; Blogos kojios ir gerą galvą iš kelio išveda* (Плохие ноги и хорошую голову с дороги сведут); **молодой – старый:** *Молод, глуп с придурью; стар да глуп - насквозь пророс; Старые умники вымерли, а молодые не нарождаются; Senas protu, jaunas gvoltu* (Старый умом – молодой душой); *Kaip senas gaidys gieda, taip jaunas išmoksta* (Когда старый петух поет – молодой учится); **умный – глупый:** *Глупый киснет, а умный все промыслит; Умный суму наживает, глупый и ту проживает; На других умен, на себя глуп. У глупого умный, как бельмо на глазу; Jaunas amžiumi, bet senas protu* (Молодой возрастом, но старый умом); *Geriau su protingu vyžotu negu su kvailu piniguotu* (Лучше с умным да бедным, чем с дураком богатым); *Protingas prie ugnies sušils, o žioplas – sudegs* (Умный у огня согреется, а глупый сгорит); **большой – маленький:** *Велик, да дурак; а иной и маленек, да черт ли в нем?; Pats mažyn, protas didyn* (Сам мал – ум велик); *Didi išmintis mažoj galvelėj telpa* (Большая мудрость в маленькой голове помещается); **длинный - короткий:** *Волос долог, да ум короток (у бабы), Trumpas protas, ilgas plaukas* (Длинный волос – ум короткий); *Mergos ilgas plaukas, o trumpas protas* (У девки длинные волосы, а ум короткий); *Kieno ilgas liežuvis, to trumpas protas* (У кого длинный язык – у того ум короткий); **широкий – узкий** (только в литовском языке): *Plati burna – siauras protas* (Широкий рот – узкий ум).

Наряду с прилагательными в создании контраста в литовских и русских поговорках участвуют разные части речи: конкретные и абстрактные существительные: *Дурак дом построил, а умница купил; Лучшие с умным в аду, чем с глупым в раю; Nebijok priešą protingo, bijok draugo kvailo* (Не бойся

врага умного – бойся друга глупого); *Razumnas nesakys, o durnas neklausys* (Умник не скажет – дурак не спросит); наречия со значением времени, пространства или количественной / качественной оценки (*Много видит, да мало смыслит; Спереди дурак, да и сзади так; Всяк умен: кто сперва, кто опосля; И так дурак, и сяк дурак, и этак не так, и всячески дурак; Daug proto – maž pinigų* (Много ума – мало денег); *Kas daug kalba, tas mažą teišmano* (Кто много говорит, тот мало разбирается).

Среди антонимичных глаголов отмечены единицы, обозначающие противоположные действия: *Не дай бог с дураком ни найти, ни потерять; Не говорит - ум копит; а скажет - нечего слушать; Умен, как поп Семен: книги продал, а карты купил; Родился мал, вырос пьян, помер глуп; Ką durnas pagadins, to ir razumnas nepataisys* (Что дурной испортит, того разумный не починит); *Geriau su protingu rast nei su kvailu pamest* (Лучше с умным найти, чем с дураком потерять); *Kvailys mēto, protingas pakelia* (Глупый бросает – умный поднимает).

Как видим, антонимы, образующие контрастирующие пары в составе ядра, однородны по частеречной принадлежности, но при этом весьма разнообразны по семантике.

Охарактеризуем периферийные средства контраста.

Периферия поля контраста русских и литовских паремий, в отличие от ядра, характеризуется большим разнообразием типов контрастирующих компонентов и меньшей степенью однородности. Нами выделяется периферия ближняя, дальняя и крайняя.

Ближнюю периферию представляют преимущественно слова-гипонимы, выражающие видовые понятия по отношению к родовому понятию – гиперониму и являющиеся согипонимами по отношению друг к другу. Они могут контрастировать по ценности / значимости, характеру взаимоотношений и другим свойствам. Например:

– наименования живых существ, метафорически обозначающих ум и глупость; как контрастные единицы представлены в паремиях обоих языков:

Поехал за море **теленком**, воротился **бычком**; *Didelis kaip jautis, durnas kaip avinas* (Большой как **бык**, дурной как **баран**);

– имена собственные–топонимы, лица мужского/женского пола представлены в русских поговорках: *Ростом с Ивана, а умом с болвана; Ехал к Фоме, а заехал к куме; Ехал в Казань, а заехал в Рязань*;

– названия частей тела/ внутренних органов /предметов материального и духовного мира в качестве контрастирующих единиц широко представлены в обоих языках: *Ум сам по себе, голова сама по себе; Голова не колышек: не шапку на нее вешать; Proto galvoj, kiek ir uodegoj* (Ума в голове столько же, сколько в хвосте); *Arielkai į pilvą įeinant, protas eina laukan* (**Горилка** в живот - **разум** вон); *Barzda kaip ožio, o protelio nė jokio* (**Борода** как у козла, а **умишка** никакого); *Protingas plaukas kvailą galvą palieta* (Умный **волос** с глупой **головы** бежит); *Galva kaip puodas, o proto kaip košės* (**Голова** как горшок, а **ума** как каши); *Pasisveikinsi su degtine, atsisveikinsi su protu* (Поздравляешься с **водкой** – попрощаешься с **умом**); *Protas ne kepurėj, o galvoje* (Ум не в **шапке**, а в **голове**); *Ar tu durnas, ar tu amerikonas?* (Ты **дурак** или **американец**?);

– контрастирующие лексемы со значением числа, числительные наблюдаются в поговорках обоих языков: *Трое осудят, десятеро рассудят; Ум хорошо, а два лучше; Премудрость одна, а мудростей много; Geriau pasiklausti vieno protingo negu dešimties kvailų* (Лучше спросить **одного** умного, чем **десять** дураков); *Geriau vienas protingas negu trys kvailiai* (Лучше **один** умный, чем **три** дураков).

В составе ближней периферии русских и литовских поговорок выделяется множество пар лексем, обозначающих смежные понятия, не относящихся к определенной сфере, но противопоставленных по тем же параметрам, что и синонимы: *Плут на закваске (испечен), а дурак на пресной водичке; Ленивого дошлюсь, сонливого добужусь, а с дураком ничем не развяжусь; Где умному горе, там глупому веселье; Умный смиряется, глупый надувается; Умный молчит, когда дурак ворчит; Ūgiu didelis, protu*

mažas (**Ростом** велик – **умом** мал); *Tuščia galva – ne puodynė, razumo nepripilsi* (Пустая **голова** не **горшок**: разумом не наполнишь); *Sylos turi, o proto neturi* (**Сила** есть, а **ума** нет; вариант интернациональной пословицы *Сила есть – ума не надо*); *Ne tas kalnus varto, kas drūtas, bet kas protingas* (Не тот горы ворочает, кто **крепкий**, а тот, кто **умный**); *Geriau būti protingam nekaip turtingam* (Лучше быть **умным**, чем **богатым**).

Дальняя периферия включает контрастирующие сочетания слов (Миллер 1990: 61): *Ума палата, да разума маловато; У людей и дураки - вишь ты каки; а наши дураки - невесть каки; Не тот глуп, кто на слова скуп, а тот глуп, кто на дело туп; Бывают дураки средней руки, а наши дураки последней руки; Две бараньи головы в один котел не лезут; С умом суму кроить, а без ума – только кожу травить; Svetimo žodžio klausyk, bet savo protą turėk* (**Чужое слово** слушай, но имей **свой ум**); *Vienas vaikas širdį ramina, o kitas protą pagadina* (Один ребенок **сердце** успокаивает, а другой **ум** портит).

Сходство между русскими и литовскими паремиями рассматриваемой антиномии обнаруживается и в области крайней периферии, в состав которой мы включаем грамматические оппозиции (наклонение и время глагола, степени сравнения прилагательных и наречий, падежные формы имен существительных и др.): *Умный поп только губами шевели, а уж мы и догадаемся; Не дал бог ума, найдется сума; Видит око далеко, а ум еще дальше* (литовский вариант паремии - *Akys toli mato, protas dar toliau* (Глаза видят далеко – ум еще дальше); *Jau kad Dievas razumo nedavė, tai ir bizūnas nebepridės* (Если Бог ума **не дал**, то и кнут **не добавит**); *Gera būti stipriam, bet geriau būti protingam* (**Хорошо** быть сильным, но **лучше** умным); *С умом суму кроить, а без ума – только кожу травить; Посади дурака за стол, он и ноги на стол; Vaikas į protą, tėvas iš proto* (**Ребенок в ум** – **отец из ума**).

Анализ фактического материала показывает, что контраст, выраженный узуальными антонимами, принадлежащими к ядру, и контекстуальными

(периферийными) антонимами широко распространен в литовских и русских поговорках, выражающих бинарную оппозицию «ум – глупость».

В результате проведенного анализа данной бинарной оппозиции мы пришли к следующим выводам. Бинарная оппозиция «ум – глупость» обнаруживают высокую степень репрезентации в поговорочном фонде русского и литовского языков. В рассмотренных поговорках содержится специфическая «развертка» различных ступеней реализации антиномической проблемы, соотносимая не только с умственными, но и с поведенческими, возрастными, психофизическими характеристиками человека, они отражают сходные, но не идентичные культурно–мировоззренческие представления народа.

Антиномия в русских и литовских поговорках репрезентируется мономами «ум» и «глупость», внутри которых нами выделены общие и национально–специфичные СМ.

В литовских поговорках отражено двойное отношение к языческим символам – специфично соотношение имени языческого бога Пяркунаса с понятиями *ум* и *глупость*.

Значительное количество русских и литовских поговорок бинарной оппозиции «ум – глупость» построено на использовании антонимов. Антонимия, отраженная в литовских и русских поговорках, – явление предельно широкое; она проявляется на разных уровнях языка (что соответствует ядерным и периферийным средствам выражения контраста), в антонимические отношения активно вступают языковые и контекстуальные антонимы, контрастирующие сочетания слов, грамматические оппозиции.

Отмечено сходство в организации ядра и периферии поля контраста в семантике поговорок обоих языков. Специфична антонимия имен собственных в русских поговорках.

2.2 Бином «труд – безделье»

В ходе сопоставительного анализа русских и литовских паремий методом сплошной выборки были отобраны единицы, иллюстрирующие бинарную антиномию «труд – безделье». Нами выделены ключевые лексемы – репрезентанты оппозиции: *труд, дело/darbas, работать, трудиться/ dirbti, труженник, работник/darbininkas – лень, безделье/tinginystė, бездельник/tinginys*.

Данная антиномия с точки зрения структуры представляет собой два монома. Нами выделен моном «труд», содержательный минимум которого определяется как *целенаправленная деятельность, требующая физического или умственного напряжения, осуществляемая не для удовольствия, а предполагающая получение денег либо чего-то материального*. Отсутствие вышеназванных признаков деятельности определяет семантику второго монома «безделье».

Моном «труд» представлен определенными группами СМ, конкретизирующими характеристики человека, выполняющего напряженную (обычно физическую) работу. Выделяются **акциональные** СМ, конкретизирующие специфику труда как деятельности:

– СМ «деятельность», включающий в себя признаки тяжелого, длительного, постоянного, монотонного, бессмысленного или, наоборот, наполненного практическим смыслом труда: *Двое пахут, а семеро руками машут; Девушка Гагула села прясть, да и заснула; Жнет, не сеяв, молотит по чужим токам; Ковки час, а ладки день; Семеро одну соломинку поднимают; Darbūmety ir akmuo kruta* (Работа и камень движет); *Devyni gudai vieną ožį rjauna* (Девять белорусов одну козу режут – характеристика малоэффективной, бесполезной работы); *Artojai savo senų papročių nepamet* (Пахари старых привычек не бросают); *Giliau arsi – gardesnę duoną valgysi* (Глубже вспашешь – вкуснее хлеб поешь); *Skubų darbą velnias neša* (Торопливую работу черт несет);

– СМ «усилия» конкретизирует такие характеристики, как усилие, старание, упорство, умение, выносливость и пр. или их отсутствие: *Терпение и труд – все перетрут; Бобы не грибы: не посеяв, не взойдут; Дело не медведь, в лес не уйдет; Ему дай яичко, да еще и облупленное; От работы кони дохнут; Be darbo – ilgu, su darbu – sunku* (Без работы долго (тянется время), с работой трудно); *Ieškok berno, kuris dirbti moka, o ne tokio, kuris gražiai šoka* (Ищи парня, который работать умеет, а не такого, который красиво пляшет); *Geras artojas ir su žąsiniu paaria* (Хороший пахарь и на гусе вспашет); *Darbas meistrą giria* (Труд мастера хвалит); *Linai nesėti, o jau drobes audžia* (Лен не посеян, а уже полотно ткет); *Pono tokia liga kaip darbininko sveikata* (У пана такая болезнь как у работника здоровье); *Paklausai kalbos - karvelis, pažiūri darbą - vilko brolis* (Послушаешь речи – теленок, увидишь работу – волчий брат);

– СМ «подневольная деятельность» репрезентирует характеристики принудительной, малорадостной, бесконечной и физически тяжелой работы. Большая часть паремий связана с реалиями XIX века, в частности, с подневольным крестьянским трудом и барщиной: *Нужда учит, а барщина мучит; Будет досуг, когда вон понесут; Господской (Барской) работы не переработаешь; Kad daug dirbsi, nebūsi bagotas, tik kuprotas* (От чрезмерной работы не будешь богат, а будешь горбат); *Dvaro darbu būsi kuprotas, bet ne pilvotas* (От дворовой работы будешь горбатым, а не пузатым); *Abrakas arkliui nesunkus* (Оброк коню не труден); *Prisakė darbų kaip pasakoj ragana* (Наказал работы, как ведьма в сказке).

Группа **результурующих** субмономов представлена СМ «результативность», указывающим на признаки эффективного, результативного или малоэффективного, напрасного труда: *В пашне огрехи, а на кафтане прорехи; Где бабы гладки, там нет и воды в кадке; Держись сохи плотнее, так будет прибыльнее; И готово - да бестолково; Sodo nesodinęs, obuolių nori* (Не посадив сада, ждет яблок); *Bitutės sunkus darbelis, bet saldus vaiselis* (У пчелки трудная работка, но сладкий плодик); *Darmi*

pinigai nepašildo (Дармовые деньги не греют), *Giliau arsi – gardesnę duoną valgysi* (Глубже вспашешь – вкуснее хлеб поешь); *Iš daug kalbos mažai naudos* (Из больших разговоров мало пользы).

Моном «безделье», в отличие от монома «труд», конкретизируют другие группы СМ — квалитативные, экзистенциальные и аксиологические. Широко представлен **квалитативный** СМ «лень», репрезентирующий такие лингвокультурные характеристики, как отсутствие желания работать, слабость, медлительность в труде, неторопливость при выполнении работы, расхождение слов с делом: *Была игла, да спать легла; Ему дай яичко, да еще и облупленное; Здоров в еде, да хил в труде; Складно бает, да дела не знает; Словами туда и сюда, а делом никуда; День к вечеру, а работа к завтраму; Голова удатна, да лень перекатна; Лакома кошка до рыбки, да в воду лезть не хочется; Проглотить-то хочется, да прожевать лень; Швея Софья - на печи засохла; Работать лень – мигрень; От меня работа не заплачет; Белые ручки чужие труды любят; Бегаем от работы, как собака от мух; Ёст visi nori, prie darbo nė vieno nėra* (Есть все хотят – к работе никого нет); *Darbštų pažinsi iš darbu, o tinginį – iš kalbų* (Работающего узнаешь по делам, а ленивого – по словам); *Tinginiui tarė uždaryk duris, o jis atsakė papūs vėjas* (Сказали лентяю дверь закрыть, а он – ветер подует); *Skani būtų tinginiui košė, kad nereiktų maišyt* (Вкусна была бы лентяю каша, если бы не надо было ее мешать); *Tinginys ir kelią koja rodo* (Лентяй и дорогу ногой показывает);

Экзистенциальный СМ «пребывание в праздности» указывает на различные проявления состояния *ничегонеделания*; паремии русского и литовского языка, иллюстрирующие данный СМ, обладают разными семантическими оттенками - бездельники предпочитают труду сон и еду, бездельники живут за счет чужих трудов и т.д.: *Были б хлеб да одежда, так и ел бы лежа; Добро за готовым хлебом на печи лежать; Замерзла тетка, на печи лежа; Отчего кот гладок? – Поел - да и на бок; Коли б не еда да не одежда, так мы б и опузырились лежа; Спать долго - жить с долгом; За дело не мы, за работу не мы, а поесть, поплясать против нас не сыскать;*

Белоручка чужие труды любит; Į darbą tinginys, į vakaruškas – kumelys (На работу – лентяй, на вечеринку – куманек); *Tinginė jaunystė, vargšė senatvė* (Ленивая молодость – несчастная старость); *Serga darbas, tinginio dirbamas* (Болеет работа, когда ее лентяй делает); *Bagočių ir tinginį iš pilvo pažinsi* (Богатого и ленивого по животу узнаешь).

Несмотря на то, что нами не выделена отдельно группа аксиологических СМ, приводимые примеры свидетельствуют, что в семантике русских и литовских паремий, выражающих бинарную оппозицию «труд – безделье», содержится оценочное отношение к труду. Именно поэтому пословицы и поговорки представляют наиболее яркое воплощение ментальности народов.

Обратимся к языковым средствам поля контраста. Антиномия, отраженная в противопоставлении мономов «труд» и «безделье», особенно часто в русском и литовском языках выражается существительными, глаголами и качественными прилагательными, образующими разнообразные по семантике рекуррентные пары.

Рассмотрим ядерные средства выражения контраста: **труд** (дело, работа) – **безделье** (лень, лень); данные антонимичные компоненты наиболее частотны в русских и литовских паремиях, например, *Работа с зубами, а лень с языком; Мешай дело с бездельем, проживешь век с весельем (или: с ума не сойдешь); Darbas - ne vargas, tinginystė - ne laimė* (Труд – не беда, безделье – не горе); *Darbas duoną pelno, tinginystė - vargą* (Работа хлеб умножает, а безделье – нищету); **работник** – **бездельник** (лентяй); данная пара антонимов характерна прежде всего для паремий литовского языка: *Darbininkai - už darbo, tinginiai - už šaukšto* (Работники – за дело, бездельники – за ложку); *Tinginys kalbas kalba, darbininkas darbą baigia* (Лентяй разговоры разговаривает, работник дело заканчивает); *Darbininkui ir lyjant sausa, o tinginiui tai ir šilumoj šlapia* (Работнику и в дождь сухо, а лентяю и в тепле мокро); *Darbininkas duoną gamina, tinginys badą augina* (Работник хлеб растит, бездельник – голод); **день** – **ночь**; времена суток в анализируемых

единицах осмысливаются в качестве символов, определяющих отношение к труду:; *Diena – darbininkui, naktis – tinginiui* (День работнику – ночь бездельнику); *Nakties darbai – dienos juokai* (Работа ночью – днем смех); *Diena juokias iš nakties darbo* (День смеется над делом ночи); **белый – черный**; данная антонимичная пара вербализирует в русских и литовских паремиях два цвета как символы – тяжелого физического труда и нужды (черный цвет) и безделия, праздности, достатка (белый цвет): *Белые ручки чужие труды любят; Работа черна, да денежка бела; Juodos gaspadinės rankos – balta duona, baltos rankos – juoda duona* (Черные руки у хозяйки – белый хлеб, белые руки – черный хлеб); *Juodas darbas, balta duona* (Черная работа – белый хлеб); *Dažniau juodų darbininkų gardesnė duona, kaip baltų* (Чаше хлеб вкуснее у черных работников, чем у белых); *Ant juodo lauko kviečiai auga, o ant balto – šunys šika* (На черном поле пшеница растет, а на белом – собаки мочатся); **плохой – хороший**; данная антонимическая пара выделена в фонде литовских паремий: *Blogi darbai nuo kalniuko, o geri – prieš kalniuką* (Плохая работа с горки, а хорошая – на горку); *Geri darbai – sunku, blogi – lengva* (Хорошая работа – трудно, плохая – легко); *Blogi darbai pragarą žada, geri – dangų* (Плохие труды обещают ад, хорошие – рай); **работать – отдыхать**: *Geriau dirbti, nekaip elgetauti* (Лучше работать, чем бездельничать).

В фонде паремий зафиксированы также противопоставления по различным качественным показателям, в русском языке – имен прилагательных и наречий: *Горька работа, да хлеб сладок; Ранняя птичка носок прочищает, а поздняя глаза продирает; Думай медленно, а работай быстро*; в литовском языке – наречий: *Šaltai kalbėk, karštai judėk* (Холодно говори – горячо двигайся); *Į tinginį išvirsti lengva, į darbininką sugrižti sunku* (В лентяя легко превратиться – работником вновь стать трудно).

Антонимия ключевых символов, характеризующих мировоззрение русского и литовского народа, вербализируется в антонимической паре «Бог – черт» и широко представлена в обоих языках. Бог поддерживает

трудолюбивого, черт вредит ленивому: *Послал бог работу, да отнял черт охоту; Работа не черт, в воду не уйдет; Бог дал здоровье в дань, а деньги сам достань; Боже, поможи, а ты на боку не лежи; Darbas Dievo paliepimas, tinginys velnio pagunda* (Труд – божье повеленье, лень – искушение дьявола); *Ką tinginys padirbs, su velniu per pusę pasidalins* (Что лентяй сделает, пополам с чертом поделит); *Dievas duoda riešutus, bet jų neišgliaudo* (Бог дает орехи, но их не чистит).

К ближайшим периферийным средствам выражения контраста относим все остальные случаи антонимии, отмеченные нами в русских и литовских паремиях. По нашим наблюдениям, периферия наиболее разнообразна по типу контрастирующих элементов. В группу периферийных средств входят различные словосочетания, метафоры, ассоциативные ряды.

Конфликт, имеющий место в паремиях, носит ментально–дискурсивный характер, так как он выражает столкновение представлений, определенных стереотипов мышления и поведения. Данный факт широко проиллюстрирован в литовских паремиях следующим контрастом: белый хлеб/*balta duona* и белые руки /*baltos rankos* (что соответствует образу жизни материально обеспеченных слоев населения, белые руки часто символизируют человека ленивого и непрофессионального) противопоставлены хлебу черному/*juoda duona* и черным рукам/*juodos rankos* (символическим обозначениям жизни бедняка и тяжелого крестьянского труда): *Juodos gaspadinės rankos – balta duona, baltos rankos – juoda duona* (Черные руки хозяйки – белый хлеб, белые руки хозяйки – черный хлеб); *Balta duona juodom rankom uždirba* (Белый хлеб черными руками зарабатывается).

Для создания контраста в литовских и русских паремиях используются сходные метафорические обозначения человека–деятеля (чаще в образе пчелы, муравья) и человека–лентяя, его действий, метафорически описываются трудовые процессы: *Пчела трудится - для бога свеча пригодится; Не на себя пчела работает; Кляча воду возит, а козел борожкой*

потряхивает; Дела не голуби, не разлетятся; Работа не волк – в лес не убежит; Червяк и тот землю роет; Bitutės sunkus darbelis, bet saldus vaiselis (У пчелки тяжелая работа, но сладкий плодик); *Bitė pikta, kai darbo neturi, o žmogus - kai per daug turi* (Пчела зла без работы, а человек – когда много работы); *Būk darbštus kaip skruzdėlė, o tvarkingas kaip bitė* (Будь трудолюбив как муравей и аккуратен как пчела); *Darbšti kaip bitė, o gudri kaip lapė* (Трудолюбива как пчела, а хитра как лиса); *Paklausai kalbos - karvelis, pažiūri darbą - vilko broils* (Послушаешь речи – голубок, посмотришь работу – волчий брат); *Asilą pažinsi iš ausų, tinginį – iš darbo* (Осла узнаешь по ушам, лентяя – по работе).

Представление о сезонности крестьянского труда нашло широкое отражение в русских и литовских поговорках, построенных на основе ассоциаций. В данных поговорках контрастирующими компонентами являются единицы со значением времени года или времени суток: *Летом пролежишь, а зимой с сумой побежишь; Лето собирает, а зима поедает; Лето работал, зиму хлопотал; пришла весна – счелся, так жолвь сшелся (т. е. вничью работал); Сегодняшней работы на завтра не покидай; Žiema – keliauninkas, pavasaris – gėlininkas, vasara – dainininkas, rudiuo – darbininkas* (Зима – путешественник, весна – цветовод, лето – певунья, осень – работница); *Vasarą be darbo sėdėsi, žiemą duonos neturėsi* (Летом без дела, зимой без хлеба); *Kas vasarą dykauja, tas žiemą badauja* (Кто летом бездельничает, тот зимой голодает); *Darbininkas gyvenimo neregį vasarą pradirba, žiemą pramiega* (Работник жизни не знает: летом работает, зимой спит).

Фактический материал показал, что контраст в рамках антинормии «труд – безделье» в русских и литовских поговорках часто выражается схожими контрастными парами, являющимися контекстуальными антонимами:

– со значением контрастирующего качества: *Голова удатна, да лень перекатна; Белые ручки чужие труды любят; Sunkus darbininko darbas, bet skani balta duonelė* (Тяжел труд работника, но вкусен белый хлеб); *Giliau arsi – gardesnę duoną valgysi* (Глубже вспашешь – вкуснее хлеб поешь);

Kareivio duona kruvina, tinginio duona – purvina, o darbininko – balta (У война хлеб **кровавый**, у лентяя – **грязный**, у работника – **белый**);

– со значением контрастирующего действия «действовать - бездействовать»: *Глядит в окно да ест толокно; Либо пахать, либо песни играть; Люди жать, а мы под межою лежать; Ieškok berno, kuris dirbti toka, o ne tokio, kuris gražiai šoka* (Ищи парня, который **работать умеет**, а не такого, который красиво **пляшет**); *Ėsti – vyras, dirbti – vaikas* (Есть – **мужчина**, работать – **ребенок**);

– в качестве контрастирующей пары могут выступать и лексемы со значением «части тела»: *Akelėm striokas, o rankelės ima ir padaro* – эквивалент русской пословицы *Глаза боятся, а руки делают*;

– со значением контрастирующего количества: *Один собирает, другой зеваает; Один с сошкой (т. е. работник), а семеро с ложкой; Семеро одну соломинку поднимают; Ne darbas, kai penki vyrai vieną mazgą riša* (Не дело, когда пять мужиков один узел вяжут); *Devyni vyrai vieną gaidį pjauna* (Девять мужиков одного петуха режут).

В литовских поговорках отмечено противопоставление лексем *слово* и *дело*: *Žodžiu – gžuolus varto, darbu – ir skiedros nepakelia* (Словом – дубы ворочает, делом – соломинки не поднимет); *Žodžiais darbo neatliksi* (Словами дела не сделаешь); *Žodis – ne darbas* (Слово не работа).

Дальняя периферия представлена контрастирующими сочетаниями слов (предложениями): *Дело пытаем, а от дела лытаем; Есть - так губа титькой, а работать - так нос окован; Работа молчит, а плеча кряхтят*; в литовском фонде отмечен единичный пример: *Dirbk, kad akys lįstu, ėsk, kad pilvas plyštų* (Работай, чтобы глаза **вылазили**, ешь, чтобы **брюхо лопалось**).

Крайняя периферия представлена в меньшей степени и включает грамматические оппозиции глагольных форм в поговорках обоих языков: *Бобы не грибы: не посеяв, не взойдут; Видел ленивый мужик хомут во сне, не видать ему кобылки до смерти (до веку); Видывали мы сидней (безногих),*

поглядим на лежня; Dievas davė dantis, duos ir duonos (Господь дал зубы, даст и хлеба); *Be darbo – ilgu, su darbu – sunku* (Без работы долго, с работой трудно); *Sodo nesodinęs, obuolių nori* (Не посадив сада, хочет яблок).

Проведенный анализ бинома «труд – безделье», особенностей репрезентации выделенных мономов в семантике русских и литовских паремий позволяет утверждать следующее.

Труд – неоспоримая ценность русской и литовской (как, впрочем, и любой другой) народной философии, поэтому паремии о труде наиболее широко представлены в обоих языках. И в русском, и в литовском языках серьезность труда подчеркивается его противопоставлением пустому времяпрепровождению.

Ментально–дискурсивный характер русских и литовских паремий определяется столкновением определенных стереотипов мышления и поведения, это подчеркивается сходными моделями мономов «труд» и «безделье», а также их СМ, похожими образами – символами, например, антонимической парой «Бог – черт».

В значительной части исследованных паремий репрезентация рассматриваемого бинома построена на принципе контраста, средства выражения контраста классифицированы с точки зрения полевого принципа на ядерные и периферийные. Русские и литовские паремии сходны по лексическому выражению ядерной антонимии, однако в литовских паремиях выявлены специфические лексические оппозиции: *работник – бездельник, плохой – хороший*. Периферийным средством выражения контраста в литовских паремиях является оппозиция словосочетаний *белый хлеб/ белые руки – черный хлеб/ черные руки*.

В целом, русские и литовские паремии бинома «труд – безделье» при выражении контраста используют одни и те же пары лексических антонимов, построенных на основе метафор и ассоциаций.

2.3 Бином «счастье - несчастье»

Бинарная оппозиция «счастье – несчастье» широко представлена в фонде русских и литовских паремий, в них репрезентируется характерное для обыденного сознания противопоставление счастья и горя (несчастья) в разнообразных жизненных ситуациях, при этом носителями как русского, так и литовского языков счастье и горе (несчастье) понимаются как элементы неразрывного целого: *Счастлив бывал, да бессчастье в руки поймал; Счастье с несчастьем двор обо двор живут (в одних санях ездят); Skausmo neragavęs, laimės nepažinsi* (Не попробовав боли, не узнаешь счастья); *Nelaimę sutinki, o pro laimę praeini* (Несчастье встречаешь, а мимо счастья проходишь).

Лексемы–репрезентанты оппозиции: *счастье/laimė, счастливый/laimingas – несчастье / nelaimė, горе / vargas, несчастливый / nelaimingas.*

По сути, *счастье* и *несчастье (горе)* образуют динамичное слияние, в котором отражена амбивалентность народного мировосприятия. М.М. Бахтин писал, что амбивалентные образы «двутелы, двулики, чреваты, в них слиты и смешаны в разных пропорциях отрицание и утверждение, верх и низ, брань и хвала» (Бахтин 1990: 67).

Согласно словарным дефинициям, счастье – понятие крайне широкое, представляет собой, во-первых, рок, судьбу, участь, долю, случайность, желанную неожиданность; во-вторых, благоденствие и благополучие, желанную насущную жизнь; жизнь без горя, смут, тревоги; покой и довольство; вообще, все желанное, все то, что покоит и доводит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его (Даль 2006; Т.3: 87). Таким образом, счастье связано с судьбой человека, и уже потом – с благополучием.

Приведем пример. В фонде русских паремий выделяем редкую паремию, семантически построенную на исторических реалиях конца XIV века – *К кому Богородица, а к нам Литва*. Согласно летописным преданиям, икона Владимирской Божьей Матери спасла Москву от нападения Тамерлана, который уже почти подошел к городу, но отступил на юг, потому

что ему приснился вещий сон о грядущей неудаче военного похода на русских. В это время, воспользовавшись политической ситуацией, литовские войска князя Витаутаса Великого напали на Смоленск и почти без боя захватили его. Видимо, обиженные судьбой жители Смоленска и придумали это речение. Использованная оппозиция *Богородица – Литва* отражает положительную и отрицательную коннотацию лексем, ассоциативно отражает понимание счастья и несчастья в судьбе человека (Новиков 1998: 18).

В структуре рассматриваемой антиномии выделены мономы «счастье» и «несчастье». Моном «счастье» представлен **квантитативными, результирующими, аддитивными** субмономами. Квантитативные СМ представлены субмономом «достаток», который репрезентирует достаток, финансовое и материальное благополучие, сытость (соответственно, отсутствие достатка – мало счастья); иллюстрируется литовскими и русскими примерами: *Счастливому и промеж пальцев (в вязнет; Счастливому не что деется: живет да зубах греется; Кому счастье служит, тот ни о чем не тужит; Где нет доли, тут и счастье невелико; Кто запаслив, тот и счастлив; Тот счастлив, у кого есть хлеба с душу, платье с тушу, денег с нужу; Džiaugiasi biednas vaikais, o bagotas pinigais* (Радуется бедный детям, а богатый деньгам); *Ne taip laimė kera, kaip pilvas nori* (Не так счастье варит, как живот хочет); *Kad bagočiui tai ir sekasi* (Кому и везет, как не богатому).

В составе русских паремий нами отмечены единицы противоположной направленности, не связывающие счастье с достатком, напротив, подчеркивающие, что деньги и богатство не делают их обладателя счастливым: *Не в деньгах счастье; Счастье не в кошельке, счастье в руках; Счастье за деньги не купишь; Счастье лучше (дороже) богатства.*

Группа **результирующих** мономов представлена следующими структурными единицами:

– СМ «результат усилий», квалифицирующий счастье как результат труда, ума, заслуг человека; для данного СМ характерна наибольшая

номинативная плотность в рамках анализируемого монома в русском и литовском языках: *Счастье у каждого под мозолями лежит; Там счастье не диво, где трудятся нелениво; Паши нелениво - проживешь счастливо; Каждый человек кузнец своего счастья; Счастье не в кошельке, счастье в руках; Нового счастья ищи, а старого не теряй; Счастье ума прибавляет, несчастье последний отымает; Nė tas laimingas, kurs karvę už ragų laiko, bet tasai, kurs ją melžia* (Не тот счастлив, кто корову за рога держит, но тот, кто ее доит); *Jei nori būti laimingas, tai karštai, broli, melskis* (Если хочешь быть счастливым, то горячее, брат, молись); *Ne tas yra laimingas, kuris turtingas, bet tas, kuris protingas* (Не тот счастлив, кто богат, но тот, кто умен); *Kokią laimę jaunas nukalsi, senas rasi* (Какое счастье молодым выкуешь, такое и найдешь в старости); *Laimę tada rasi, kai doros keliais eisi* (Счастье тогда найдешь, когда честным путем пойдешь); *Juo daugiau tingėsi, juo mažiau laimėsi* (Чем больше ленишься – тем меньше выигрываешь);

– СМ «удача» конкретизирует признаки приятной неожиданности, счастливого случая, везения, удачливой судьбы; представлен фондом обоих языков: *Со счастьем на клад набредешь, без счастья и гриба не найдешь; В схватке счастье - великое дело; Счастье на коне, несчастье под конем; Не родись красивый, а родись счастливый; Не родись ни умен, ни красив, а родись счастлив; Тот счастлив плут, где сыщет кривой суд; Geras gyvenimas – čestlyva mirtis* (Хорошая жизнь – счастливая смерть); *Gimsta laimingas, o ne turtingas* (Рождается счастливый, а не богатый); *Ir gandrą ne kiekvienam laimę žada* (И аист не каждому счастье обещает); *Durnam laimė, o gudriam Dievas duoda* (Дураку счастье, а умному Бог дает); *Laimės uodega ilga, bet slidi* (У счастье хвост длинный, но скользкий);

– СМ «случайность» репрезентирует признаки ненадежности, непредсказуемости, внезапности, выражен в семантике паремий обоих языков: *Счастье не лошадь: не везет по прямой дорожке; Счастье что трясье: на кого захочет, на того и нападет; Счастье легко на помине не бывает; Счастье вольная птичка: где захотела, там и села и под; Счастье,*

что волк: обманет, да в лес уйдет; *Счастье - вешиное ведро; Легче счастье найти, чем удержатъ; Первое счастье не меняют на последнее; Kvailas laimės neranda* (Глупец счастья не находит); *Laimė - ne kilbasa - neužuosi* (Счастье не колбаса: не проглотишь); *Nelauk laimės į nagus įpuolant* (Не жди счастья, плывущего в руки); *Neieškok laimės - pati ateis* (Не ищи счастья – само придет); *Laimė ir pati kartais ateina* (Счастье и само иногда приходит).

В группу **аддитивных** субмономов нами ключены два СМ:

– Счастье в русском и литовском народном самосознании и в паремиях часто ассоциируется с наличием/отсутствием ума у его обладателя, на этом основании выделяем СМ «счастье и ум»: *Глупому счастье, а умному бог дает; Счастье везет дураку, а умному бог дал; Счастье со счастьем сойдется, и то без ума не разминется; Глупому счастье, а умному напасть; Durnam juokai, razumnam ašaros* (Дураку смех, умному слезы); *Kvailam laimė padeda* (Дураку счастье помогает); *Durnam laimė, o gudriam Dievas duoda* (Дураку счастье, а умному Бог подаст). Как свидетельствуют приведенные примеры, в большей степени прослеживается связь между счастьем и глупостью;

– СМ «счастье и радость (горе)» конкретизирует связь счастья и положительными и отрицательными эмоциями, иллюстрируется небольшим фондом русских и литовских паремий: *Где счастье, там и радость; Нет счастья, не жди и радости; Kas dainuoja, tas laimingas* (Кто поет, тот и счастлив); *Nesigailėk davęs, džiaukis gavęs* (Не жалея отдавать, радуйся получать); *Be vargo nėra laimės, be ašarų - džiaugsmo* (Без горя нет счастья, без слез – радости).

Остановимся на характеристике монома «несчастье» и обратимся к словарю. Лексемы *несчастье* и *беда* в «Этимологическом словаре русского языка» Макса Фасмера представлены как синонимы; укр. біда, ст. – слав. бда, болг. беда, сербохорв. биједа, чеш. bida "беда, несчастье" (Фасмер 1996). В. И. Даль аналогично определяет содержание лексемы как *бедство, бедствие,*

бедень, несчастный случай, несчастье; происшествие, приключение злыдарное, гибельное, несущее вред, убыток, горе (Даль 2006; Т.1).

Несчастье как нечто привязчивое, обременительное, тяжелое представляется в русском дискурсе лексемами *беда, злыдни, напасть, лихо, горе*. Лексема *рок* актуализирует неизбежность несчастья (Русакова 2007: 11).

Перечисленные лексемы объективируют моном «несчастье», в языке иллюстрируют представление об отрицательной, «черной» стороне судьбы и являются частью одного из древнейших противопоставлений *счастье (доля) – несчастье (недоля)*.

Из фонда русских и литовских паремий, репрезентирующих моном «несчастье», нами выделены паремии, в которых находят выражения результирующие и экзистенциальные субмономы. **Результирующие** субмономы представлены одним СМ – «стечение обстоятельств»; данный СМ конкретизирует такие характеристики, как *несчастный случай, обстоятельство, вызывающее глубокое душевное страдание*, и иллюстрируется русскими и литовскими паремиями: *Виноват не виноват, а попался – поплатись; Думаешь, поймал - ан сам попался; Ехал наживать, а пришлось проживать; Как ступил, так по уши в воду; Laimės nei su replėmis nepritrauksi, o nelaimė ir patį ateina* (Счастья и клещами не притянешь, а несчастье само придет); *Laimingas kaip lavonas* (Счастлив как труп); *Daug prietelių prie valgio, bet nelaimė užtiko - nei vieno neliko* (Много приятелей у еды, а как случилось несчастье – ни одного не осталось); *Prie pilno visi draugai, prie tuščio - nė vienas* (У полного все друзья, у пустого – ни одного); *Bėda į langą, draugai per duris* (Беда в окно, друзья в дверь); *Bėda atvažiavo - draugai išgaravo* (Беда приехала – друзья испарились).

Экзистенциальные СМ включают следующие:

– СМ «страдание», репрезентирует определенное состояние одушевленного субъекта (с эмотивным признаком страдания, эмоциональной неуравновешенности, крайнего пессимизма): *Горькому Кузеньке горькая и песенка; Кому веселье, а мне и полвеселья нет; Кто идет пировать, а мы*

горевать; Стонет, ровно воз сена везет; Только богу и плакаться; Убогому подле богатого жить - либо плакать, либо тужить; Gero ūto žmogus verkia iš kito nelaimės, blogo – džiaugiasi (Доброго ума человек плачет от несчастья других, плохого – радуется); Kai nelaimė, tai ir piktumas praeina (В несчастье и злость проходит); Neverk, neverk, našlaitėle, vis tiek neatkelsi motinėls (Не плачь, не плачь, сиротка, матушки не подынешь); Trys dieneles džiaugsmo, visas amžius verksmo (Три денечка радости, весь век плачь); Juokis juokis, netrukus verksi (Смейся, смейся – скоро заплачешь); Verksmu, keiksmu dalios nepapirksi (Плачем, стопами доли не исправишь);

– СМ «тяжелая судьба» подчеркивает обусловленность несчастья, близости беды, которые определяются предначертанностью, фатализмом. Приведем примеры паремий в обоих языках: *Таков наш рок, что вилами в бок; Беда не по лесу ходит, а по людям; Кому повешену быть, тот не утонет; Думы за горами, а беда (или: смерть) за плечами; Был полковник, стал покойник; Было бы и счастье, да одолело ненастье; Во сне счастье, наяву ненастье; Едет беда на беде, беду бедой погоняет; Пошла Настя по напастям; Nelaimės ir vargai eina ne miškais, o žmonių sprandais (Несчастья и беды идут не по лесу, а по человеческой шее); Nelaimė ir lovoj gulint ateina (Несчастье и лежащего в кровати найдет); Akmuo nesėjamas dygsta, nelaimė nekviesta ateina (Камень несеяный прорастает, а несчастье приходит незваное); Bėda ir liga nelaukiamos ateina (Беда и болезнь приходят неожиданно); Nelaimė visada po pirm eina, o laimė paskui (Несчастье всегда вначале идет, а счастье следом); Bėdos su vargais senatvę priartina (Беды и горе старость приближают); Ko Viešpaties ranka nelaimina, užgriūna bėdos (Кого Божья рука не осчастливит, того одолевают беды); Dievui dėkui, kad tik tokia nelaimė – galėjo būti blogiau (Спасибо Богу, что только такое несчастье – могло быть хуже).*

Как свидетельствуют приведенные примеры, экзистенциальные СМ в силу своей специфики (репрезентация негативного состояния одушевленного субъекта) могут быть охарактеризованы и как аксиологические.

Бинарная оппозиция «счастье – несчастье» часто репрезентируется противопоставлением компонентов русских и литовских паремий. К ядерным средствам выражения контраста относим узуальные антонимы, которые создают устойчивые рекуррентные пары. Как и в предыдущих случаях, выделенные мономы могут быть выражены либо в рамках одной паремичной единицы, либо – разных единиц. В обоих языках нами выделены антонимичные компоненты прежде всего ключевых лексем биннома: *Счастье с несчастьем двор обо двор живут; Laimė ir nelaimė praslenka ilgainiui* (Счастье и несчастье в конце концов проходят); ключевых лексем – рекуррентных пар других семантических оппозиций: *Все может случиться: и богатый к бедному стучится; Глупому счастье, а умному бог дает; Глупому счастье, а умному напасть (или: ненастье); Durnam laimė, o gudriam Dievas duoda* (Глупому счастье, а умному Бог дает). В данных парах поле контраста, помимо ключевых лексем, создают средства, непосредственно выражающие выделенные мономы (*много — мало* и др.).

Отметим другие репрезентативные средства выражения контраста в русских и литовских паремиях: частотна антонимия, представленная абсолютными антонимами с разнообразными отношениями компонентов:

пространственное отношение: *Глядит вдоль, а живет поперек; Laimė iš priešakio gauruota, užpakalis plikas* (Счастье впереди волосатое, сзади – лысое); **временное:** *Nelaimė visada po pirm eina, o laimė paskui* (Несчастье всегда вначале идет, а счастье следом); **разнонаправленные действия:** *Легко найти счастье, а потерять и того легче; возраст: Kokią laimę jaunas nukalsi, senas rasi* (Какое счастье молодым выкуешь, такое и найдешь в старости); **противоположные качества:** *Нового счастья ищи, а старого не теряй; Nėra to blogo, kas neišeitų į gerą* (Нет того плохого, что бы не стало хорошим).

Контекстуальные (оказиональные) антонимы в паремиях обоих языков нами отнесены к ближней периферии. Подобные антонимы выражают более

широкий спектр лексических значений и разнообразнее по типам контрастирующих компонентов. Они обозначают:

временной контраст (*вечер – день, день – час, сегодня – завтра, днем – вечером, три дня – век*): *День на день не приходится, час на час не выпадает; Сегодня пан, а завтра пал (пропал); Gegužė rūpūžė per dieną kukavo, vakare vištą pagavo* (Днем жаба куковала – вечером утку поймала); *Tris dieneles dui-dui, visą amžių ui-ui* (Три денечка дуй-дуй, весь век уй-уй); *Trys dienelės džiaugsmo, visas amžius skausmo* (Три денечка радости – весь век боли);

лиц мужского / женского пола – они часто противопоставлены в паремиях: *Искал дед маму, да и попал в яму; Vyras gyvenime dukart būna laimingas kai žmoną parsiveda ir kai ją su karstu išneša* (Мужчина в жизни бывает дважды счастлив: когда женой обзаводится и когда ее хоронит);

– наименования живых существ: *Думал купить корову, а бык (а он купил быка); Метил в ворону, а попал в корову; Стрелял в воробья, а попал в журавля; Geriau šiandien zylė, kaip rytoj teterva* (Лучше сегодня синица, чем завтра тетерка); *Karvelis - paukštelis, bet ir varna paukštė* (Голубок птичка, но и ворона птица);

– наименование еды, продуктов: *Корка на корке, а мякиш на затворке; Вместо калача да кукиш; Мужик на счастье сеял хлеб, а уродилась лебеда; Tokia yra mano dalelė, kai nėra pyrago, gerai ir duonelė* (Такова моя долюшка: если нет пирога, хорош и хлебушек); *Vely meiliai valgyt sausą duoną, negi su piktumi mėsą* (Лучше с любовью есть сухой хлеб, чем со злостью мясо);

– контраст с числовым значением (*целое – половина, один – два, один – много*): *Кому веселье, а мне и полвеселья нет; Одну беду перебеду ешь, а всех бед не перебеждать; Двух смертей не бывает (или: не будет), а одной не миновать; Viena bėda – ne bėda* (Одна беда не беда); *Gera mintis nelaimėje yra pusė laimės* (Хорошая мысль в несчастье есть половина счастья);

– контраст по названию металлов отмечен в нескольких паремиях (в русских: золото – железо; в литовских: золото – железо, медь): *Либо железную цепь, либо золотую*; *Su aukso kūju gali atidaryti geležines duris* (Золотым молотом можно открыть железную дверь); *Auksinis plaktukas ir geležines lubas prakala* (Золотой молоточек и железо пробивает); *Radęs auksinę, nenumesk varioką* (Найдя золотую монету, не бросай медную).

Контекстуальные антонимы представлены чаще всего существительными и прилагательными: *Кому кистень, а кому четки*; *Не родись красивый, а родись счастливый*; *Skausmo neragavęs, laimės nepažinsi* (Боли не попробовав, счастья не узнаешь); *Ne tas yra laimingas, kuris turtingas, bet tas, kuris protingas* (Счастлив не богатый, но умный); *Laimingas, kuris gali privalgyti sulos su duona, nes, sulai esant, duonos nėra, duonai esant, sulos nėra* (Счастлив тот, кто ест хлеб с солью, ведь соль есть – хлеба нет, хлеб есть – соли нет); *Darbas - ne vargas, tinginystė - ne laimė* (Работа – не беда, лень – не счастье).

В русских паремиях отмечены контекстуальные лексемы–антонимы, ассоциирующиеся в народной культуре с благополучием, счастьем, удачей или, наоборот, с неустроенностью, несчастьем, неуспешностью в жизни, также контрастируют действия, связанные с ними: *Кому блин, кому клин, а кому просто шиш*; *Либо в генералы, либо в капралы*; *Счастливый скачет, несчастный плачет*; *Тут наплачешься и напляшешься*; *Не нам праздничать, а нам будничать*; *Родишься в палатах, а умираешь в яме*.

Дальняя периферия поля контраста в русских и литовских паремиях в большей степени представлена контрастирующими словосочетаниями, например, *Доселе Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал*; *Мал бывал - кашу едал, а вырос - и сухари в честь*; *Не так живи, как хочется, а так живи, как бог велит*; *Durnam laimė, o gudriam Dievas duoda* (Глупому счастье, а умному Бог подает); *Trys dieneles džiaugsmo, visas amžius skausmo* (Три денечка радости – весь век боли); *Laimingesnis tas, kuriam pavydi neguitas, kurio gailis* (Более счастлив тот, которому завидуют, нежели тот, кого

жалуют); *Kvaili laimės ieško, gudrūs laimę kalas* (Дураки счастье ищут, умные счастье куют).

В рассмотренном фонде паремий выявлены также грамматические оппозиции по грамматическим формам существительных: *Сидя на колесе, гляди под колесо*; *Кто бывал на коне, тот бывал и под конем*; *Yra busilas ant stogo, bus ir laimė pastogėj* (Есть гнездо на крыше, будет и счастье под крышей); *Gandras ant stogo, laimė po stogu* (Аист на крыше, счастье под крышей).

Крайняя периферия представлена противопоставлением исходного бесприваочного глагола и образованного от него приваочного. Такая оппозиция «бесприваочный глагол несовершенного вида – приваочный глагол совершенного вида» характеризуется несовпадением семантических объемов единиц противопоставления. Как отмечает В.А. Маслова, характерной чертой семантики любого словообразовательного префикса является способность сужать, конкретизировать значение производящей основы (Маслова 1979: 72). Примеры антонимии с использованием грамматических (видовых) значений глаголов выделены нами только в русских пословицах: *Либо деньги дадут, либо в рыло поддадут*; *Живут люди, не наживутся* (т.е. так хорошо); *Жили сажень, а доживать пядень*; *Ждала сова галку, а выждала палку*. Подобная оппозиция способствует семантической поляризации лексических значений единиц словообразовательной пары, создает образность за счет контекстной близости слов, обладающих звуковым сходством, а также создает эффект новизны. «Неожиданность контраста совмещается с легкостью его декодирования, так как противопоставление слов одного словообразовательного гнезда относится к числу оппозиций с типизированной ассоциативной связью» (Бочина 2009: 41). В литовских паремиях факт подобного противопоставления не обнаружен.

Самая объемная группа русских паремий иллюстрирует периферийную антонимию по глагольной форме (категориям времени, наклонения),

литовских – по антонимичной паре *деепричастие - глагол*: *Чужие петухи поют, а на наших тупун напал; Жаловался всем, да никто не слушает; Кабы знать, где упасть, так соломки б подостлал; Было времечко, ела кума семечко, а теперь и толкут, да не дают; Laimėi einant, užmigęs buvau (Идя за счастьем, спал); Skausmo neragavęs, laimės nepažinsi (Не попробовав боли, не узнаешь счастья); Būdamas laimingu, daug turėsi prietelių, tapęs nelaimingu – nė vieno (Будучи счастливым, много приятелей имеешь, будучи несчастным – ни одного); Laimės nei su replėmis nepritrauksi, o nelaimė ir pati ateina (Счастья и клещами не притянешь, а несчастье само приходит) – в литовском фонде отмечен одиночный пример оппозиции по форме глагола.*

В результате проведенного анализа бинарной оппозиции мы пришли к следующим выводам.

Бинарная оппозиция «счастье – несчастье», демонстрирующая амбивалентность народного мировосприятия, широко представлена в фонде паремий русского и литовского языков.

Внутри оппозиции выделены мономы «счастье» и «несчастье», мономы репрезентируются в обоих языках общими субмономами. Отмечена специфика СМ «достаток» в русской картине мира: деньги и богатство не делают их обладателя счастливым.

Русские и литовские паремии данной бинарной оппозиции демонстрируют много общего в использовании средств контраста. Аналогичные принципы вербализации контраста найдены в ядре и периферии антонимической оппозиции. Частотны следующие ядерные средства контраста – антонимия ключевых лексем, русские и литовские примеры антонимов с разнообразным соотношением компонентов.

В ближней периферии выделены лексемы русских и литовских паремий с разнообразным спектром лексических значений, свойственных обоим языкам: контраст по временному признаку, гендерному признаку, по числу и количеству, по частям тела, по наименованиям живых существ, по

наименованию еды и продуктов питания. В русской паремии отмечена ассоциативная оппозиция, связанная с историческими реалиями.

В ближней периферии контраста на примере русских паремий выделены группы антонимов с ассоциативным значением – символов с отрицательным и положительным смыслом. Единицы, ассоциирующиеся с благополучием, счастьем, удачей, противопоставлены единицам, связанным с неустроенностью, несчастьем, неуспешностью в жизни (*блин - шши, генералы – капралы, палаты - ямы*), противопоставлены также и действия (*праздничать – будничать; наплакаться – наплясаться*).

В крайней периферии оппозиции выделена контрастная пара «бесприставочный глагол несовершенного вида – приставочный глагол совершенного вида», продуктивная в структуре русских паремий. В литовском фонде такое противопоставление не обнаружено.

Отмечены различия в организации грамматической оппозиции: для русских паремий характерно противопоставление разных форм глагола по наклонению или времени; для литовских – противопоставление деепричастия и глагола.

2.4 Бином «любовь – ненависть»

Любовь и *ненависть* можно рассматривать как ключевые понятия мужской и женской картины мира, обладающие значимостью как для культуры в целом, так и для отдельного человека. Несмотря на универсальность данных понятий, они имеют и свою национальную специфику, которая проявляется в паремиях. Такие гендерно окрашенные паремии выступают в функции культурных знаков – эталонов и стереотипов культурно–национального миропонимания человека и его роли в обществе (Закирова 2011: 93–94).

В составе паремичных единиц русского и литовского языков, иллюстрирующих бином «любовь – ненависть», можно выделить ряд единиц, в которых наблюдается семантическая взаимосвязь лексем, относящихся к

лексическим рядом *любовь* и *ненависть* и отражающих амбивалентность народного мировосприятия; контраст в данных паремиях выражен или подразумевается: *От любви до ненависти – один шаг; Любит, как волк овцу; Вместе - тесно, а врозь – скучно; Šimtą kartų geriau meilėj mirti negi neapykantoj gyventi* (В сто раз лучше умереть в любви, чем жить в ненависти); *Dieną ant peilių, o naktį be viens antro negali būti* (Днем на ножах, а ночью один без другого не может).

В рассмотренном фонде паремий наибольшую вербализацию получает моном «любовь», который репрезентируется достаточно разнообразными группами субмономов: результирующие, поведенческие, аксиологические, квалитатичные, экзистенциальные.

В состав **поведенческих** субмономов включается СМ «приятие». Особо хотелось бы отметить культурную специфичность данного СМ, который широко репрезентирован в русском языке, что, безусловно, связано с такими признаками русской ментальности, как терпение и сочувствие, снисходительность к слабостям и недостаткам предмета любви, готовность прощать, потому что любовь «все покрывает, всему верит... все переносит» (Библия, Новый Завет, «Первое послание св. Ап. Павла к Коринфянам»): *Оттого терплю, что больше всех люблю; Куда мил дружок, туда и мой сапожок; Милее всего, кто любит кого; Куда б ни идти, только с милым по пути*. В литовском фактическом материале найден единичный пример: *Kai yra meilė, ir vyro kumštis saldus* (В любви и мужнин кулак сладок).

В составе **аксиологических** СМ нами выделено два:

– СМ «благо», который вербализирует высшую ценность любви: *Пиво не диво, и мед не хвала; а всему голова, что любовь дорога; Нет ценности супротив любви; Мир и любовь - всему голова; Ум истиною просветляется, сердце любовью согревается; Деньги - прах, одёжа тоже, а любовь всего дороже; Gyvenimas - daina, o meilė - dovana* (Жизнь – песня, а любовь – подарок); *Ne tiek dangių žvaigždelių, kiek meilės žodelių* (Не столько звезд на небе, сколько слов любви); интернациональная пословица *Meilė – tai žiedas, o*

žiedui nėra galo (Любовь – это кольцо, а у кольца нет конца); *Šviesa akis džiugina, meilė širdį glamonėja* (Свет глаза сушит, любовь сердце ласкает); *Kad tave tai Dievas mylėtų, kaip tu mus myli* (Чтобы тебя так Бог любил, как ты нас любишь); *Meilė viską nugalė* (Любовь все побеждает); *Meilė už viską brangesnė ir galingesnė* (Любовь всего дороже и сильнее); *Meilės nei vanduo neužgesins, nei tvanas nepaskandins* (Любовь вода не загасит, наводнение не утопит); *Nors po beržo lapeliu, bet su jaunu bernėliu* (Пусть под березовым листочком, зато с молодым пареньком). В эту же группу мы включаем паремии, подчеркивающие самодостаточность любви, ее независимость от материальных благ и т. п., субъект ради любви готов преодолеть все: *Проживешь и в шалаше, коли милый по душе; С милым век коротать - жить не горевать; С милым годок покажется за часок; С милым и рай в шалаше; С милым хоть на край света идти; С милым другом и горе пополам разгорюешь; С милым живучи не стошнится; Хоть сухарь с водой, лишь бы, милый, с тобой; Для тех, кто любит, и в декабре весна; Gyvenimas be meilės lyg gėlė be saulės* (Жизнь без любви что цветок без солнца); *Šiltas patalas, kada meilė šildo* (Теплая постель, когда любовь греет).

Квалитативный СМ «неподконтрольность» подчеркивает, что данное чувство часто неподвластно разуму: *Сердцу не прикажешь; Любовь зла, полюбит и козла; Любовь на замок не закроешь; Любовь не картошка: в горшке не сваришь; Из сердца не выкинешь, а в сердце не вложишь; Любовь рассудку не подвластна; Деревенщина Ермил, да посадским бабам мил; Любовь за деньги не купишь; Насильно мил не будешь; Любви, огня да кашля от людей не утаишь/спрячешь; Любовь закона не знает, годов не считает; Любовь не пожар, (а) загорится – не потушишь; литовский вариант данной интернациональной пословицы: *Meilė – ne ugnis, o užsidegs – neužgesinsi* (Любовь – не огонь, а загорится – не потушишь); *Поп руки свяжет и голову свяжет, а сердца не свяжет; Бояться себя заставишь, а любить не принудишь; Крестом любви не свяжешь; Любовь не милостыня: её каждому не подашь; Meilė kaip rasa neskiria medų nuo metėlės* (Любовь, как роса, не*

отличает меда от полыни); *Meilė ateina per vienas duris, o protas pabėga per kitas* (Любовь приходит через одни двери, а ум убегает через другие); *Meilė ne seilė – nenuryti* (Любовь не слюна – не проглотишь); *Iš meilės penkios paras ant šiaudo paguli* (Пять дней любви на солому укладывают); *Už pinigų viską gausi, tik meilės neįgysi* (За деньги все получишь, только любви не добудешь); *Pati - ne pati, vaikai - ne vaikai, kada meilūžę laikai* (Жена не жена, дети не дети, когда влюбляешься); *Lūpos tyli, širdis myli* (Губы молчат, сердце любит); *Meilė akla – blogo nemato* (Любовь слепа – плохого не видит); *Didelė meilė akis aptemdo* (Большая любовь глаза заволакивает).

Экзистенциальный СМ «страдание» репрезентирует состояние любви, сопровождающееся негативными чувствами: *Милый не злодей, а иссушит до костей; Любит как душу, а трясет как грушу; Любить - чужое горе носить, не любить - своё сокрушить; У моря горе, у любви вдвое; Любовь хоть и мука, а без нее скука; Нельзя не любить, да нельзя не тужить; Где любовь, там и напасть; Полюбив, нагорюешься; Полюбить, что за перевозом сидеть; Тошно тому, кто любит кого, а тошнее того, кто не видит его; Любить тяжело: не любить тяжелее того; Горе с тобою, беда без тебя; Любовь - крапива стрекучая; Be pavydo meilė kaip valgis be druskos* (Без зависти любовь что еда без соли); *Pirma meiliai, paskui - peiliai* (Сначала любовь, потом – ножи); *Nėra rožės be dyglių, nėra meilės be kančių* (Нет розы без шипов, нет любви без страданий); *Po šonu meilelė, ant kaklo pielelė* (Под боком – любовь, на шее – петелька); *Dieną barnelė, naktį meilelė* (Днем ругань, ночью любовь); *Iš tų meilių meilystėlių bus ir ašarėlių* (От любви и милования будут и слезки); *Lauki - tikėk, myli - kentėk* (Ждешь – верь, любишь – терпи).

Нами выделены национально–культурные субмономы — в русском языке СМ «разлука» (**экзистенциальный**); как известно, в русском менталитете любовь тесно связана не только со страданием, но и с разлукой, которой она проверяется и которая является её непременным атрибутом: *С глаз долой – из сердца вон; Милый далеко - сердцу не легко; Реже видишь –*

больше любишь; Разлучит нас заступ да лопата; Ох - охонюшки, тошно без Афонюшки. Иван-то тут, да уряд-то худ; От мила отстать – в уме не устоять; Без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить; Без милого не жить, а и при милом не быть; Без тебя, мой друг, постель холодна, одеялочко заиндевело. В литовском языке выделен национально-культурный СМ «быстротечность» (*результурующий*), подчеркивающий недолговечность обозначаемого чувства: *Karšta meilė greitai sudega* (Горячая любовь быстро сгорает); *Meilė ateina pro langą, o išėina pro kaminą* (Любовь приходит через окно, а уходит через камин); *Pirma viedrais meilę mieravo, o ant galo šaukštais* (Сначала любовь мерил ведрами, а потом ложками); *Meilė ir tabakas greičiausiai sudega* (Любовь и табак быстрее всего сгорают); *Meilė kaip žibalo lempa nepilsi – nedegs* (Любовь как керосиновая лампа: не нальешь – не будет гореть).

Моном «ненависть» репрезентируют *экзистенциальные* СМ:

– СМ «неявная нелюбовь», данный СМ в большей степени представлен в системе русских паремий, его репрезентация сопровождается ироничной окраской: *Любит и волк овцу; В любви добра не живет; Любовь да свары – хуже пожара; Люб что свекровин кулак; Его милее нет, когда он уйдет; Мил за глаза; Любит и кошка мышку; Спереди любил бы, а сзади убил бы.* Распространен сравнительный оборот с обстоятельственным значением, а лексемы, обозначающие животный мир, становятся одним из источников образных номинаций. Иронический смысл пословиц и поговорок может быть противоположен их семантической структуре или может косвенно выводиться из их компонентного значения: *Люблю, как клопа в углу: где увижу, тут и задавлю; Любит, как собака палку/редьку; Люблю, как черта в углу; Мил ему, как порох в глазу; Влюбился, как сажа в рожу впеллся; Влюбился, как мышь в короб ввалился; Втюрился, как рожей в лужу; Любит и волк овцу; Myli kaip gegutė savo vaikis* (Любит как кукушка своих детей); *Myli kaip šunys čigoną* (Любит как пес цыгана); *Myli kaip vilkas avį* (Любит как волк овцу); *Myli kaip šuo ubagą* (Любит как пес нищего); *Myli kaip šuo*

žydą (Любит как пес еврея); *Myli kaip šuo katę* (Любит как пес кота); *Myliu kaip ožką, ožkos nekenčiu kaip velnio* (Люблю как козу, а козу ненавижу как черта); *Jeį nemyli pačios, tai prisėk daug linų* (Если не любишь хозяйку, посеешь много льна);

– СМ «явная нелюбовь», СМ конкретизирует такие характеристики ненависти, как отвращение, брезгливость, презрение: *Слепая ненависть - плохой советчик; Кого ненавижу, всегда при мне; Несолоно хлебать, что немилого целовать; Насилу не быть милу; Противна, как нищему гривна; Вместе скучно, а розно тошно; Насильно мил не будешь; Милого жаль, а от постылого прочь бы бежал; Бояться себя заставишь, а любить не принудишь; Как разойдутся врознь, хоть все дело брось; Jei kuris žmogus neratinka, tai ir jo kvapas smirda* (Если человек не нравится, то и его запах воняет); *Daug yra ir tokių, kur nekenčiu kaip ožią* (Много есть и таких, которых ненавижу, как козлов); *Nekenčia kaip velnias gaidžio* (Не терпит как черт петуха); *Neapukanta yra bloga patarėja* (Ненависть – плохая советчица); *Kas ko nekenčia, tam kilpas spendžia* (Кто кого не выносит, тому петлю вяжет);

– СМ «отсутствие любви»: *У нашего свата ни друга, ни брата; Хоть не люби, только почаще взглядывай; Любить не люблю, а отвязаться (отказаться, отстать) не могу; Миловались долго, да расстались скоро; Коли не мил телом, не прирубишься делом; Kas tyli, to nemyli* (Кто молчит, того не любят); *Kas artimo nekenčia, tas nē dievo nemyli* (Кто ближнего не терпит, тот и бога не любит); *Akelės nori, širdelė nepriima* (Глазки хотят, сердечко не принимает); *Kas vienas antro nemyli, turi širdį keisti* (Если один другого не любит, должен сердце сменить); *Daug žodžių kalbėjo ir meilę žadėjo - viskas išėjo ant vėjo* (Много слов говорил и любовь обещал – все ветер унес); *Kas myli, retai teeik, kas nemyli, visai neik* (Кто любит – приходит редко, кто не любит – совсем не приходит).

Обратимся к полю контраста. Языковые репрезентанты ядра – абсолютные (узуальные, языковые) антонимы, принадлежащие к одной части речи и лексико–семантической группе. Ключевые слова данной бинарной

оппозиции противопоставлены в паремике русского и литовского языков не настолько часто, как в предыдущих паремиях. В рассмотренном материале антонимия ключевых слов, выражающих контраст *любовь - ненависть*, немногочисленна. *От любви до ненависти – один шаг; Был милый, стал постылый; Šimtą kartų geriau meilėj mirti negu neapykantoj gyventi* (В сто раз лучше умереть **в любви**, чем жить **в ненависти**); *Myliu kaip ožką, ožkos nekenčiu kaip velnią* (**Люблю** как козу, а козу **ненавижу** как черта).

В обеих лингвокультурах больше представлены антонимичные компоненты, обозначающие положительные и отрицательные свойства оппозиции, время, контрастирующие качества, противоположные действия, возраст, место и т.д.: **временная оппозиция** *день – ночь, утро - вечер, вначале - потом: Поутру был хорош, а ввечеру стал непригож; Dieną ant peilių, o naktį be viens antro negali būti* (**Днем** на ножах, а **ночью** один без другого не может); *Pradžioj meiliai, paskui peiliai* (**Вначале** любовь, **потом** – ножи); *Jaunystėje diena be meilių žodelių, tai tamsi naktelė miglota* (В юности **день** без любовных словечек как темная **ночь**); **противоположно направленные действия: Забудется милый, так вспомнется; Коли любишь - прикажися, а не любишь – откажися; Meilė – vėjas: niekas nemato, kada ji ateina ir kada išeina (**Любовь** – ветер: никто не знает, когда она **приходит** и когда **уходит**); *Meilė ateina pro langą, o išeina pro kaminą* (**Любовь** **приходит** через окно, а **уходит** через камин); *Šimtą kartų geriau meilėj mirti negu neapykantoj gyventi* (В сто раз лучше **умереть** в любви, чем **жить** в ненависти); *Nebijok mylėti, bijok nieko nemylėti* (**Не бойся** любить, **бойся** не любить никого); **противоположные качества** (выраженные часто субстантивными прилагательными): *Мила не бела, да я и сам не красен; Полюби нас в черненьких, а в беленьких и всяк полюбит; Приглядится милый - тошней постылого; Ką geri myli, to blogi nekenčia* (Кого **хорошие** любят, того **плохие** не выносят); *Tolimi giminės - didelė meilė, artimi giminės - dideli barniai* (**Далекие** родные – большая любовь, **близкие** – большая ругань); **возраст: Молодой** дурит, **старый** пакости творит; *Geriau po seno***

barzda negu po jauno botagu (Лучше под бородой **старого**, чем под кнутом **молодого**); место, направление: *Откуда вред, туда и нелюбовь*; *Спереди любил бы, а сзади убил бы* (пример литовской паремии не зафиксирован).

В периферию поля контраста включаем контекстуальные (оказиональные) антонимы: *И любишь, да губишь*; *Цвели цветики, да поблекли*; *любил молодец красну девицу, да покинул*; *Сера утица - охота моя, красна девица - зазнобушка моя*; *Ум истиною просветляется, сердце любовью согревается*; *Чужого мужа полюбить - себя погубить*; *Реже видишь – больше любишь*; *Бояться себя заставишь, а любить не принудишь*; *С милым век коротать - жить не горевать*; *Meilė kaip rasa neskiria medų nuo metėlės* (Любовь как роса, не отличает мед от **полыни**); *Iš tų meilių meilystėlių bus ir ašarėlių* (От любви будут и **слезки**); *Meilė juo lėtesnė, juo ilgesnė* (Любовь чем **спокойнее**, тем **длиннее**); *Pirma viedrais meilę mieravo, o ant galo šaukštais* (Сначала любовь мерил **ведрами**, а потом **ложками**); *Ne tas myli, kuris žada, tas, kuris veda* (Не тот любит, кто **обещает**, а тот, кто **женится**); *Geri gerus myli, o pikti pikty neapkenčia* (**Хорошие** хороших любят, а **злые** злых ненавидят).

В литовской паремике отмечена частотная антонимия лексем со значением *meilė/любовь* и *baimė/страх*: *Kur meilė, ten išpildymas, kur baimė, ten privertimas* (Где любовь, там выполнение, где страх – там **насилие**); *Vienas dreb iš baimės, kits iš šalčia, kits iš nora meilės* (Один дрожит от **страха**, другой от **холода**, третий от **желания любви**); *Baimė su meile drauge nevaikščioja* (**Страх с любовью вместе не ходят**); *Ne baimės, bet meilės žodžius dievas priima* (**Бог принимает не слова страха, а слова любви**); *Ne iš meilės, o iš baimės ėjo ožka šokti su vilku* (**Не из-за любви, а из страха шла коза танцевать с волком**); *Ne iš meilės, ne iš baimės, kad nepabučiūotų* (**Не от любви, не от страха, чтоб поцеловал**). Такая особенность во многом обусловлена звуковым и ритмическим сходством контрастирующих лексем.

Ближнюю периферию контраста активно формируют оппозиции гипонимов и гиперонимов со значением *название частей тела/внутренних*

органов/живого существа: Где больно, там **рука**; где мило, тут **глаза**; Собака гуляла, да и **хвост** прогуляла; *Po šonu meilelė, ant kaklo pielelė* (Под боком – любовь, на шее – петелька); *Mylimąją reikia apžiūrėti ne akimis, o širdimi* (Милого надо осматривать не глазами, а сердцем); *Akelės nori, širdelė nepriima* (Глазки хотят, сердечко не принимает); а также лексемы–гипонимы со значением названия живых существ: Покажется **самана** лучше ясного **сокола**; Полюбится **сова** лучше ясного **сокола**; *Meilinasį kaip laputė, o kanda kaip šuva* (Милуется как лисичка, а кусает, как собака).

Отмечены оппозиции с числовым и временным значением: У моря **горе** (одно), у любви **вдвое**; *Kur du geruoju, trečias meilei nelabuoju* (Где двум хорошо, третьему в любви плохо); С милым **годок** покажется за **часок**; *Pirma viedrais meilę mieravo, o ant galo šaukštais* (Сначала любовь мерил ведрами, а потом ложками).

В русских поговорках найдены немногочисленные примеры дальней периферии, выраженной межчастеречной антонимией: *Коли не мил телом, не приробишься делом*; Деревенщина **Ермил**, да посадским бабам **мил**; Деньги - **прах**, одёжа **тоже**, а любовь **всего дороже**; Миленек - и не **умыт** белемок.

Антонимическая пара словосочетание - слово или словосочетание – словосочетание представлена в русских поговорках, в литовских – отмечен единственный пример: *Несолоно хлебать, что немилого целовать*; *Не видишь - душа мрет, увидишь - с души прет*; *Куда мил дружок, туда и мой сапожок*; *Meilūs žodeliai, skaudu širdelai* (Любовные словечки – больно сердечку).

Фактический материал показал, что для создания контраста широко используются грамматические оппозиции, например, в русских поговорках – по степени сравнения: *Тошно тому, кто любит кого; а тошнее того, кто не любит никого/не видит его*; *Любить тяжело; не любить тяжелее того*. Выделена русская поговорка с оппозицией приставочный и бесприставочный глагол: *Не видишь - так сердце рвет, увидишь - с души*

pret, а также одна единица с оппозицией формы существительного: *Из сердца не выкинешь, а в сердце не вложишь*.

Литовские паремии демонстрируют другие примеры грамматической оппозиции – предложных падежных форм: *Kai be marškinių, tai meilė, o su marškiniais – tai šalta* (Без рубашки любовь, а с рубашкой – холодно); по форме глагола: *Kad tave tai Dievas mylėtų, kaip tu mus myli* (Чтобы тебя так Бог любил, как ты нас любишь); *Būk nors raguotas – mylės, jei esi bagotas* (Будь хоть рогат – полюбит, если богат).

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

В рассмотренных паремических единицах выделена общая группа, выражающая амбивалентность народного мировосприятия и иллюстрирующая бином «любовь – ненависть». Ценностная составляющая рассмотренных мономов «любовь» и «ненависть» варьируется от положительной до отрицательной оценки, репрезентантами которой являются субмономы, проиллюстрированные русскими и литовскими примерами. Отмечено, что СМ «приятие» включает признаки русской ментальности. Иронический смысл паремий, иллюстрирующих СМ «неявная нелюбовь», выражается структурно, а также лексически.

В рассмотренном материале обеих лингвокультур, значительно более обширном по количеству репрезентантов (что свидетельствует об особенной значимости оппозиции для наивной картины мира), антонимия ключевых лексем немногочисленна, зафиксировано сходство ядерных и периферийных средств выражения контраста. В литовской паремике отмечена специфичная антонимия лексем со значением «*meilė/любовь*» и «*baimė/страх*», русская паремика такой оппозиции не демонстрирует.

Межчастеречная антонимия в русских и литовских паремиях рассмотренной бинарной оппозиции не является продуктивной и немногочисленна. Русские паремии активно демонстрируют крайнюю оппозицию контрастной пары *степени сравнения, бесприставочный глагол несовершенного вида – приставочный глагол совершенного вида*, литовские –

иные грамматические способы создания оппозиции: по форме глагола и существительного.

2.5 Бином «богатство – бедность»

Русские и литовские паремии активно репрезентируют антиномию «богатство – бедность», что объясняется универсальностью данной семантической оппозиции: в нее входит общечеловеческое и национально-специфическое, это закреплено в семантике языковых единиц, моральных нормах, убеждениях, особенностях поведения и т.п. (Милованова 2007: 39).

В ходе сопоставительного анализа мы установили, что в фонде паремий ключевыми репрезентантами данной оппозиции являются лексемы *богатство, богатый / turtas, bagotas, turtingas – бедность, бедный, бедняк, убогий, нищий / biednas, vargšas, beturtis*. Лексема *деньги/pinigai* ассоциативно и когнитивно связана в сознании человека с материальным достатком, поэтому в паремиях частотно упоминание денег как мерила богатства.

Содержательный минимум оппозиции «богатство – бедность» имеет значение *наличие или отсутствие достатка, имущества, средств для жизни, изобилия, избытка, излишества* (Даль, 2006: 78).

По достаточно широкой представленности бином «богатство – бедность» является релевантным в системе русской и литовской паремиики. Значительная часть русской и литовской паремиики построена на контрастном восприятии богатства и бедности, бедных и богатых: *Богатый бедному не товарищ; Богаты, так здравствуйте, а убоги – так прощайте; Богатому – как хочется, а бедному – как можется; Bagotas - razumnas, o biednas tai durnas* (Богатый умен, а бедный – глуп); *Turtingas daro kaip nori, beturtis – kaip gali* (Богатый делает как хочет, бедный – как может).

Бином «богатство – бедность» представлен двумя мономами. Моном «богатство» репрезентируют паремии с положительным и отрицательным

значением, позитивным и негативным отношением к материальному достатку и его обладателю.

Итак, внутри монома «богатство» нами выделены следующие группы СМ: реляционные, аксиологические, аддитивные, качественные, результирующие.

Качественные представлены субмономом «ценность»; данный СМ квалифицирует такие характеристики богатства, как положительную оценку в народной среде достатка и финансовой независимости: *У богатого все сладко, все гладко; Богатому все льготно; Дом – полная чаша; Как деньги при бедре, так помогут при беде; Turtingam ir gandrašius kiaušinius deda* (Богатому и аист яйца несет); *Ponas turtingas, jam gera, šuva kudlotas, jam šilta* (Пан богат, ему хорошо, пес лохмат, ему тепло); *Turtingas būsi, niekur nepražūsi* (Будешь богат, нигде не пропадешь).

Реляционные субмономы представлены противоположно направленными структурными единицами. С одной стороны, выделяется СМ «социальный успех (условие социального успеха)»: *За свой грош - везде хороши; Дай грош, так будешь хороши; Рожей не казист, да мешком харчист; С деньгами мил, без денег постыл; Ilgos kalbos nepadės, kur pinigai neskambės* (Долгие разговоры не помогут, если деньги не зазвенят); *Kol turtingas ir draugų daug* (Пока богат, и друзей много); *Išmintingus ir turtingus visi pažįsta* (Мудрых и богатых знают все); *Jei bagotas būsi, tai ir giminių turėsi* (Если будешь богат, будут и родственники); *Bagotam visi giminės* (У богатого все родня). С другой стороны, отмечен противоположный по семантике СМ «неуважительное отношение», который не вербализирован широко в семантике паремий: *Бога хвалим, Христа величаем, богатого богатыню проклинаям; Gerai senam meluoti, o bagotam vogti* (Добро старому врать, а богатому воровать).

В состав **аксиологических** субмономов нами включаются:

– СМ «аморальность», репрезентирующий окраску осуждения, в данном случае отражается народное мнение о том, что богатство

приобретается и преумножается в результате аморальных поступков (обмана, воровства), что богатство воздействует на характер человека и способствует развитию преимущественно отрицательных качеств: *От трудов праведных не наживешь палат каменных; И правда тонет, коли золото всплывает; Богатый врет - никто его не уйдет; Будешь богат, будешь и скуп; В богатстве сыто брюхо, голодна душа; Pinigai ir bjaurastis visada kartu* (Деньги и грубость всегда вместе); *Kuo bagotesnis, tuo ir pavydesnis* (Чем богаче, тем завистливее); *Turtingo ir melas teisingas* (У богатого и ложь правдива); *Bepig senam meluoti, o turtingam vogti* (Не гоже старому врать, а богатому воровать); *Teisingas nebus turtingas* (Правдивый не будет богатым);

– СМ «труднодостижимость», репрезентирующий такие характеристики обозначаемого монома, как долгий и не всегда результативный путь к достижению материального благополучия; этот СМ отражает ментальность литовского крестьянства – трудолюбивых собственников крепких хозяйств–хуторов, в одиночку обрабатывавших небогатые песчаные земли Литвы; СМ активно репрезентирован литовской паремикой, мы включаем его в состав национально–культурных СМ: *Nei karaliui iš debesų nekrinta į košę pinigai* (Даже королю с неба не падают деньги); *Pinigai mėgsta rankas kietas* (Деньги любят твердые руки); *Pinigai – ne kilbasa, nesuuosi, kur padėta* (Деньги не колбаса: не унюхаешь, где лежат); *Pinigai ne upeliu teka* (Деньги не текут ручейком); *Pinigai sunkiau išlaikyti negu uždirbti* (Деньги легче истратить, чем заработать); *Nebijok išleisti tūkstančiais, bijok išleisti centais – visada turtingas būsi* (Не бойся тратить тысячами, бойся тратить центами – всегда будешь богат); *Anksti kelk, vėlai gulk - būsi bagotas* (Рано вставай, поздно ложись – будешь богатым).

Аддитивные субмономы включают СМ «богатство и ум», который репрезентирует разнонаправленные признаки: положительного ценностного отношения к материально благополучному человеку, как к человеку умному (только умный человек может разбогатеть), а также признаки отрицательного отношения – богатство зачастую достается не по заслугам и не по уму.

Семантика *ум как условие достатка* одинаково активно представлена в русской и литовской паремике: *Богатство ум рождает; Тот и умен, кто богато (или: красно) наряжён; Тот мудрен, у кого карман ядрен; Kas protingas, tas turtingas* (Кто умен, тот и богат); *Kas bagotas, tas ir mandras* (Кто богат, тот и умен); *Kas turtingas, tas ir išmintingas* (Кто богат, тот и сообразителен); *Kas bagotas, pas tą ir protas* (Кто богат, у того и ум); отсутствие или недостаток ума у богатого человека также широко иллюстрируются паремиями: *Умом туп, да кашель туг; Судят не по уму, а по карману; Bagotam proto nereikia ir, jei kvailas, niekas už tai nepereikia* (Богатому ум не нужен: если тот глуп, никто за это не осудит); *Turtingas protą kišenėj nešioja* (Богатый ум в кармане носит); *Jei turtingas, tai ir kvailas* (Если богат, то дурак); в рассмотренных литовских паремиях частотно противопоставление ума богатству: *Ne tas yra laimingas, kuris turtingas, bet tas, kuris protingas* (Не тот счастлив, кто богат, а тот, кто умен); *Geriau būti protingam, nekaip turtingam* (Лучше быть умным, чем богатым); данный СМ иллюстрирует также интернациональная пословица *Durniui pinigai smertis* - Дураку деньги смерть.

В фактическом материале литовского языка нами были выделены национально–культурные субмономы – **реляционный** СМ (выражающий также оценку) «богатство священника», который вербализирует оттенок осуждения несправедного поведения представителей церкви: *Pinigai kunigo ieškojo, o nūnai kunigas pinigų* (Деньги священника искали, а теперь священник деньги); *Kunigų pinigais pekla budavota* (Ад создан деньгами священника); *Plaukia kaip pinigai į kunigo mašną* (Плывут как деньги в кошелек священника); *Kunigas apie dangų bliuana, o pats žemės turtus krauna* (Священник блеет о небе, а сам богатства земли грузит); **результатирующий** СМ «Наивысшие возможности» также активно репрезентируется литовской паремикой; отражает особую религиозность литовцев (свою родину они определяют метафорой *Marijos žeme*, т.е. *Земля Марии – Богоматери*); подавляющее большинство населения Литвы позиционирует себя

католиками. Данный СМ иллюстрирует возможность исполнения всех желаний у богатых людей благодаря воле Божьей, богатый не пропадет в беде, он даже может купить себе место в раю: *Bagotam pinigai iš dangaus krinta* (Богачу деньги с неба падают); *Bagotą myli ir Dievas, ir švietas* (Богатого любит и Бог и свет); *Su pinigais ir velnią ant stogo užvarysi* (С деньгами и черта на крышу загонишь); *Turtingą ir į dangų įleis, kai pažvangins pinigais* (Богатого и на небо пустят, если зазвенит деньгами); *Dievas tik turtingiems geras* (Бог только богатым хорош). Литовские паремии, иллюстрирующие данный СМ, отражают биполярность народного сознания и могут быть противоположны по семантике, например, *Bagotą ir į dangų įleis* (Богатого и на небо пустят); *Su pinigais ir pragare nepražūsi* (С деньгами и в аду не пропадёшь); *Pinigingam ir dangun kelias atviras* (Денежному открыта дорога и в рай); *Brangus dangus, bet su auksu ir ten įsipirksi* (Дороги небеса, но золотом и там откупишься) противоположны по утверждаемому в них смыслу, полемичны со следующими единицами: *Dangų su pinigais neįsipirksi* (Небеса (рай) деньгами не купишь); *Dangun pinigų nereikia* (На небесах деньги не нужны); *Danguj su pinigais nenusipirksi nieko, pekloj – gal nors smalos* (На небесах за деньги ничего не купишь – в пекле хоть смолы); среди рассмотренных русских паремий репрезентантов данного СМ не выявлено.

Моном «бедность» репрезентирован следующими группами субмономов. **Экзистенциальные** СМ включают:

– СМ «отсутствие средств» репрезентирован бедность как образ жизни, данный СМ внешне лишен эмоционально–оценочного выражения, однако метафоричность и образность паремичных единиц указывают на силу воздействия бедности как факта на человека: *В одном кармане вошь на аркане, в другом блоха на цепи; Два веника в коробке да мышь в подполье; Две полы, да и те голы; Дожили до клюки, что ни хлеба, ни муки; Живет в тоске, а спит на голой доске; Заплаточки с лоскуточками беседуют; Нечего хлебать, так дай хоть ложку полизать; Turtingas kaip varlė plaukais* (Богат как ворона волосами); *Gavo mergą bagotą – tris autus, tris saitus ir blusą ant*

virvelės (Получил девку богатую – три онучки, три обвязки и блоха на веревочке);

– СМ «несчастье», который выражает тяжелое существование бедняка: *Никто не ведает, как бедный обедает; Наше счастье – на мосту с чашкой; Богатому ветер в спину, а бедному все в лицо; На бедного Макара все шишки валяются; Плох Роман, коли пуст карман; Biednam ir blusos pinigai* (Бедному и блохи деньги); *Biednojo žmogaus visuomet kišenė kiaura* (У бедного человека всегда дырявый карман); *Mužiką visi lupė, o anas tik vieną bulvę* (С мужика все шкуру снимают, а он только с картошки); *Greičiau girtą negu biedniokėlį pakelsi ant kojų* (Скорее пьяного нежели бедного поднимешь на ноги).

Аддитивные субмономы представлены более широко:

– СМ «бедность и ум» подчеркивает факт отсутствия ума или наличия ума как стимула к активной деятельности. Данный СМ прямо полемичен с рассмотренным ранее СМ «богатство и ум»: *Нужда мудрости учит; Голь на выдумки хитра; Бедность и мудрого смиряет; Nežinia, ar todėl kvailas, kad biednas, ar todėl biednas, kad kvailas* (Неизвестно: глуп, потому что беден, или беден, потому что глуп); *Kvailas ir biednas dukart moka* (Глупый и бедный платит дважды); *Geriau mokytam biednam nekaip turtingam kvailam* (Лучше ученому бедняку, чем богатому дураку);

– СМ «бедность и вера», данный СМ находит неоднозначную репрезентацию в сравниваемых лингвокультурах: русские поговорки оправдывают бедных перед Богом, литовские – указывают на незащищенность бедного человека перед судьбой: *Голодный и патриарх украдет; Голый, что святой: с него взятки гладки; Бедность - святое дело; Голый - что святой: беды не боится; Už bagotą ir kunigai meldžias, už biedną ir ubagai tingi* (За богатого и священник молится, за бедного и нищий ленится); *Biednam ir dangij su žvake tamsu* (Бедному на небе и со свечкой темно).

Реляционный СМ «неуважение» конкретизирует признаки презрения к бедняку (данный СМ можно включить также в группу аксиологических СМ в

результате экспликации негативной оценки): *Богатого и в чуже знают, убогий и в своих невидим; На бедняка и кадило чадит; Litas – ne pinigai, ubagas – ne draugas* (Лит не деньги – нищий не друг); *Biednam visos durys uždarytos* (Перед бедным все двери закрыты).

Противоположный по семантике **аксиологический** СМ «положительное качество» выражает оправдание отсутствия материального достатка, подчеркивает положительные человеческие качества бедняка или указывает на выигрышность его положения: *Меньше денег – меньше забот; С голого, что с мертвого, ничего не возьмешь; Голого нищего и сто разбойников не ограбят; Шуба овечья, зато душа человеческая; Денег ни гроша, зато слава хороша; Лучше быть бедняком, чем разбогатеть со грехом (лучше бедный да честный); Лучше нищий праведный, чем богач ябедный; Biednystė mokina, o laimė gadina* (Бедность учит, а счастье портит); *Geriau biednam su garbe būti, negu turtingam su gėda rūti* (Лучше бедному с честью быть, чем богатому со стыдом).

Национально специфичными определяем следующие субмономы, представленные русскими паремиями: СМ «бедность и любовь (семья)»; представлен паремиями с противоположной семантикой: бедность как препятствие семейному счастью: *У пустого корыта и кони грызутся; Бедному жениться - и ночь коротка*; среди литовских паремий выявлена одна: *Be duonos ne teilės nėra* (Без хлеба нет даже любви); в русских паремиях частотны единицы с противоположным значением – бедность может не являться помехой счастью в семье: *В семье любовь да совет, так и нужды нет; С милым рай и в шалаше*.

Особенностью представленности монома «бедность» в русской паремике является его яркая метафоричность, что позволило нам выделить национально–культурные ассоциативные СМ, в основе репрезентирующих их паремий лежат зоосемантические и природные ассоциации:

– СМ «зоосемантический образ» репрезентирует ассоциативную связь бедности с картинами животного мира и свидетельствует о преобладании в

русской лингвокультуре крестьянского взгляда на окружающий мир: *Бедный в нужде – как жаба в луже; Дай бог и кошке свое лукошко; Два венка в коробке да мышь в подполье; Заживно живет: и голодной собаки выманить нечем; Корова пестра, да и та без хвоста; Легко псу, да несытно; Сварить было кашу, да куры крупу расклевали;*

– СМ «образы природы», выражающий понятие бедности через призму крестьянского мировосприятия, тесно связанного с временами года и атмосферными явлениями: *Нет хуже нужи да стужи; Нужда ведренной погоды не ждет; Небо в тумане, земля в обмане, пусто в кармане; На одно солнышко глядим, да не одно едим; Не боюсь богатых гроз, а боюсь убогих слез.*

Охарактеризуем ядерные средства выражения контраста, которые представлены весьма разнообразными по семантике рекуррентными парами антонимов – прежде всего ключевых слов оппозиции: *Бедность* плачет, *богатство* скачет; *Богатого* ложка ковшом, *убогого* ложка веселком; *Богатый* пузатеет, *бедный* тощает; *Богат*, да *крив*; *беден*, да *прям*; *Turtingas daro kaip nori, beturtis – kaip gali* (*Богатый* делает как хочет, а *бедный* – как может); *Biednam prieš kalną ir prieš vėją, bagotam ir pakalniui, ir ravėjui* (*Бедному* в гору и против ветра, *богатому* с горы и по ветру); *Bagotas savo dalį žemėj atsiima, o vargšas danguj* (*Богач* свою часть на земле берет, *бедняк* – на небе). Контраст создается включаемыми в сферу ключевых лексем разнонаправленными глаголами (пузатеет — тощает и др.) прилагательными (крив — прям и др.), формами существительных (по ветру – против ветра и др.).

Широко представлен русский фонд паремий, построенный на противопоставлении лексем – прилагательных со значением качества и субстантивных прилагательных: *Лучше нищий правдивый, чем тысячник лживый; Пока толстый сохнет, тонкий сдохнет; Богат, да крив, беден, да прям; В добром житье лицо белится, румянится, в плохом чернится; Наша квашня ни густа, ни пуста; Не отведав горького, не узнаешь и*

сладкого. В литовской паремике такая антонимия не частотна, нами выявлены единичные примеры: *Bagotas - razumnas, o biednas tai durnas* (Богатый умен, а бедный – глуп); *Ir mažas pelnas didelę piniginę pripildo* (И маленький вклад наполнит большой кошелек).

В русском и литовском языках отмечены общие продуктивные антонимические пары: лексем с **временным значением** (чаще выражены наречиями): *Богатство на час*, а бедность *до веку*; *Nūnai bagotas, o ryt biednas* (Сегодня богат, а завтра беден); *Anksti kelk, vėlai gulk - būsi bagotas* (Рано вставай, поздно ложись – будешь богатым); глаголов со значением **противоположного действия**: *Когда деньги говорят, тогда правда молчит*; *Богатство вода: пришла и ушла*; *Богатый пузатеет, бедный тощает*; *Нужда и горбится и прямится*; *Pinigai greit užkelia, ale greit ir nuleidžia* (Деньги быстро поднимают, но и быстро опускают); *Pinigai sunkiau išlaikyti negu uždirbti* (Деньги сложнее истратить, чем заработать); *Biednas nori greičiau numirt, bagotas - ilgiau gyvent* (Бедняк хочет быстрее умереть, богач – дольше жить); *Turtingu išėjo, ubagu parėjo* (Богатым ушел, а нищим пришел); лексем-антонимов с **количественным значением**: *Не тот беден, у кого мало, а тот, кто много хочет*; *Денег много - великий грех*; *денег мало (или: намале) - грешней того*; *Daug imančių, bet mažai duodančių* (Много берущих, но мало дающих); *Kas turi daug dukterų, tas turi mažai duonos* (У кого много дочерей, у того мало хлеба); *Kur daug piktžolių, ten mažai grūdų* (Где много сорняка, там мало зерна); **оппозиции есть - нет**: *Нет в кармане, да есть в анбаре*; *Есть что носить, носит; а нет, так последнее бросит да у людей просит*; *Из нета не выкроишь естя*; *Когда есть, так густо, а нет, так пусто*; *Ėmėjų yr, davėjų nėra* (Есть те, кто имеет, нет тех, кто дает); *Kai yra, tai duok, kai nėra, tai dūduok* (Если есть, так дай, если нет – дуди).

Периферийные средства выражения контраста более разнообразны по типам контрастирующих компонентов и меньшей степени однородности.

Ближнюю периферию представляют преимущественно лексемы–гипонимы, приведем примеры:

– лексемы–согипонимы со значением *названия живых существ/предметы окружающего мира* как контрастные единицы представлены в паремиях обоих языков: *У богатого **телята**, а у бедного **ребята**; У рака мочь в клешне, у **богача** в мошине; Biednojo **arklys greit** raauiga, bagotojo – **duktė** (У бедного быстро растет **лошадь**, у богатого – **дочка**); Kai buvai bagotas - ožka buvo **velnias**, kai nubiednėjau - paliko **angelas** (Когда был богат, козел был как **черт**, когда обеднел – стал **ангелом**);*

– названия частей тела, которые часто контрастируют с наименованием предметов одежды, имущества, абстрактных понятий: *В драке **богатый** **лицо** бережет, **убогий** – **кафтан**; **Рожей** **неказист**, да **мешком** харчист; У богатого мужика борода **помелом**, у бедного **клином**; Turtingo **padas** aukso **patuštas**, o **širdis** titnagu **grįsta** (У богатого **подошва** золотая, а **сердце** кремень); Bagotieji **džiaugiasi laukais**, o **biednieji plaukais** (Богачи радуются **полям**, а бедные – **волосам**); Bagoto **nosis** riesta, bet **dūšia** skiesta (У богатого **нос** крючком, но **душа** жидкая);*

– в литовских паремиях контрастирующими единицами частотно являются названия родственных связей, в частности, лексемы *žmona*, *pati*/жена и *sesuo*/сестра, примеры тому находим во многих паремиях с близкой семантикой противопоставления здоровья (реже красоты и других качеств) и богатства: *Pati sveika pačiam meili, sesuo bagota broliui meili* (Здоровая жена мужу мила, а богатая сестра мила брату); *Brolis myli turtingą seserį, vyras - sveiką žmoną* (Брат любит богатую сестру, а муж – здоровую жену); *Sveikoji - pati, bagotoji – sesuo* (Здорова – жена, богата – сестра); *Duokit man pačią bagotą, o gerą ir gražią aš pats padarysiu* (Дайте мне жену богатую, а хорошую и красивую я и сам сделаю);

– лексемы со значением числа: числительные, а также имена существительные – наименования денежных единиц: *Семь деревень, а лошадка одна; Житье хорошее: семерых в один кафтан согнали; У бедного и*

два гроша - куча хороша; Счастье бедному - алтын; богатому – миллион; Торгу на три алтына, а долгу на пять; Nebijok išleisti tūkstančiai, bijok išleisti centais – visada turtingas būsi (Не бойся тратить тысячами, бойся тратить центами – всегда будешь богат); Jei kapeikos nemylėsi, rublio neturėsi (Если копейку любить не будешь, не получишь рубля); Ant vieno turtingo šimtas elgetų (На одного богатого десять нуждающихся); Biednas su tarba, o bagotas su dviem (Бедный с торбой, а богатый с двумя);

– имена собственные, называющие лиц мужского/женского пола (широко представлены в русских примерах): *У Фомушки денежки - Фомушка Фома; у Фомушки ни денежки - Фомка Фома; В одном кармане Иван тощий (или: постный), в другом Марья леготишина; отмечен единичный пример в литовском фонде паремий, связанный с календарными датами именин святых: Šventas Jonas badmirys, o Ona bagota (Святой Йонас – голодная смерть, а Она (Анна) богатая);*

– лексемы с контрастным значением части и целого характерны для русских паремий: *Временем и кус за целый ломоть; Временем и ломоть за целый хлеб.*

Ближняя периферия антонимии русских и литовских паремий богата примерами, она характеризуется сходством пар лексем, обозначающих смежные противопоставленные понятия и не привязанных к определенной сфере, но противоположных по тем же параметрам, что и согипонимы. Приведем примеры: *Бедность плачет, богатство скачет; У кого нет рубашки, тот рад и ветошке; Лучшие хлеб с водою, чем пирог с бедою; Богатство жнет, а нищета живет; Гол, да праведен; Tokia yra mano dalelė, kai nėra pyrago, gerai ir duonelė (Такая у меня долюшка: если нет пирога, хорош и хлебушек); Džiaugiasi biednas vaikais, o bagotas pinigais (Бедный радуется детям, а богатый – деньгам); iš darbo nebūsi bagotas, tik kuprotas (От работы не будешь богатым – будешь горбатым); Linksmas kaip pavasaris, turtingas kaip ruduo (Веселый как весна, богатый как осень).*

Дальняя периферия представлена межчастеречным антонимами: *В одном кармане пусто, в другом нет ничего; На деньгу суд, на безденежье не осудь; Jeigu nieko nėra lėkštėje, tai ir šakutė nereikalinga* (Если ничего нет в тарелке, то и вилка не нужна); *Žagrė su akėčiom račios neturtingos, o visą svieta maitina* (Плуг и лемех не богаты, но весь свет кормят); *Svetimas turtas ir savo turtą išveda iš namų* (Чужое добро и свое выведет из дома), а также контрастирующими сочетаниями слов: *Соболино одеяльце в ногах, да потонули подушки в слезах; Голо, голо, а луковка во щи есть; Колотишься, бьешься, а с сумой не разминешься; В одном кармане сочельник, в другом чистый понедельник; Turtingas džiūsta iš didelio turto, o vargšas – iš didelio vargo* (Богатый сохнет от большого богатства, бедный – от большого горя); *Geriau mokytam biednam nekaip turtingam kvailam* (Лучше ученому бедняку, чем богатому дураку).

Крайняя периферия контраста, которая характеризуется грамматическими оппозициями, гораздо богаче представлена в русской паремике. Приведем примеры контраста падежных форм: *Не по небу и богач ступает, не под землей живет и убогий; Лучше подать в окно, чем стоять под окном; Не деньги нас наживали, а мы деньги нажили*; в литовском языке найден единичный пример: *Blogai be pinigų, ale blogai ir su pinigais* (Плохо без денег, но плохо и с деньгами). Контраст падежных форм одной и той же лексемы представлен популярной литовской пословицей *Lopas ant lopo, o lopo skylė* (Заплата на заплате, а в заплате дыра) (Григас 1987: 186) с семантикой *одежда бедняка*. Контраст, созданный парадигмой существительного и интенсивными аллитерациями, приобрел юмористический смысл и сделал эту пословицу популярной не только среди литовских крестьян, но и в русскоязычной среде Литвы – *Лапина (заплата) на лапине, да и те обляпаны*, данная интернациональная пословица в русском варианте построена на созвучии слогов *ла-ля, пи-па, на-не-ны*. Известен также ее польский вариант: «Łata na łacie, a w łacie dziura», построенный по той же модели (Шадрина 2010: 46).

Контраст степеней сравнения выделен в русских поговорках: *Где много воды, там больше будет - где много денег - больше будет; Бедность не порок, а вдвое хуже; Денег много - великий грех - денег мало (или: намале) - грешней того.*

Различные виды оппозиции глагольных форм присутствуют в русских поговорках, единично – в литовских: *Дай бог подать, не дай бог брать* (по категории вида глагола); *Ел бы мясо, да в зубах вязнет; Сделал бы помочь - так и нечего дать и нечего жать; Купил бы село, да в кармане голо; завел бы вотчину, да купило покорчило;* (по категории склонения); *Кто нужды не видал, и счастья не знает* (по категории глагольного времени); в литовской поговорке найдено противопоставление глагола с отрицательной частицей и без нее: *Bagotas ir Dievo nesibijo, o biednas ir susiedo bijo* (Богач и Бога **не боится**, а бедняк и соседа **боится**).

В результате проведенного анализа данной бинарной оппозиции мы пришли к следующим выводам.

В рассмотренном фонде поговорок значительная часть построена на контрастном восприятии действительности, структурно – на антонимическом противопоставлении богатства и бедности, бедных и богатых, что связано с ментальными особенностями народов.

В массиве проанализированных русских и литовских поговорок бинарной оппозиции «богатство – бедность» четко выделяются мономы «богатство» и «бедность», ценностная составляющая которых варьируется от положительной до отрицательной оценки, внутри мономов выстроены и описаны субмономы.

Выделенные СМ имеют семантические аналогии в русской и литовской лингвокультурах, в то же время отмечена специфичность их репрезентации в русских и литовских поговорках, например, это демонстрирует СМ «бедность и вера». Выявлены национально–культурные субмономы: в литовском языке СМ «наивысшие возможности» (отмечено отражение в поговорках биполярности народного сознания), «труднодостижимость»,

«богатство священника»; в русском языке – СМ «бедность и любовь (семья)», «зоосемантический образ», «образ природного явления».

Антонимия рассмотренных паремий обладает сложной структурой. Ядерные средства антонимии представлены разнообразными по семантике рекуррентными парами узуальных антонимов, прежде всего ключевых слов.

В структуре русского фонда паремий отмечено активное противопоставление лексем – прилагательных со значением качества, в литовском фонде найден единичный пример.

Установлена общность периферийных средств контраста – лексем с временным значением, глаголов со значением противоположного действия, лексем с количественным значением, оппозиции *есть - нет*.

Ближняя периферия фондов паремий представлена следующими контрастными единицами: названиями живых существ, наименованиями частей тела, лексемами с числовым значением, наименованиями денежных единиц; выявлен богатый фонд контекстуальных антонимов; национально специфическим для русских паремий является наличие контрастирующих имен собственных и лексем со значением части и целого, для литовских – противопоставление лексем *žmona, pati*/ жена и *sesuo*/сестра.

Дальняя периферия антонимии широко представлена в обоих языках межчастеречными антонимами и контрастирующими сочетаниями слов.

Крайняя периферия контраста, характеризующаяся грамматическими оппозициями, гораздо богаче представлена в русской паремике: выявлено наличие оппозиции степеней сравнения, глагольных оппозиций (по виду, наклонению, времени), падежных форм существительных; в литовской паремике отмечены единичные факты противопоставления одной и той же лексемы, а также оппозиции *глагол – НЕ + глагол*.

3.6 Бином «дружба – вражда»

Лингвокультурная антиномия «дружба – вражда» активно выражена в русских и литовских паремиях. Так, в сборнике В.И.Даля «Пословицы

русского народа» раздел «Друг – недруг» включает в себя 215 пословиц, что составляет более одного процента всех паремий. Ключевыми репрезентантами данной оппозиции являются лексемы *дружба, дружить, друг, приятель/ draugystė, draugauti, draugas, prietelis* и *недруг, враг/ priešininkas, priešas*.

В.И. Даль трактует *дружбу* следующим образом: «взаимная привязанность двух или более людей, тесная связь их; бескорыстная стойкая приязнь, основанная на любви и уважении; тесная связь, основанная на временных выгодах» (Даль 2006; Т.1:452). Словарь русского языка под редакцией А.П.Евгеньевой дает подобное толкование лексемы *дружба*. Это межличностные отношения, «основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.» (Евгеньева 1985: т.1: 449). Оба толкования носят стереотипный характер, соответствующий существующему кодексу поведения в рамках русской культуры.

Понятие *вражда* семантически близко понятию *ненависть*, тем не менее существует тонкая грань между ними. Так, *ненависть* есть «чувство сильной вражды и отвращения» (Ожегов 1987: 327), а *вражда* – это «отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью» (Ожегов 1987: 84). Как видим, в русском языковом сознании *вражда* носит более активный характер, чем *ненависть*, т.к. направлена на причинение вреда. Именно такое лексическое значение лексемы рассматривалось нами при характеристике бинарной оппозиции, представленной мономами «дружба» и «вражда».

В массиве русских и литовских паремий четко просматривается специфика структурной и семантической оппозиции, при которой паремия строится на противопоставлении лексем. Чаще всего противопоставлены ключевые лексемы. Например, *Бедный знает и друга и недруга; Недруг поддакивает, а друг спорит; Geriau šimtas draugu negu vienas priešas* (Лучше сто друзей, чем один враг); *Skolindamas - draugas, atiduodamas - priešas* (Отдалживая – друг, отдавая – враг).

Остановимся на рассмотрении выделенных мономов. Моном «дружба» репрезентируют следующие субмономы. **Квалитативные** СМ:

– СМ «значимость» характеризует дружбу в бытийном, онтологическом плане с признаками неотъемлемой жизненной составляющей. Русские и литовцы к дружбе относятся очень серьезно: друзей связывают крепкие узы, которые важнее любых других, друзья приносят спокойствие в жизнь, люди не чувствуют себя одинокими и незащищенными: *Больше той любви не бывает, как друг за друга умирает; Одному и пьяно, да не мило; с другом и хмельно, да умно; Доброе братство милее богатства; Не дорога гостьба, дорога дружба; Старый друг лучше новых двух; Be prietelių negyvenk, bet tu nedaug turėk* (Без дружков не живи, да и тех не много имей); *Tikras draugas visada liks draugu* (Настоящий друг всегда останется другом); *Draugas ir vynas - kuo senesnis, tuo geresnis* (Друг и вино: чем старше, тем лучше);

– СМ «мнимость», в отличие от предыдущего СМ, подчеркивает неискренность поведения, ненастоящую дружбу, иллюстрируется паремиями обоих языков: *Встретил с жалостью, а проводил с радостью; Его милее нет, когда он уйдет; Ne draugas, kas už dviejų stalų sėdi, dvi kalbas kalba* (Не тот друг, кто за двумя столами сидит, две речи говорит); *Nelaimingą apleidžia ir prieteliai* (Несчастливого обманывают и приятели); *Atviras priešininkas mažiau pavojingas negu veidmainys draugas* (Открытый враг менее опасен, чем мнимый друг); *Netikri draugai blogesni už atvirus priešus* (Ненастоящие друзья хуже открытых врагов);

– СМ «трудности, непрочность» активно представлен в обоих языках; русские и литовские паремии говорят о том, как тяжело налаживать дружеские, добрососедские отношения и жить дружно: *За что того любить, кто хочет сгубить?; Не житьё и собаке с волком, а телёнку так и продуху нет; Стоячему с сидячим трудно говорить; Овце с волками худо жить; Черный день придет - приятели откинута; Blogas laukas daugiau duoda už geriausią draugą* (Плохое поле больше дает, чем лучший друг); *Geras draugas prie stikliuko, o kai bėda, tai nurūko* (Хороший друг за рюмочкой, а если беда –

то пропал); *Kaimynystė - ne draugystė* (Соседство не дружба); *Draugystė kaip stiklas, sumuši – neatitaisysi* (Дружба как стекло, разобьешь – не починишь); *Greičiau šventu paliksi, nekaip visiems įtiksi* (Скорее святым станешь, нежели всем угодишь); *Vargas draugus išblaško* (Горе друзей разлучает).

Результирующие субмономы представлены СМ «результат опыта»: *Ne spojiv (ne poživishi), друга не узнаешь; Изведен друг, коль соли вместе съевши; Друга узнать – вместе пуд (куль) соли съестъ; Коня в рати узнаешь, а друга в беде; Друг познаётся на рати да при беде; Arklį pažinsi kelionėj, o draugą bėdoj* (Коня узнаешь в дороге, друга – в беде); *Tikras draugas visada liks draugu* (Настоящий друг всегда останется другом); *Kol draugą pažinsi, suvalgysi maišą druskos* (Пока друга узнаешь, съешь мешок соли); *Jų draugystės lašu vandens neperskirsi* (Их дружбу каплей воды не разделить).

В состав **реляционных** субмономов мы включаем СМ «родственные отношения», в процессе его репрезентации нами отмечена следующая закономерность – в русских поговорках выражена положительная окраска называемых межличностных отношений: *В дороге и отец сыну товарищ; Друг и брат - великое дело: не скоро добудешь; Друзья прямые - братья родные; Кто друг прямой, тот брат родной*. В литовских поговорках, наряду с положительным смыслом поговорок, отмечена и негативная коннотация: *Ne tas brolis, katras pienuotas lūpas aplaižo, bet tas, katras kruvinas apšluosto* (Не тот брат, кто облизывает испачканные молоком губы, а тот, кто окровавленные вытирает); *Artimas draugas už tolimą giminę geresnis* (Близкий друг лучше дальнего родственника); *Atskirai gyventi – su broliais draugauti, drauge gyventi – su marčiomis pjautis* (Отдельно жить – с братьями дружить, вместе жить – со снохами браниться); *Giminė giminei priešas* (Родственник родственнику враг). В группу **аддитивных** субмономов нами включается СМ «дружба и богатство», репрезентирующий такие возможные характеристики дружбы, как признаки корыстного поведения, влияние денег, богатства, материального достатка (часто отрицательное) на добрые отношения и дружбу: *Денежка найдет дружка; Богач друга не узнает;*

Богатому ни правды, ни дружбы не знавать; Нужда сдружила, приволье раздружило; Жалеть мешка - не видать (не завесть) дружка; Есть брага да пирожки, так есть и други (и дружки); Пили, ели – кудрявчиком звали; попили, поели – прощай, шелудяк!; Draugai, kol atskirai pinigai (Друзья пока раздельно деньги); Kuomet turtingas, draugų vis turėsi, varge pastojęs, nė vieno nerasi (Пока богат, имеешь друзей, попав в беду, ни одного не найдешь); Skolindamas - draugas, atiduodamas - priešas (Когда одалживаешь – друг, когда отдаешь – враг); Draugas tau mielas, kai jo vežimas cielas (Друг тебе мил, пока его возок цел); Su pilna kišene atsiremsi į draugo petį, o su tuščia į pakelės stulpą (С полным карманом опираешься на плечо друга, с пустым – на придорожный столб).

Однако в массиве русских паремий, иллюстрирующих данный СМ, четко просматриваются единицы со значением *дружба сильнее денег*: *Друг денег дороже; Друга на деньги не купишь; Доброе братство милее богатства.*

Национально–культурный СМ «дружба и молодость» отмечен в литовских паремиях, в них частотна мысль о дружбе как прерогативе молодости: *Dingsta jaunystė, slepias draugystė (Пропадает юность – прячется дружба); Jaunystė – draugystė, senatvė – vienatvė (Молодость – дружба, старость – одиночество).*

Внутри монома «вражда» нами выделены следующие СМ, широко представленные в русской и литовской паремике. **Реляционные** субмономы включают СМ «неприятные отношения», который обладает наибольшей номинативной плотностью в сравниваемых языках: *Не видишь – душа мрёт; увидишь – с души прёт; Мы с тобой, что рыба с водой: я на лёд, а ты под лёд; Шуту в дружбе не верят; Скотина чешется бок о бок, а люди врозь; Пеший конному не товарищ; Гусь свинье не товарищ; Глупый умного, а пьяница трезвого не любят; Сапог лаптю не брат; Две кошки в мешке дружбы не заведут; Aš jam kalną pyliau, jis man duobę kasė (Я ему гору насыпал, а он мне яму копал); Blogi draugai ir gerą išveda iš kelio (Плохие*

друзья и хорошего с пути сведут); *Blogas laukas daugiau duoda už geriausią draugą* (Плохое поле больше дает, чем лучший друг); *Draugas gali padaryti tai, ko nesugebės padaryti priešas* (Друг может сделать то, что не сумеет сделать враг).

Поведенческие СМ представлены субмоном «враждебное поведение»; выражающим признаки широкого спектра недружелюбных действий по отношению к другому человеку, к другу или врагу: *Друг другу терем ставит, а недруг недругу гроб ладит; Другу не дружи (не потворствуй), недругу не груби; Раздружится друг - хуже недруга; Atsargiau reikia su nepažįstamu kalbėti, o su priešu – geriau tylėti* (Осторожней надо говорить с незнакомцем, а с врагом лучше молчать); *Draugai parodo, o priešai ramoko* (Друзья показывают, а враги учат); *Iš priešakio - lapė, iš užpakalio - vilkas* (Спереди – лиса, сзади – волк).

СМ «опасность» является **результатирующим**, указывает на предостережение враждующим сторонам, показывая коварство, непредсказуемость враждебных взаимоотношений: *Враг силен, валяет и в синем (кафтани, т. е. богатого); Грозен враг за горами, а грозней за плечами; Не ставь недруга овцою, а ставь его волком; šimtas draugų – maža, vienas priešas – daug* (Сто друзей – мало, один враг – много); *Dėl ilgo liežuvio ne vienam dantys išgriuvo* (Из-за длинного языка не у одного зубы выпали); *Didžiausiu išdaviku gali būti tik artimiausias draugas* (Самым большим предателем может быть только ближайший друг).

В рамках данного субмона нами выделен особый **аксиологический** СМ, отражающий стереотипные представления о людях другой национальности, – «этническая вражда». Портрет инородца в фольклоре любого этноса, как правило, отрицательно маркирован, реже нейтрален из-за непохожести, чуждости. «Все фольклоры хорошо отзываются о своих, а насмехаются над представителями другого этноса и даже унижают их» (Anglickienė 2006: 243). Паремии, иллюстрирующие данный СМ, коннотативно маркированы: неодобрительно, презрительно называют

особенность, присущую людям определенной национальности, или с негативной окраской описывают отношения между представителями этносов.

Нами выделен значительный русский пласт паремий, противопоставляющих русских другим этносам, чаще всего образ русского оценивается положительно или завышенно положительно: *Русский вор лучше еврейского судьи; Русские с сошкой, а жидаы с ложкой; Что русскому здорово, то немцу смерть; Русский немцу задал перцу; Прусский гут (хорош), а русский гутее.*

В паремиях данной группы носители литовского языка также позиционируют себя выше других этносов: *Maskolį pereina lenkas, lenką žydas, žydą lietuvininkas, o velnias – juos visus* (Русского обходит поляк, поляка еврей, еврея литовец, а черт – их всех).

Литовские паремии, отражая негативное отношение к соседним этносам, несут в себе и иную семантику (в сравнении с русскими паремиями) – осуждения литовца или сочувствия ему из-за прессинга или влияния инородца: *Iš lietuvių išbėgęs, vokiečiams paskui šlubuoja* (Сбежав от литовцев, хромает за немцами); *Skundžiasi kaip lietuvis, vokiško bato paragavęs* (Жалуется как литовец, попробовавший немецкий ботинок); *Jei tu lietuvis, kodėl prie lenkiškos subinės šildais?* (Если ты литовец, почему греешься у польского зада?).

В фактическом материале большой пласт литовских паремий дает отрицательный образ еврея. Как известно, еврейское население в Литве было значительным (в царской России Литва входила в зону оседлости), однако евреи всегда воспринимались как чужаки: *Kas su barzda, tas yra žydas ir iš mūsų išvarytas* (Кто с бородой – тот еврей, из наших выгнан). Паремии характеризуют еврея как обманщика: *Cigonas apvogęs, o žydas apgaus* (Цыган украдет, а еврей обманет); как скупого человека, которому чуждо сострадание: *Su savo pasaka eik po žydo langu kugelio prašyt* (Со своей сказкой иди под окно к еврею кугель просить); как труса: *Ožka, boba ir žydas drąsiausi*

ant svieto (Коза, баба и еврей самые смелые на свете) или как чужака по вере: *Žydas, nors ir kažin kaip geras, bet vis velnią mislija* (Еврей вроде бы и хорош, но все про черта думает); *Geriau žydą užmušt, negu pėtnyčioje su pienu valgyt* (Лучше еврея убить, чем в пятницу есть с молоком). Если еврей крестился, он попадал в категорию своих. Литовцы, возвратившись домой после крещения ребенка, говаривали: «*Išvežėm žyduką – parvežėm kataliką* (Вывезли жидёнка – привезли католика)» (Anglickienė 2004: 43).

Таким образом, данный СМ ярко демонстрирует национально-культурные особенности, нашедшие закрепление в семантике паремий.

При определении ядерных средств выражения контраста в русских и литовских паремиях, относящихся к данной бинарной оппозиции, выделены разнообразные по семантике рекуррентные пары узуальных (языковых) антонимов. Как было отмечено выше, в антонимические отношения вступают прежде всего ключевые существительные: *Дружба от недружбы близко живет; Недруг поддакивает, а друг спорит; Daina draugus gimdo, daina priešus tildo* (Песня друзей рождает, песня врагов усмиряет); *Apsaugok nuo prieteliu, o neprietelius pats apsiginsiu* (Спаси (Бог) от приятелей, а от врагов сам смогу защититься).

В паремическом фонде также отмечены следующие антонимии:

– оппозиции качественных и субстантивных прилагательных: *Маленькая дружба лучше большой ссоры; Дальний путь, да ближний друг; Su pilna kišene atsiremsi į draugo petį, o su tuščia į pakelės stulpą* (С полным карманом опираешься на плечо друга, с пустым – на придорожный столб); *Artimas draugas už tolimą giminę geresnis* (Близкий друг лучше дальнего родственника); отмечена наиболее частотная для обоих языков оппозиция *новый - старый*: *Новых друзей наживай, а старых не утрачивай; Старый друг лучше новых двух; Одежда хороша новая, а друг – старый; Держись друга старого, а дома нового; Turėk viską naują, o draugą seną* (Имей все новое, а друга старого); *Dėl prieteliaus naujo neapleisk seno* (Ради приятеля нового не бросай старого); оппозиция *плохой - хороший* отмечена в паремиях

литовского языка: *Blogi draugai ir gerą išveda iš kelio* (Плохие друзья и хорошего с пути сведут); *Geras šuo geriau už blogą draugą* (Хороший пес лучше плохого друга); *Blogas laukas daugiau duoda už geriausią draugą* (Плохое поле больше дает, чем лучший друг); единичный пример оппозиции лексем *худой* (в значении *плохой*) - *хороший* отмечен в русской поговорке: *И худой Ермил, да богомил; а и хороший Влас, да подальше нас;*

– оппозиция глаголов со значением противоположного действия: *С собакой ляжешь – с блохами встанешь; Лучшие найдешь – забудешь; хуже найдешь – вспомнешь; Seną draugą prarasi, kito tokio nerasi* (Старого друга потеряешь, другого такого не найдешь); *Atsargiau reikia su nepažįstami kalbėti, o su priešu – geriau tylėti* (Осторожней надо говорить с незнакомцем, а с врагом лучше молчать);

– оппозиция конкретных и абстрактных имен существительных: *Дружно за мир стоять – войне не бывать; Дружба от недружбы близко живет; Jaunystė - draugystė, senatvė - vienatvė* (Молодость – дружба, старость – одиночество); *Iš priešakio - lapė, iš užpakalio - vilkas* (С лица – лиса, со спины – волк); *Ieškok draugo bėdoje, o laimėje pats atsiras* (Ищи друга в беде, а в счастье сам найдется);

– оппозиция наречий и наречных сочетаний: *Лучше найдешь – забудешь; хуже найдешь – вспомнешь; Скотина чешется бок о бок, а люди врознь; Atskirai gyventi – su broliais draugauti, drauge gyventi – su marčiomis rjautis* (Отдельно жить – с братьями дружить, вместе жить – со снохами браниться).

Ближнюю периферию контраста поговорок активно представляют следующие антонимии:

– лексем–гипонимов; названия живых существ как контрастные единицы представлены в единицах русского языка, единичный пример отмечен в литовской поговорке: *Подле чертёнка не выкормишь телёнка; Добрый конь не без седока, а честный человек не без друга; Не ставь недруга овцой, а ставь его волком; Višta ančiai - ne draugas* (Курица утке не

товарищ); в русских паремиях частотна оппозиция *собака – волк* как оппозиция лексем с положительной и отрицательной коннотацией *дружбы – вражды*: *Не житьё с волком и собаке; Кабы волк заодно с собакой, так бы человеку и житья не было*; названий частей тела, предметов одежды активно противопоставлены в русских паремиях: *Как друг по конец рук; Враг хочет голову снять, а бог и волоса не дает; Сапог лаптю не брат; Грозен враг за горами, а грозней за плечами; Душа на Великой (реке), а сердце на Волхове (реке же, по поводу братства Новгорода и Пскова в XIV веке)*;

– лексем с количественным (временным) значением – в фонде паремий русского языка: *Двое - не то, что один: подумаем, да и лошадь продадим (насмешка над требованием посоветоваться с другими); Друзей-то (приятелей) много, да друга нет; В поле пшеница годом родится, а добрый человек всегда пригодится; Не изведен – друг; а изведен – два; Две головни и в поле дымятся, а одна и в печи гаснет*; в литовском языке отмечен единичный пример интернациональной паремии: *Senas tavorščius geresnis už du naujus* (Старый друг лучше новых двух);

– лексем, связанных с христианством; в литовских паремиях частотны оппозиции *ангел - черт, ведьма, чертова баба*: *Duodamas - angelas, imdamas – velnias* (Даешь – ангел, берешь – черт); *Iš tolo angeliukas, iš arti velnio boba* (Издали ангелочек, вблизи – чертова баба); *Akyse kaip angelas, už akių kaip velnias, kaip raudona gyvatė* (В глаза как ангел, за глаза как черт, как красная змея); *Angelo balselis, raganos širdelė* (Голосок ангела, сердечко ведьмино); *Atvažiavo – angelas, išvažiavo – velnias* (Приехал – ангелок, уехал – черт); *Angelo sparneliai, bet velnio nageliai* (Крылышки ангела, а когти черта); среди рассматриваемых русских паремий данную антонимию репрезентирует одна: *Черт пону не товарищ*;

– лексем со значением *драгоценность, драгоценные металлы* (в литовском фонде): *Brolių meilė yra sidabras, o draugų – auksas* (Любовь брата – серебро, а друга – золото); *Geras prietelis vertesnis už žemčiūgą* (Хороший приятель дороже жемчуга); *Geras draugas brangesnis už auksą* (Хороший друг

дороже золота); *Išbandytas draugas už auską brangesnis* (Проверенный друг дороже золота).

Контекстуальные антонимы семантически разнообразны и широко представлены в обоих языках: *Не дорога гостьба, дорога дружба; Был я у друга, пил я воду слаще меду; Одному и пьяно, да не мило; с другом и хмельно, да умно; За что того любить, кто хочет сгубить; Ugnis su šiaudais ne draugai* (Огонь с соломой не друзья); *Aš jam kalną pyliu, jis man duobę kasė* (Я ему гору насыпал, а он мне яму копал); *Bėda į langą, draugai per duris* (Беда в окно, друзья в дверь); *Kunigai – ne draugai, ponai – ne tarnai* (Священники не друзья, господа не слуги); *Sėsim draugiškai, ėsim dešrą šuniškai* (Сядем по-дружески, съедим колбасу по-собачьи).

Дальняя периферия контраста в фонде русских паремий представлена антонимами, относящимися к разным частям речи: *С другом дружись, а сам не плошись*; отмечена оппозиционная пара *свой - чужой*: *Своих друзей наживай, а отцовских не теряй; С чужим не бранись, а со своими не вались*.

В фонде литовских паремий отмечена продуктивная оппозиция контрастирующих словосочетаний, часто с антитезой числительных *сто - один*: *Šimtas draugų – mažą, vienas priešas – daug* (Сто друзей – мало, сто врагов – много); *Geriau šimtas draugų negu vienas priešas* (Лучше сто друзей, чем один враг); *Šimtas draugų geriau kaip šimtas rublių* (Сто друзей лучше, чем сто рублей); приведем примеры других оппозиций: *Vienas geras draugas – didelis turtas, daug draugų – prapultis* (Один хороший друг – большое богатство, много друзей – пропадешь); *Geras draugas prie stikliuko, o kai bėda, tai nurūko* (Хороший друг за рюмочкой, а если беда – то пропал); *Geriau būti vienam, negu blogoj draugijoj* (Лучше быть одному, чем в плохой компании); единичный пример отмечен в русской паремии: *Не узнавай друга в три дня, узнай в три года*.

В русских паремиях частотно противопоставление словосочетаний с числительными *один* и *два*: *Два kota в одном мешке не улежатся; Два*

медведя в одной берлоге не улягутся; Две бараньи головы в один котел не лезут (что-нибудь да торчит); Двум шпагам в одних ножках не ужиться. В литовском фонде такая оппозиция не зафиксирована.

Крайняя периферия контраста, выраженная грамматическими оппозициями, широко представлена в фонде русских и литовских паремий: *Мы с тобою, что рыба с водою: ты ко дну, а я на берег; Мы с тобой, что рыба с водой: я на лёд, а ты под лёд; Не сошлись обычаем, не бывать дружбе; Грозен враг за горами, а грозней за плечами; Blogas laukas daugiau duoda už geriausią draugą (Плохое поле больше дает, чем лучший друг); Akyse draugas, o už akių – neprietelius (В глаза – друг, за глаза – враг).*

В русских паремиях отмечены продуктивные антонимичные структурные формы с грамматическим сходством компонентного состава: *существительное + существительное в творительном падеже с предлогом «с»*: *Как кошка с собакой (дружны); Не житьё и собаке с волком, а телёнку так и продоху нет; Овце с волками худо жить; Чешися конь с конём, вол с волком, а свинья с углом; существительное + существительное в форм дательного (винительного) падежа*: *Волк коню не товарищ; Ворон ворону глаза не выклюнет; Блоха блоху не ест; Гусь свинье не товарищ. Гусь козлу не товарищ (не брат).*

Сравнив русские и литовские паремии данной бинарной оппозиции, мы пришли к следующим выводам.

Бинарная оппозиция «дружба – вражда» обнаруживает высокую степень репрезентации в паремиях русского и литовского народа и демонстрирует сходство наивных картин мира.

Рассмотренный бином репрезентируется мономами «дружба» и «вражда», внутри первого монома нами выделены общие субмономы, а также национально-специфический для литовской лингвокультуры СМ «дружба и молодость». Среди русских паремий, иллюстрирующих СМ «дружба и богатство», четко просматриваются единицы со значением *дружба сильнее денег*. Внутри монома «вражда» в русских и литовских

паремиях выделены несколько общих СМ. Национально специфичен СМ «этническая вражда» с признаками стереотипного представления о людях другой национальности: в русских паремиях образ русского человека оценивается положительно, других этносов – отрицательно; в литовских паремиях отмечена семантика осуждения литовца или сочувствия ему, также выделен значительный пласт единиц антисемитского содержания.

Было установлено, что ядерные средства контраста в русских и литовских паремиях часто совпадают: оппозиции ключевых слов, качественных прилагательных, имен существительных и других единиц, характерных для выражения антонимии в паремике вообще; оппозиция *плохой - хороший* характерна для единиц литовского языка.

Выделены специфичные периферийные средства выражения контраста в семантике русских паремий – это оппозиция лексем–гипонимов, названий живых существ (наиболее продуктивна пара *собака – волк*); антонимия разных частей речи (отмечена оппозиционная пара *свой – чужой*); противопоставление словосочетаний с числительными *один – два*; лексем с количественным (временным) значением (в литовском языке отмечен единичный пример); лексем – названий частей тела и предметов одежды; антонимичные структурные формы с грамматическим сходством компонентного состава: *сущ. + сущ. в тв. надеже с предлогом С; сущ. + сущ. в форм дат. (вин.) надежа*.

В литовских паремиях отмечены следующие продуктивные средства выражения контраста: оппозиция числительных *сто – один*; лексем, связанных с христианством; лексем–антонимов со значением *драгоценность, драгоценные металлы*; оппозиция контрастирующих словосочетаний.

Общими для обеих лингвокультур являются следующие периферийные средства контраста – оппозиция контекстуальных антонимов, межчастеречная антонимия, а также антонимия грамматических форм.

2.7 Бином «щедрость – жадность»

Содержательный минимум антиномической оппозиции «щедрость – жадность» связан с лексическим значением эксплицирующих ее ключевых единиц. Основные репрезентанты лексемы *щедрость/dosnumas*: *щедрый, тороватый/dosnus, гостеприимный/svetingas, хлеб-соль* (нет литовского эквивалента), *милосердный/gailestingas, хлебосольный/vaišingas, расточительный/išlaidus*; репрезентанты лексемы *жадность – скупой, скупость, жадный, жадность/godas, godumas, gobšas, gobšumas*.

Человек, который может быть назван в русском социуме *щедрым*, — это тот, кто «охотно тратится на других, не скупой» (Ожегов 1982: 507), т.е. человек, с легкостью отдающий свое имущество другому и поэтому чаще всего ассоциирующийся с дарителем подарков. Для русской культуры щедрость является важнейшим понятием, поскольку даже сами русские люди осознают свою склонность к *щедрому поведению* обычной и традиционной чертой (Семенова 2009: 68). В обыденном сознании *щедрым* называют того, кто преподносит подарки. Православным человеком русская лексема *щедрость* воспринимается исключительно как семантически близкая к лексеме *милосердие*, связанной со свято чтимой в Православии заповедью «возлюби ближнего своего как самого себя» (Семенова 2009: 68). Именно поэтому «*Щедрый Богу угоден*» (русская пословица).

Лексему *жадный* В.И.Даль определяет как «ненасытный, падкий ... на пищу, на богатство» (Даль 2006, 1: 524). Словарь Д.Н.Ушакова отмечает также лексическое значение «скупой, корыстолюбивый» (Ушаков 2004: 232).

Антиномия «щедрость – жадность», представленная русскими и литовскими паремиями, вербализирует черты характера человека, связывая их прежде всего с нравственными и религиозными ценностями социума: *Тороватому бог дает, а у скупого черт таскает; Prakaituota ranka dosni, sausa - šykšti* (Потная рука щедра, сухая – скупа).

В силу специфики рассматриваемой антиномии, носящей ярко оценочный характер, выделяемые мономы выражают *квалитативные* СМ.

Внутри монома «щедрость» нами выделены следующие качественные СМ, в разной степени репрезентированные в русских и литовских поговорках:

– СМ «хлебосоливость» отражает умение и готовность оказать гостеприимство, при этом радушно и щедро угощать: *Что есть в печи, все на стол мечи; Ваше дело пить, а наше, что говорить (потчевать); Всем подноси, никого не обноси; доброму для добра, худому для худа; Без пирога именинника под стол сажают; Сколько ни думай, а лучшие хлеба-соли не придумаешь; Без соли, без хлеба худая беседа;* единицы, вербализирующие данный СМ, многочисленны в русской поговорке и связаны, как отмечалось выше, с особенностями национального менталитета;

– СМ «гостеприимность» отражает наличие / отсутствие свойства быть радушным хозяином: *Гость на гостя - хозяину радость; Гость гостит - не жистья смотрит (не осудит); Гости на двор, так и ворота на запор (чтобы не выпустить их); Гость не кость, за дверь не выкинешь; Для доброго гостя и хозяин поживится (добудет, чего нет); Желанный гость зову не ждет; Краюшка не велика, а гостя черт принесет - и последнюю унесет; Зови гостей меньше, так хлеба будет больше; Ateik belaukiamas – išeik bemylimas (Приходи неожиданным – уходи нелюбимым); Kai svečias ateina, ne laikas grindis šluoti (Когда приходит гость, не время мыть пол); Svečias pirmą dieną – auksas, antrą – sidabras, trečią – varis ir visai išvarys (Гость в первый день золото, во второй – серебро, на третий – гони и насовсем прогони);*

– СМ «милосердие» отражает разное отношение к оказанию помощи, проявлению снисхождения из сострадания, человеколюбия: *В окно подать - богу подать; Кто сырых напичкает, тот бога знает (или: того бог знает); Рука дающего не оскудевает; Отдал убогий нищему последний пятак, а сам от богатого ушел и так; Ne turtingas duoda, bet gailėstingas (Не богатый подает, а милосердный); Vargšus šelpia ne turtingi, bet gailėstingi (Несчастливым помогают не богатые, а сострадательные); Kas greit duoda, dvigubai duoda (Кто быстро дает, дает дважды);*

– СМ «расточительность» указывает на чрезмерную щедрость и неумение сохранить богатство: *Легко добыто, легко и прожито; Скупые умирают, а дети сундуки отпирают; Приход пономарский, а расход генеральский; Отец накопил, а сын раструсил; Išlaidus čėdija, kai neturi ko išleist* (Расточительный жалеет, что нечего истратить); *Išleisti visuomet lengviau kaip sudėti* (Растратить всегда легче, чем накопить).

Нами выделены национально–культурные субмономы (*квалитативные*), в состав которых в русском языке относим:

– СМ «ложная щедрость»; отражает показную, неискреннюю щедрость, репрезентируется незначительной по количеству группой русских паремий: *Богу жаль куря, а черт возьмет поросю; Щедр на слова, да скуп на дела; Вот тебе, боже, что нам негоже;*

– СМ «нежадность» связан с отличительной характеристикой русского национального характера – «нежадным» отношением к деньгам, «нестяжательством» (Степанов 2001: 565); русские паремии указывают на взаимосвязь материального достатка и готовности им поделиться: *Что беднее, то щедрее; Больше рад, чем запаслив; Кто широко живет, тот не запирает ворот; Кто тороват, тот не богат; Живота не копи, а душу не мори!; Не тем богат, что есть, а тем богат, чем поделиться рад; У щедрых хозяев куры по два яйца приносят.*

В литовском языке в данную группу включается *аксиологический* СМ «положительное качество»: *Jei nebūsi dosnus, nebūsi pagarbintas* (Если не будешь щедрым, не будешь уважаемым); *Vagystė nepraturtins, dosnumas nesuvargins* (Воровство не обогатит, щедрость не обеднит);

Рассмотрим моном «жадность», который в обеих лингвокультурах вербализирует обличительный характер называемого понятия: репрезентирует поведение, которое осуждается обществом, так как нарушает негласные законы и принципы христианского мировидения, в результате такого поведения человек обречен на одиночество и страдания.

Данный моном репрезентируют *квалитативные* и *результурующие* субмономы. Квалитативные:

– СМ «материальная жадность», отражает стремление обладать максимально возможным количеством материальных благ, желание создать (даже нечестным путем, в ущерб окружающим) комфортные условия для собственной жизни. Вербализирован в обоих языках: *Ложка узка, таскает по два куска, развести пошире, вытащит четыре; На чужое добро и глаза разгораются; Пусту бабу в рай, а она и корову за собой ведет; Godžiam ir abi pusės mažai* (Жадине и двух половинок мало); *Gobšas ir iš ožio nori pieno gauti* (Жадина и с козла хочет молока получить); *Juo daugiau turi, tuo daugiau nori* (Чем больше имеет, тем больше хочет); *Kušių neima, bet be dovanų neprisileidžia* (Взятки не берет, но без подарков не подпускает);

– СМ «пагубность»; отражает растлевающее влияние этого порока на человека: *Кто чужого желает, скоро свое утратит (свое потеряет); Много желать - добра не видать; Много хватать - свое потерять; Тяжело нагребешь - домой не донесешь; Хоть лопни брюшко, да не оставайся добро!; В провальную яму не напасешься хламу; Godas - šaknis viso pikto* (Жадность – корень всякого зла); *Kas kitam gaili, tas ir pats neturi* (Кто другому жалеет, тот и сам не имеет); *Gobšaus akys ir elgetos maišas vienu siūlu siūt* (Глаза жадины и мешок нищего одной ниткой сшиты); *Gobšo vargai – velnio džiaugsmas* (Беды жадины – радости черта); *Per gobšumą ir pats pražuvo* (От жадности и сам пропал); *Daug norėsi – mažai turėsi* (Много захочешь – мало получишь);

- СМ «жадность в еде»; связан с чревоугодием и частотно представлен паремиями: *Кабы у меня брюхо из семи овчин, все один бы съел; Как беззобая курица, все голоден; Сколько собаке ни хватать, а сытой не бывает; Яства много, коли брюха не жаль (да брюха жаль); Godžiam kąsnis pats į burną krinta* (Жадине кусок сам в рот падает); *Kad akys neregėtų, pilvas nenorėtų* (Если бы глаза не видели, живот бы не хотел);

– СМ «скупость»; отражает крайнюю степень жадности, нежелание потратить даже небольшое количество денег, экономию на всем: *Рад будешь, как долг забудешь; Скупой всегда нуждается; Охал дядя, на чужие деньги (достатки) глядя; Kas bagotas, tas ir godotas* (Кто богат, тот жаден); *Gobšus bėdavoja, kada ir vieną skatiką sunaudoja* (Жадина горюет, когда даже одну копейку истратит); *Dėk skatiką prie skatiko, sudėsi rublį* (Клади копейку к копеечке – сложишь рубль); *Mužiko skatikas ponams akis bado* (Мужичья копеечка господам глаза колет); *Atiduos skolą, kad akmuo žydės* (Отдаст долг, когда камень зацветет);

– СМ «зависть»; показывает чрезмерную жадность и следствие ее, в русских и литовских паремиях вербализирован наиболее активно: *Не столько смущает свой убыток, сколько чужой прибыль; Не то обида, что вино дорого, а то обида, что целовальник богатеет; Сосед спать не дает: хорошо живет; У людей и шило бреет, а у нас и ножи неймут; Pavyduolio turtuolio sunki mirtis* (У завистливого богача тяжелая смерть); *Geležį graužia rūdys, žmogų - pavydas* (Железо грызет ржавчина, человека – зависть); *Piktas verkia iš pavydo, o geras iš džiaugsmo* (Злой плачет от зависти, а хороший – от радости); *Su pavydu kišenės nepripilsi* (Завистью кармана не наполнишь).

В рамках данного монома в фактическом материале русского языка нами выделено два национально–культурных субмонома: СМ «безграничная жадность» вербализируется, согласно нашим наблюдениям, в русских паремиях достаточно широко, представляя жадность как мотивирующий фактор: *Жадному все мало; Глазы – ямы, а руки – грабли; Дай бог много, а захочется и побольше; Дай душе волю, захочет и боле; Есть много, а хочется больше; Наглому дай волю, он захочет и боле; Дай, кумушка, шец, да и хлебец-эт твой;*

– СМ «страдание» отражает страдание от собственной чрезмерной жадности, обрекающей человека на одиночество; частотно представлен русскими паремиями: *Собака на сене лежит, сама не ест и скотине не дает; Чур одному: не давать никому; Горе наше – гречневая каша; есть не*

хочется, а покинуть жаль; Горько есть, да жаль покинуть; Натолок в мешок, что и с места не сволок.

Таким образом, как свидетельствует фактический материал, в семантике русских и литовских паремий эксплицировано оценочное отношение к важнейшим человеческим качествам, что наиболее ярко выражает национальную специфику ментальности определенного этноса.

Обратимся к полю контраста. Охарактеризуем ядерные средства выражения контраста. Наиболее частотными в русских паремиях являются субстантивные имена прилагательные, в семантике которых присутствует качественный признак: *Тороватому бог дает, а у скупого черт таскает; За маленьким погнался – большое потерял*; среди рассмотренных и интернациональная паремия: *Piktas verkia iš pavydo, o geras iš džiaugsmo – Злой плачет от зависти, а добрый – от радости.*

Приведем примеры антонимии имен существительных: *Приход пономарский, а расход генеральский; Gimimas ar mirimas – tas pats pinigų išleidimas (Рождение или смерть – та же трата денег); Šykštus didžturtis yra biednesnis už ubagą (Скупой богач беднее нищего)*; имен прилагательных: *Щедр на слова, да скуп на дела; Сам сым, глаза голодны; Нежданный гость лучше жданных; Незванный гость легок, а званный тяжел; Разговоры большие, а хлеб-соль маленькие; Prakaituota ranka dosni, sausa – šykšti (Потная рука щедра, сухая – скупа)*; наречий: *Зови гостей меньше, так хлеба будет больше; Ближе живешь - уреживаешь; дальше живешь – учащиваешь; Daug norėsi – mažai turėsi (Много захочешь – мало получишь)*; глаголов – конверсивных антонимов, включенных в антонимическую парадигму на основании противоположной направленности их семантики (это явление широко представлено в рассмотренных русских паремиях): *Молча пришел, молча и ушел; Первым пришел, а последним ушел; Приехал – не здоровался, поехал – не простился; Принесло в дверь, вынесет в трубу; Ateik belaukiamas – išeik bemylimas (Приходи нежданным – уходи нелюбимым)*; причастий: *Дающая рука не отболит, берущая не отсохнет*

(только русский пример); местоимений: *Ваши* дело пить, а *наше* что говорить (потчевать); *Себя* изведу, а *тебя* дойму; *Kas kitam gaili, tas ir pats neturi* (Кто **другому** жалеет, тот и **сам** не имеет).

Контрастирующие элементы периферии поля контраста более разнообразно представлены в рассматриваемой группе паремий русского и литовского языков. В обоих языках активно создается контраст с использованием существительных, связанных с социальным статусом человека: *Кто господин* деньгам; а *кто слуга*; *Гости* как бы со двора, а *хозяин* запор на ворота; субстантивных прилагательных, характеризующих человека по различным признакам (черты характера и материальный достаток): *Убогого* одна нужда гнетет, *скупого* две (убожество и скупость); *Лишнего* пожелаешь – *последнее* потеряешь; *Ne turtingas duoda, bet gailestingas* (Не **богатый** подает, а **милосердный**); *Jei nebūsi dosnus, nebūsi pagarbintas* (Если не будешь **щедрым**, не будешь **уважаемым**); глаголов со значением противоположных действий: *Тяжело понес* - и *домой не донес*; *Где рады, там не учащай, а где не рады - век не бывай!*; *Juo daugiau turi, tuo daugiau nori* (Чем больше **имеет**, тем больше **хочет**).

В обоих языках отмечен пласт паремий, особенно значительный в русском языке, с контрастом, выраженным парой местоимений *кто - тот*: *Кто* много желает, *тот* и мало не выдает; *Кто* гостю рад, *тот* и собачку его кормит; *Кто* за хлеб-соль берет со странного, у *того* спорыньи в доме не будет; *Кто* поперхнетя, к *тому* спешный посол; *Кто* сидел на печи, *тот* уже не гость, а свой; *Кто* у нас обедает, *тот* нас и не ведает; *Кто* широко живет, *тот* не запирает ворот; *Кто* тороват, *тот* не богат; *Kas bagotas, tas ir godotas* (Кто богат, тот жаден); *Kas pinigūs mėgsta, tas tiesos nekenčia* (Кто любит деньги, тот правды не выносит); существительных – наименований частей тела: *Зоб* полон, а *глаза* голодны (да *глаза* полны); *Дай с ноготок*, запросит с *локоток*; *Душа* не примаёт, а *глаза* все больше просят; *Живота* не копи, а *душу* не мори! *Kad akys neregėtų, pilvas nenorėtų* (Если бы **глаза** не видели, **живот** бы не хотел); существительных,

обозначающих иные смежные для данного контекста понятия: *Погнался за крохою, да без ломтя остался*; *Vagystė nepraturtins, dosnumas nesuvargins* (Воровство не обогатит, щедрость не обеднит); *Kas pinigų mėgsta, tas tiesos nekenčia* (Кто любит деньги, тот правды не выносит); числительных, слов и словосочетаний с количественным значением: *Из одного меха две завойки выкраивает*; *Из одного два сделаешь - оба скоротаешь (или: оба бросишь)*; *Двух зайцев гонять - ни одного не поймать*; в рассмотренных русских паремиях преобладает противопоставление числительных *один – два*. Приведем примеры других оппозиций: *Не дал бог ста рублей, а пятьдесят не деньги*; *Дал бог много, а захочется больше*; *Gobšus Dievui žvakę, o velniui dvi* (Жадина Богу свечку, а черту две); *Vienam du daug, kitam dešimts mažai* (Одному два много, другому десять мало); *Dėk skatiką prie skatiko, sudėsi rublį* (Клади копейку к копеечке – сложишь рубль). Только в русских паремиях отмечена оппозиция наречий с временным значением: *Гость недолго гостит, да много видит* (единичный пример); существительных – названий живых существ: *Сытый волк смиреннее ненасытного человека*; *Собака на сене лежит, сама не ест и скотине не дает*; *Богу жаль куря, а черт возьмет порося*.

Только в русских паремиях широко представлена межчастеречная антонимическая пара *свой – чужой* со значением признака по принадлежности: *За свой хлеб хоть неумойкою садись*; *за чужой умоешься, помолиться, да и то подождешь*; *Кто чужого желает, скоро свое утратит*; *За чужим погонишься - свое потеряешь*; *Не столько смущает свой убыток, сколько чужой прибыль*; *По чужим карманам не ищи, свои стереги!*; *Свое доброе теряет, а чужого желает*; *На своих именинах пирога не съешь, не съешь и на чужих*; *На чужой обед надейся, а свой припасай*.

Приведем примеры использования других межчастеречных антонимов в русском фонде паремий: *И в гости не ездит, и к себе не зовет*; *Люди выпьют, как платком вытрут; а он выпьет, как огнем выжжет*; *У людей и шило бреет, а у нас и ножи неймут*; в рассмотренном массиве литовских

паремий такой способ выражения контраста не использован. Нами отмечен значительный пласт русских единиц с контрастирующим сочетанием слов: *Люди выпьют, как платком вытрут; а он выпьет, как огнем выжжет; У людей и шило бреет, а у нас и ножи неймут; Умел в гости звать, умеи и встречать (угощать); Горько есть, да жаль покинуть*; отмечен единичный пример литовской паремии *Gobšaus akys ir elgetos maišas vienu siūlu siūt* (Глаза жадины и мешок нищего одной ниткой сшиты).

Только в русских паремиях периферию контраста образуют грамматические оппозиции по степени сравнения: *Есть много, а хочется больше; Дай бог много, а захочется и побольше*; по падежной форме: *На двор зазывай, а со двора не спускай; Сам на лавку, а ноги (хвост) под лавку*. В обоих языках представлена оппозиция по форме глагола: *Кто сырых напимает, тот бога знает (или: того бог знает); Умел в гости звать, умеи и встречать; Зови гостей меньше, так хлеба будет больше; Dėk skatiką prie skatiko, sudėsi rublį* (Клади копейку к копеечке – сложишь рубль).

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить о том, что паремический фонд, выражающий антиномию «щедрость – жадность», представляет собой микросистему, органично входящую в пространство национальных картин мира. Проведенный сопоставительный анализ паремий выявил значительное сходство как на структурном, так и на семантическом уровнях.

Массив русских паремий данной оппозиции оказался значительно более богатым по количеству отобранных единиц. Национально-специфичные СМ «безграничная жадность», «страдание», (моном «жадность»), «хлебосольство», «ложная щедрость» «нежадность» (моном «щедрость») вербализируются только в русских паремиях. СМ «положительное качество» (моном «щедрость») репрезентирован только литовскими примерами.

Анализ паремий обнаружил широкие аналогии в моделях структурно-синтаксической организации антиномии. В качестве ядерных компонентов контраста продуктивны антонимические пары субстантивных имен прилагательных, других частей речи. Периферийными компонентами противопоставления являются контекстуальные антонимы: существительные (в том числе наименования частей тела или живых существ), числительные, субстантивные прилагательные со значением *черты характера и материальный достаток*, глаголы со значением противоположных действий, местоимения грамматической пары *кто – тот*, межчастеречные антонимы, контрастирующие сочетания слов, оппозиции глагольных форм. Специфичными для русских паремий являются антонимическая пара со значением признака по принадлежности: местоимение *свой* и прилагательное *чужой*, а также грамматические оппозиции степеней сравнения, падежных форм.

2.8 Бином «храбрость - трусость»

Данная семантическая оппозиция национально–культурно окрашена и широко представлена в русской и литовской лингвокультурах. В обоих языках нами выделены ключевые слова – репрезентанты оппозиции: положительно маркированная часть оппозиции: *храбрость*, смелость, отвага, мужество/*drąsa*, *parsumas*; смелый, отважный, храбрый, мужественный/*drąsus*, *narsus*. Отрицательно маркированная часть оппозиции: трусость/*bailumas*, страх/*baimė*, трус/*bailys*, трусливый/*bailus*. Ключевые лексемы–синонимы положительно маркированной части оппозиции вербализируют решительное, бесстрашное поведение человека. Так, семантику лексемы *храбрый* в своем толковом словаре В.И.Даль определяет следующим образом: «мужественный, смелый, отважный, неустрашимый среди боя, доблестный в воинстве» (Даль: 322).

Приведем примеры пословиц и поговорок вышеназванной оппозиции, имеющих бинарную структуру: *На смелого собака лает, а трусливого рвет;*

Смелому горох хлебать, а несмелому и щей не видать; *Drąsus nenugalės, bailus apkalbės* (Смелый не победит – трусливый оговорит); *Reikalas ir bailius drasuoliais padaro* (Нужда и трусов храбрцами делает); *Nebūk baikštus kaip avis, būk drąsus kaip kiaulė* (Не будь робким, как овца, быть храбрым, как свинья); *Drąsus miršta kartą, bailys kasdien* (Смелый умирает однажды, трус – ежедневно).

Среди исследованных единиц моном «храбрость» представлен следующими СМ – прежде всего это **квалитативными**:

– СМ «сомнительная храбрость»; для русского и литовского языкового сознания релевантным оказывается такой признак храбрости, как своевременность. В приведенных примерах отчетливо прослеживается ирония по отношению к храбрости, проявляемой в безопасном месте: *Хорошо медведя в окно дразнить!*; *Из-за угла хоть шапкой накрой*; *Все собаки сильны у себя во дворе*; *Храбр после рати, как залез на полати*; *Полно мертвым соколом ворон пугать*; *Из-за куста и ворона (и свинья) остра*; *Pelė ir katę pagauti galėtu, jei tik drąsos turėtu* (Мышка и кошку могла бы поймать, если б храброй была); *Drąsiai pelės bėginėja, kai katės namie nėra* (Смело мыши бегают, когда кота нет дома); *Ir gaidys savo kieme drąsus* (И петух на своем дворе смелый); *Drąsi ožka prie neguvo vilko* (Смелая овца рядом с мертвым волком); *Drąsi kaip varlė, kol gužo nemato* (Смела как лягушка, пока ужа не видит);

– СМ «показная храбрость» иллюстрирован группой паремий с признаками обманчивой, показной храбрости. Внешность вступает в противоречие с поступками и образом жизни человека, поэтому паремии, иллюстрирующие данный СМ, построены на антитезе: *Сердце соколье, а смелость воронья*; *Повадки волчьи, а душа заячья*; *Gudrus kaip avinas, drąsus kaip kiškis* (Хитрый как овца, смелый как заяц).

В структуре данного монома нами выделены также **поведенческие** и **аксиологические** СМ. К поведенческим мы относим СМ «смелость в поступках», который репрезентирует признаки эффективного решительного

поведения человека, данный СМ наиболее широко иллюстрируется русским и литовским фондом паремий: *Влез по пояс, полезай и по горло; Смелость силе (на силу) воевода; Смелый приступ не хуже (половина) победы; Не струшу, так отведу душу; Бой отвагу любит; Кто смел, тот и съел; Drąsiai bandyta yra pusė laimėta* (Смелая попытка – половина успеха); *Be drąsos vyras - kaip be kartumo pipiras* (Мужчина без храбрости как перец без горечи); *Drąsi davatka ir kleboną melstis moko* (Смелая ханжа и пастора учит молиться); *Kas drąsesnis, tas pirmesnis* (Кто смелее, тот быстрее); *Belskis drąsiau, atidarys greičiau* (Стучись смелее – откроет быстрее); *Geriau garbingai žūti, negu bailėj būti* (Лучше умереть достойно, чем быть трусом).

Аксиологический СМ «положительное качество» передает признак уважительного отношения к храбрости, которая дает человеку независимость, силу, ведет его к победе; представлен единицами обоих языков: *Смелым бог владеет, пьяным черт качает; У лихого жеребца косяк цел; Apie gerus darbus kalbėk drąsiai* (О хороших делах говори смело); *Drąsiam ir pasaulis priklauso* (Смелому и мир принадлежит); *Drąsiems ir Dievas padeda* (Смелому и Бог помогает); *Drąsus ir kantrus visuomet nugali* (Смелый и терпеливый всегда побеждают); *Be drąsos nėra daromi garsūs darbai* (Без храбрости не делаются великие дела); более поздняя по времени создания литовская поговорка *Narsus kaip raudonarmietis prie Stalingrado* (Смелый, как красноармеец у Сталинграда) используется для положительной характеристики, одобрения смелого поведения, поговорка связана с историческими реалиями соседнего народа (такая положительная маркированность паремии при характеристике соседнего этноса – явление редкое, это может быть объяснено резонансным значением Сталинградской битвы в истории Второй мировой войны).

В рамках рассматриваемого монома в русском языке выявлен национально–культурный СМ «бесшабашность», репрезентирующий признаки храбрости как эмоционального порыва, при этом человек ведет себя смело, потому что часто не осознаёт степени опасности. Среди

исследованного материала литовских паремий единиц, иллюстрирующих данный СМ, выявлено не было, при этом была выделена значительная группа русских паремий, что позволяет сделать вывод о бесшабашной, безрассудной храбрости как национальной черте, качестве, отражающем менталитет русского человека (сформулирован в популярной формуле–поговорке «Была не была»): *Валяй, не гляди, что будет впереди; Либо в стремя ногой, либо в пень головой; Не проиграв, не выиграешь; Либо пан, либо пал; Либо полковник, либо покойник; Смерть (Жизнь) - копейка, голова - наживное дело; Тонуть, так в море, а не в поганой луже; Поводился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить; Пасть, не пасть, - да уж в море, а что толку в лужу; Удалой долго не думает.*

Внутри монома «трусость» нами выделены следующие СМ, которые в разной степени представлены в русском и литовском фонде паремий:

– **результатирующий** СМ «страх, боязнь», репрезентирующий эмоции, возникающие в результате опасности и провоцирующие трусливое поведение; СМ иллюстрируется большим количеством русских и литовских паремий: *У страха глаза велики; У страха глаза, что плошки, а не видят ни крошки; На всяку беду страха не напасешься; Хуже, как боишься: лиха не минешь, а только надрожешься; Su baimė mažą laimė (В страхе мало счастья); Teisingai gyvenasi, be baimės numirsi (Будешь жить правильно, умрешь без страха); Ne iš meilės, o iš baimėsėjo ožka šokti su vilku (Не от любви, а от страха шла коза танцевать с волком); Iš baimės ir šuva ant stogo užlipa (От страха и пес на крышу залазит); Baimės akys didelės – интернациональная паремия *У страха глаза велики.**

Поведенческий СМ «трусливое поведение» не включает в себе явного оценочного характера, однако яркая образность паремичных единиц (сравнения, антитеза) эксплицирует в них своего рода народный приговор трусости. Данный СМ широко проиллюстрирован русскими и литовскими паремиями: *Волка бояться - и от белки бежать; Присмирел, что волк под рогатиной; Поджал хвост, что волк на псарне; Прячется (Хоронится)*

малый за старого, старый за малого; Подо мной ножки, как лучинки, хрустнули; У нашего Трошки задрожали ножки; Иному гром не гром, а страшен барабан; Bailumas ir kvailumas vienu taku vaikštinėja ir tą patį žmogų kabinėja (Трусость и глупость одним путем ходят и одного человека цепляют); *Bailus pelę sutiko, o vilką pamatė* (Трус встретил мышшь, а увидел волка); *Bailys kitus narsina, o patsai orą gadina* (Трусливый других подбадривает, а сам воздух портит); *Bailys kiškis, o ne vyras* (Трус – заяц, а не мужчина); *Gal kiškio brolis esi, kad taip baikštus?* (Может, ты брат зайцу, если такой трусливый?)

В состав национально–культурных субмономов в русском языке мы включаем СМ «допустимость», который репрезентирует признаки оправдания недостойного поведения в семантике небольшой группы русских паремий, указывающих на возможность оправдания человека, совершившего трусливый поступок, защиту его от осуждения окружающих: *Бег не честен, да здоров; Тут и о двух головах пропадешь (не выйдешь); Чем бояться чертей, так бойся людей; Лучше бояться, чем не бояться;* в литовском языке не выявлены единицы с данной семантикой. Можно предположить, что малочисленность этой группы русских паремий может быть связана с ментальностью русского человека – мягкостью характера, желанием понять другого человека, сочувствием, иногда со стремлением не осудить, а оправдать ближнего.

В литовском языке национально–культурным субмономом является СМ «последствия трусости». Он конкретизирует такие характеристики явления: признак отсутствия в социуме уважения к трусливому человеку и его поведению, семантика паремий данной группы связана с негативными последствиями трусливого поведения прежде всего для самого труса; СМ представлен единичным русским примером, значительно шире иллюстрирован литовскими примерами, часто показывающими конкретную бытовую ситуацию: *Что робеть, то хуже. Сробел – пропал; Kas nuo baimės bėga, tas į duobę įpuola* (Кто от страха бежит, тот в яму упадет); *Bailų žmogų ir*

karvė spardo (Трусливого человека и корова бодает); *Su bailiu ir kvailiu, tai tas pats* (С трусом то же самое, что с дураком); *Bailus šuo visada liesas* (Трусливый пес всегда тощий).

Используя принцип полевого структурирования, мы провели классификацию единиц оппозиции, в результате анализа выделены ядерные и периферийные средства выражения контраста. Ядро контраста в русских и литовских паремиях представлено парами узуальных антонимов – ключевых лексем семантической бинарной оппозиции «храбрость - трусость», выраженных субстантивными прилагательными: *На смелого собака лает, а трусливого рвет; Смелому горюх хлебать, а несмелому и щей не видать; Drąsus miršta kartą, bailys kasdien* (Смелый умирает однажды, трус – ежедневно); *Drąsus nenugalės, bailus apkalbės* (Смелый не победит – трусливый оговорит); *Ne baimė, bet drąsa viską laimi* (Не страх, а смелость все побеждает); *Petras narsus, bet ir Jonas nebailus* (Петр смелый, но и Йонас не труслив); наречий с широким спектром лексических значений: *Drąsiai kalba, bailiai triedžia* (Смело говорят, трусливо трещат (т.е. сплетничают); *Drąsus miršta kartą, bailys kasdien* (Смелый умирает однажды, трус – ежедневно). В поле контраста включаются также уточняющие оппозицию противопоставленные единицы (*однажды — ежедневно* и др.).

Только для русского фонда паремий характерна следующая антонимия: субстантивных прилагательных с качественным значением (отмечен единичный пример): *Прячется малый за старого, старый за малого*; отвлеченных существительных (отмечен единичный пример): *Либо смерть, либо живот*; лексем *Бог – черт*; данная оппозиция демонстрирует традиционно позитивное отношение русских к вере: *Смелым бог владеет, пьяным черт качает; Страшен черт, да милостив бог*.

Отмечена литовская паремия с оппозицией *глагол с отрицанием – глагол без отрицания*: *Nebūk baikštus kaip avis, būk drąsus kaip kiaulė* (Не будь робким, как овца, будь храбрым, как свинья).

Русские и литовские паремии объединяет сходство выражения ближней периферии контраста с помощью контекстуальных антонимов, представленных лексемами–согипонимами со следующими значениями: **наименования живых существ**: *Заяц от листа, а лягушка от зайца бежит*; *Собакой залаешь (на меня), а петухом не запоешь (не победишь)*; *Волка бояться - и от белки бежать*; *Конь запрягальщика, а запрягальщик коня боится*; *Nebūk baikštus kaip avis, būk drąsus kaip kiaulė* (Не будьте робкими, как овца, быть храбрым, как свинья); *Drąsi ožka prie neguvo vilko* (Смелая овца рядом с мертвым волком); *Bailys kiškis, o ne vyras* (Трус – заяц, а не мужчина); *Drąsi kaip varlė, kol gužo nemato* (Смела как лягушка, пока ужа не видит); *Narsi pelė būtu, kad katės nebijotų* (Смелой мышью была бы, если б кошки не боялась); лексемы с **количественным значением**: *Двух смертей не видать (не бывает), а одной не миновать* (один и два); *Семь бед - один ответ*; *Drąsus miršta kartą, bailys kasdien* (Смелый умирает раз, трус – каждый день); глаголы со значением действия или речи: *На смелого собака лает, а трусливого рвет*; *На грушу лезть - или грушу рвать, или платье драить*; *Bailus lapo išsigąsta, drąsus ir nuo vilko nebėga* (Трус листа боится, смелый и от волка не бежит); *Drąsiai kalba, bailiai triedžia* (Смело говорят, трусливо трещат (т.е. сплетничают)); *Drąsus nenugalės, bailus apkalbės* (Смелый не победит - трусливый оговорит).

Русский фонд паремий специфичен следующими оппозициями: лексем, номинирующих **части тела человека**: *Плохому по ушам, удалому по колена*; *Глаза страшат, а руки делают*; *Влез по горло, лезь и по ушам*; *Влез по пояс, полезай и по горло*; наименований **продуктов питания**: *Удастся - квас, а не удастся - кислы щи*; *Смелому горох хлебать, а несмелому и щей не видать*; лексем со значением **человек, человекоподобное существо**: *Либо полковник, либо покойник*; *Чем бояться чертей, так бойся людей*; лексем со значениями **вещество, материал, предмет**: *Укрепится человек - крепче камня, а ослабнет - слабее воды*; *Либо каши горшок, либо рогача (ухватом)*

в бок; лексем со значением *места*: *Тонуть, так в море, а не в поганой луже;*
Умирай в поле, да не в яме.

Дальняя периферия антонимии русских и литовских паремий, выражающих антиномию «храбрость - трусость», представлена в русском языке контрастами, выраженными лексемами, относящимися к разным частям речи: *Не проиграв, не выиграешь; Либо пан, либо пропал;* а также в обоих языках контрастирующими сочетаниями слов: *Сколько кувшину по воду ни ходить, когда-нибудь да голову сломить; Либо в стремя ногой, либо в пень головой; У страха глаза, что плошки, а не видят ни крошки; Отвага мед пьет и кандалы трет; Либо петля надвое, либо шея прочь; Ve drąsos vyras - kaip be kartumo pipiras* (Мужчина без храбрости как перец без горечи); *Geriau garbingai žūti, negu bailėj būti* (Лучше умереть достойно, чем быть трусом); *Gudrus kaip avinas, drąsus kaip kiškis* (Хитрый как овца, смелый как заяц).

Крайняя периферия контраста в рассмотренной группе паремий немногочисленна, в русских паремиях представлена глагольными грамматическими оппозициями: противопоставлением приставочных и бесприставочных компонентов: *Не робеем, а оробеем, так уйти поснеем; Не играть, так и не выиграть;* глаголов настоящего и будущего времени: *Не на то пьет казак, что есть, а на то, что будет;* в литовском языке – оппозицией *НЕ+глагол – глагол*: *Drąsus nenugalės, bailus apkalbės* (Смелый не победит - трусливый *оговорит*).

Сравнив русские и литовские паремии бинарной оппозиции «храбрость – трусость», мы пришли к следующим выводам.

Бинарная семантическая оппозиция, выражающая антиномию «храбрость – трусость», представлена объемным фондом русских и литовских паремий, так как относится к наиболее значимым для определения национального менталитета.

Национально маркированный СМ «бесшабашность» иллюстрирован русскими паремиями. Установлена литовская паремичная единица с

положительной характеристикой соседнего этноса по признаку смелости, что встречается редко в наивной картине мира.

Внутри монома «трусость» нами выделены ряд СМ, в разной степени представленных в русском и литовском фонде паремий.

СМ «допустимость» отражает русскую ментальность, представлен небольшой группой русских паремий, СМ «последствия трусости» шире представлен литовскими примерами, часто иллюстрирующими конкретную бытовую ситуацию.

Ядерные средства выражения контраста в русском фонде паремий более разнообразны, чем в литовском: они выражены оппозицией субстантивных прилагательных с качественным значением, отвлеченных существительных и лексем *Бог – черт*.

Выявлено сходство ядерных средств контраста русских и литовских паремий в оппозиции пар узуальных антонимов – ключевых лексем семантической бинарной оппозиции «храбрость – трусость», выраженных субстантивными прилагательными, а также наречиями с широким спектром лексических значений. Отмечена литовская паремия с оппозицией *глагол с отрицанием – глагол без отрицания*.

Русский фонд исследуемой бинарной оппозиции более разнообразен в ближней периферии контраста: только ему присуще противопоставление компонентов, номинирующих части тела человека и продукты питания, компонентов со значением *человек, человекоподобное существо, вещество, материал, предмет и место*.

В русских и литовских паремиях ближняя периферия контраста активно представлена контекстуальными антонимами – наименованиями живых существ и глаголами речи и действия. Средства крайней периферии немногочисленны: представлены в русских паремиях глагольными грамматическими оппозициями (противопоставлением приставочных и бесприставочных компонентов; глаголов настоящего и будущего времени); в литовских – оппозицией *НЕ+глагол – глагол*.

3.9 Бином «добро – зло»

Лексемы *добро* и *зло* связаны с антиномичными понятиями, имеющими большую аксиологическую ценность во всех мировых культурах и являющимися главнейшими в духовной и светской жизни общества, так как определяют на уровне этики и закона нормы поведения. По мнению философа Н.А. Бердяева, «возможность зла есть условие добра» (Бердяев 1993: 51). Размышляя о добре и зле, Е. А. Мокрушина утверждает: «Лежащие в их основе нравственные категории, будучи универсальными по своей природе, детерминируются культурно-исторически в рамках определенной языковой культуры» (Мокрушина 2008: 6).

Определяя семантические границы лексемы, обращаемся к толковому словарю В.И. Даля: добро - «в духовном значении благо, что честно и полезно, все, чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина; противоположно худу и злу» (Даль 2006, Т.1: 252). Более узкое лексическое значение лексемы отмечает словарь Ожегова: «Нечто положительное, хорошее, полезное, противоположное злу» (Ожегов 1982: 78).

Все противоречащее добру можно определить, как зло. По мнению Е. Н. Трубецкого, «Добро или Бог – одно и то же; а зло есть не что иное, как активное отрицание добра» (Трубецкой 1995: 311). Семантическую оппозицию добру составляет лексема *зло*, наиболее полно определенная в словаре В.И.Даля – «худое, лихое, худо, лихо; противополож. добро... Всякое зло противно божескому порядку. В отвлеченном виде, зло олицетворяется духом тьмы... (Даль 2006,Т. 2: 57).

Ключевые лексемы семантической оппозиции: *добро, добрый, / gerumas; geras – зло, злой, плохой, лихо, худо/ blogis, blogumas, blogas, piktas*. Среди литовских паремий выявлена группа, построенная на контрасте *сделал добро – получил зло*; данная семантическая оппозиция не выявлена в рассматриваемом русском фонде: *Jei kam gera padarei, klausk, kada jis tau blogo padarys* (Если кому добро сделал, спроси, когда он тебе сделает зло); *Už gera piktu moka* (За добро платят злом); *Daryk gerai, tai tau blogu užmokės*

(Сделай добро – так отплатят злом); *Kitam gera daryk, tai sau bloga pasidarysi* (Делай другому добро, сам себе зло сотворишь); *Už gerą širdį blogą žodį girdi* (За хорошее сердце плохие слова слышит); *Sau bloga nepadaręs kitam gera nepadarysi* (Себе зла не причинив, другому добра не сделаешь).

Литовские паремии семантической оппозиции «добро – зло» часто демонстрируют противоречивость, двойственность народного взгляда на добро и зло и представлены противоположными по семантике паремичными единицами, содержащими мировоззренческие и семантические противоречия (в результате в литовских паремиях прослеживается более тесная связь между составляющими антиномии понятиями): *Nedaryk blogam gera* (Не делай плохому добра) – *Daryk blogam gera* (Делай плохому добро); *Už gera – geru, už bloga – blogu* (За добро – добром, за зло – злом) – *Už gerą blogu visados apmokama* (За добро злом всегда платится); *Jei tu man padarei gera – ir aš tau gero, jei tu man bloga – ir aš tau blogo* (Ты мне добро – и я тебе добро, ты мне зло – и я тебе зло) – *Blogai tam, kuris nepadeda niekam* (Плохо тому, кто никому не помогает).

Анализируемый бином включает два монома: «добро» и «зло». Моном «добро» конкретизируют качественные, акциональные, результирующие, реляционные субмономы.

В состав **качественных** субмономов включаются

– СМ «добрый характер», квалифицирующий чувства и эмоции человека, основу которых составляют любовь ко всему живому, душевное расположение к людям, желание и готовность доставить им радость, принести пользу, оказать помощь; субмоном активно представлен в русских и литовских паремиях: *Сам с воробья, а сердце с кошку; Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу; Gerumas vertingesnis už grožį* (Доброта ценнее красоты); *Geros akys dūmų nesibijo* (Хорошие глаза дыма не боятся);

– СМ «добро – Бог»; данный субмоном подчеркивает, что доброта – это признак Бога, нематериальной сущности, силы, доброжелательно настроенной к человеку, содействующей человеческому счастью и

благополучию; в обеих культурах присутствует явная христианская мировоззренческая установка, именно христианство учит православных и католиков добру: *Богу приятно, а царю угодно; Болезному (или: Несчастному, т. е. наказанному преступнику) милость творить - с господом богом говорить; Доброму бог помогает; Добрым путем бог правит; Милостивому человеку и бог подает; Su gerumi - dangų, su piktumi – reklą* (С добром – на небесах, с гневом – в аду); *Kas su Dievu, ir Dievas su tuo* (Кто с Богом, с тем и Бог).

Акциональный субмоном «добрая деятельность» квалифицирует деятельность человека, направленную на создание добра; представлен наибольшим количеством единиц в обоих языках: *Всякое даяние благо; Делать добро спешу (или: поспешай); Добрый скорее дело сделает, чем сердитый; Плохо тому, кто добра не творит никому; Добра желаешь — добро и делай; Darydamas žmonėms ką gera, nelauk atsigeravimo* (Делая людям добро, не жди благодарности); *Gerumi daugiau padarysi negu piktumi* (Добром сделаешь больше, чем гневом); *Mokink gerumi, ne blogumi* (Обучай добром, а не злом).

Результирующий СМ «польза» репрезентирует в паремиях обоих языков мысль о добре как смысле жизни; человек живет, чтобы приносить людям добро: *Добро худо переможет; С добрым жить хорошо; Доброе дело два века живёт; Добрые дела и после смерти живут; Тёплое слово и в мороз согревает; Добро и во сне хорошо; На свете не без добрых людей; Жизнь дана на добрые дела; Šuns su akmeniū nepriversi nutilt, o gerumi ir pats nustos* (Пса камнем не заставишь замолчать, а добром и сам прекратит); *Gerumui ribų nėra* (У добра границ нет).

К национально-культурными субмонома относим **реляционный** СМ «добрые отношения», который репрезентирует поведенческий кодекс человека, широко представлен русскими паремиями: *Доброму добрая память; Всяк добр, да не до всякого; Добрым делом не кори; Сделав добро, не кайся.*

Национально–специфичен также результирующий субмоном «выгода», выделяемый нами в составе анализируемого монома в литовском языке. Данный СМ конкретизирует такие проявления добра, как расчетливость и корысть человека, направляющего свои добрые поступки на получение личной выгоды: *Su gerumi nuo žmogaus paskutines kelnes gali nuvilkti* (Добром с человека последние штаны можно снять); *Gerumu net velnią dirbti priversi* (Добром даже черта работать заставишь); *Gerumi ir patį velnią sujaudinsi* (Добром самого черта тронешь); *Su gerumi gali ir dūšią išimti* (Добром можешь и душу вынуть).

Анализ фактического материала показал, что моном «добро» значительно шире представлен русской паремикой. Ряд исследователей отмечали особое место «добра» в концептосфере носителя русского языка. Так, Н.О. Лосский утверждает, что поиски абсолютного добра искони свойственны русскому сознанию: «Русский человек обладает особенно чутким различением добра и зла; он зорко подмечает несовершенство всех наших поступков, нравов и учреждений, никогда не удовлетворяясь ими и не переставая искать совершенного добра» (Лосский 1992: 241).

Внутри монома «зло» нами выделены следующие субмономы, в разной степени представленные в русском и литовском фонде паремий. Самой широкой группой является группа **квалитативных** субмономов:

– СМ «злой характер» конкретизирует сущность обладателя такого качества, как «зло», причем в русской и в литовской лингвокультурах зло характеризуется как разрушительное состояние, отрицательно влияющее на личность, поступки и т. д.: *В кривом глазу и прямое криво; Во зле жить – по миру ходить; Злой не верит, что есть добрые люди; Злой человек не проживет в добре век; На сердитых воду возят; От черта крестом, от свиньи пестом, а от лихого человека – ничем; Тому тяжело, кто помнит зло; У кого желчь во рту, тому все горько; Бодливой корове бог рог не дает; Сера, что свинья, а зла, что змея; Где ногой ступит - трава не растет; Как душа черна, так и мылом не смоешь; Кабы ему песий хвост, так сам бы себе*

бока настегал; Сердце с перцем, душа с чесноком; У злой Натальи все люди каналы; Blogas įprotis pradžioje svetimas, paskui svečias, vėliau giminaitis ir, pagaliau, šeimininkas (Плохая привычка сначала чужая, потом гостя, позже родственница и наконец хозяйка); *Blogos ausys gero žodžio neklauso* (Плохие уши хорошего слова не слышат); *Blogai, kad kišenėj gyvatė šnypščia* (Плохо, когда в кармане змея шипит); *Piktos akys pikta mato, piktos ausys piktai girdi* (Злые глаза видят зло, злые уши зло слышат); *Geras žodis į blogas ausis neina* (Хорошее слово в плохие уши не идет); *Blogo žmogaus nė velnias neima* (Плохого человека и черт не берёт); *Jeigu blogas šuo, tai bloga ir jo uodega* (Если человек плох, то плох и его хвост); *Kiekvienas blogis turi ilgą uodegą* (У каждого зла длинный хвост); *Gyvulį parduosi, o blogą žmogų niekur nepadėsi* (Животное продашь, а плохого человека никуда не денешь); *Blogi žmonės niekuomet neišsiveisia* (Плохие люди никогда не меняются);

– СМ «зло – дьявол», указывающий, в отличие от структурно похожего СМ «Добро — Бог», на связь зла с негативной силой, нематериальной сущностью, враждебно настроенной к человеку, стремящейся причинить ему физические и душевные страдания или даже уничтожить; СМ связан с религиозными воззрениями народов: *Гнев – человеческое, а злопамятство – дьявольское; Гневаться – дело человеческое, а зло помнить – дьявольское; Он сатане в дядьки годится; Дьяволом подложен, бесом опушен; У него черт в подкладке, сатана в заплатке; Šuns balsas neparuls į dangų* (Собачий голос не попадет на небо); *Velnias angelu nevirs* (Черт ангелом не станет); *Neduok, Dieve, su gyvais velniais mištis* (Не дай, Господи, биться с живыми чертями); *Bloga procesija, kurioje velnias žvakę neša* (Плоха процессия, в которой черт свечку несёт); *Dievas ne taip greit prie gero, kaip velnias prie blogo* (Бог не так быстр в добре, как черт во зле).

Акциональные субмономы включают следующие:

– СМ «намерение причинения вреда» квалифицирует признаки сознательного причинения вреда кому-либо, когда зло творится или только задумывается; иллюстрируется большим количеством паремий: *Глядит,*

ровно семерых проглотил, осьмым поперхнулся; Замашка воловья – глядеть исподлобья; Назло да наперекор, да людям в укор; Он тебя и в ложке утопит; От лихого не услышишь доброго слова; Пожалел волк кобылу: покинул хвост да гриву; Сжалился волк над ягненком, покинул кости да кожу; Словно топор: не обрежет, так зашибет; Ką padarys pikto vienas blogas, to nepadarys šimtas gerų (Что сделает злого один плохой, того не сделает сотня хороших); Kas kitam kilpas spendžia, tas pats įkliūva (Кто другому петлю вяжет, сам попадетсся); Blogų darbų nereik mokinti (Плохим делам не надо учить); Niekas tiek žmogui blogo nepadaro, kiek pats sau pasidaro (Никто человеку не делает столько зла, сколько он сам делает);

– СМ «предостережение»; данный СМ репрезентирует признаки дидактизма, поучения, заключенные в семантике паремий: *Не бей в чужие ворота плетью; не ударили бы в твои дубиной; Зла за зло не воздавай; Не гляди на меня комом, гляди россыпью; Не дразни собаку, так не укусит; Не жалеяй того, кто скачет; жалеяй того, кто плачет; Arklio saugokis iš užpakalio, karvės iš priekio, o blogo žmogaus iš visų pusių (Коня бойся сзади, коровы спереди, а злого человека со всех сторон); Nelinkėk kitam blogo, nes račiam taip gali atsitikti (Не желай другому зла, и с тобой это может случиться); Nedaryk kitam blogo – ir tau atsitiks (Не делай другому зла – и тебе повезет); Padaryk dešimt kartų gerai, o vieną blogai – visi dešimt prapuola (Сделай десять раз хорошо, а один – плохо, все десять пропадут); Šimtą kartų verčiau būti pagoniu, o ne blogu kataliku (В сто раз лучше быть язычником, чем плохим католиком); Ne velnių, bet blogų žmonių bijokime (Бойтесь не чертей, а плохих людей).*

Используя принцип полевого структурирования, мы провели классификацию единиц оппозиции. В русской и литовской паремике продуктивны следующие ядерные способы выражения контраста, представленные парами узуальных антонимов: ключевыми лексемами: *Добро худо переможет; Доброго чти, а злого не жалеяй; Торопись на доброе дело, а худое само приснеет; Gėris nugalė blogį (Добро побеждает зло); Kur*

blogumas viešpatauja, ten gerumas baudžiamas (Где царит зло, там добро наказуемо); *Kas kitam gera daro, jam bloga užmoka* (Тому, кто другому делает добро, платят злом); качественными прилагательными, наречиями, глаголами с широким спектром значений: У сердитого губа **толще**, а брюхо **тоще** (или: тоньше); *Откуда вред, туда и нелюбовь*; *Geri darbai – sunku, blogi – lengva* (Добрые дела – тяжело, плохие – легко); *Ką geri myli, to blogi nekenčia* (Кто любит добро, тот ненавидит зло); *Gėrį pažįstam, kai palydim, o blogį – kai pasitinkam* (Добро узнаем, когда провожаем, а зло – когда встречаем).

Ближняя периферия поля контраста представлена противопоставлением общих для русских и литовских паремий контекстуальных антонимов, в роли которых выступают следующие лексемы–согипонимы:

– обозначающие живых существ: *Сам с воробья, а сердце с кошку*; *Geriau yra šuni erzinti nekaip piktą žmogų* (Лучше пса дразнить, чем злого человека); *Blogo žmogaus venk labiau negu žvėries* (Плохого человека бойся больше зверя); *Gyvulį parduosi, o blogą žmogų niekur nepadėsi* (Животное продашь, а плохого человека никуда не денешь); *Arklio saugokis iš užpakalio, karvės iš priekio, o blogo žmogaus iš visų pusių* (Коня бойся сзади, коровы спереди, а злого человека со всех сторон);

– компоненты, номинирующие части тела человека: *Калач в руки, а камень в зубы*; *Не все по затылку, ино и по головке*; *Vienas liežuvis gali daugiau blogo padaryti negu dvi rankos* (Один язык может больше сделать зла, чем две руки);

– лексемы с количественным значением – самые частотные единицы для противопоставления: *Сказали: бешеных всех перевешали; неправду сказали: одного не связали*; *Сколько милости, а вдвое лихости*; *Ты ему слово, а он тебе десять*; *Padaryk dešimt kartų gerai, o vieną blogai – visi dešimt prariuola* (Сделай десять раз хорошо, а один – плохо, все десять пропадут);

– лексемы со значением материал, вещество: *У каменного попа да железные просвиры*; *Šuns su akmeniu nepriversi nutilt, o gerumi ir pats nustos*

(Собаку **камнем** не заставишь замолчать, а **добром** и сам прекратит);

– контекстуальные антонимы с разнообразным спектром значений: *Гнев* – человеческое, а *злопамятство* – дьявольское; *Змея кусает не для сытости, а ради лихости; У часу гнев, у часу милость; Сердитого невзлюбили, а милостивого с кругу сбили;*); *Gerumi daugiau padarysi negi piktumi* (Добром сделаешь больше, чем гневом); *Su gerumi - dangų, su piktumi – pekla* (С добром – на небесах, с гневом – в аду);

– глаголы: *Судит* бог обидчика (грешника), а человек *прощает*; *Чем сердиться (или: браниться), так лучше помириться; Сердись не сердись, а лучше покорись; Добра желаешь — добро и делай; Глядит, ровно семерых проглотил, осьмым поперхнулся; Gerą su replėmis nepritrauksi, o piktas ir pats ateis* (Хорошего плоскогубцами не притянешь, а злой и сам придет);

– местоимения: *Тому* тяжело, *кто* помнит зло; *У кого* желчь во рту, *тому* все горько; *Kitam gera nedaryk - pats sau bloga pasidarysi* (Другому добра не делай – сам себе плохо сделаешь); *Kožnas gerą ant savęs, blogą nuo savęs* (Каждый добро к себе, а зло от себя); *Jei tu man padarei gera – ir aš tau gero, jei tu man bloga – ir aš tau blogo* (Ты мне добро – и я тебе добро, ты мне зло – и я тебе зло); *Kitiems geras, pats sau blogas* (Другим хорош – сам себе плох); *Kas kitam kilpas spendžia, tas pats įkliūva* (Кто другому петлю вяжет, тот сам попадет); *Atsiminus savo blogumą, žiūrėk į kitų gerumą* (Вспомнив о плохом в себе, смотри на добро в других).

Ближняя периферия поля контраста в русских поговорках богаче репрезентантами, например, отмечено противопоставление *Бог – человек* или *черт - человек*: *Судит бог обидчика (грешника), а человек прощает; Богу приятно, а царю угодно; От черта крестом, от свиньи пестом, а от лихого человека – ничем; Гнев - человеческое, а злопамятство – дьявольское;* наименования родственных отношений (единичный пример): *Родной ты отец – да только не своим деткам.* Зафиксированы лексемы, номинирующие продукты питания (единичный пример): *Доброму и сухарь на здоровье, а злему и мясное не впрок.*

Дальняя периферия, представленная межчастеречными антонимами, в данной группе паремий менее продуктивна: *От черта крестом, от свиньи пестом, а от лихого человека – ничем; О чужой голове биться - свою на кон ставить; Под чужую голову идти - наперед свою нести* (оппозиция *свой – чужой* отмечена как продуктивная во многих других семантических группах русских паремий).

Выделена группа русских и литовских паремий с оппозицией словосочетаний: *Не корми калачом, да не бей в спину кирпичом; С одного вола две шкуры дерет; Не с доброго умысла злы коренья копают; Ka padarys pikto vienas blogas, to nepadarys šimtas gerų* (Что сделает злого **один плохой**, того не сделает **сотня хороших**); *Vienas liežuvis gali daugiau blogo padaryti negu dvi rankos* (**Один язык** может больше сделать зла, чем **две руки**).

Крайняя периферия контраста в рассмотренной группе паремий немногочисленна, в русском фонде выявлены грамматические оппозиции приставочных глаголов (единичный пример): *За добро постоем, а на зло настоем*; падежной формы существительного с разными предлогами (единичный пример): *Сердита кобыла на воз, а прет его под гору и в гору*.

Общей для русских и литовских паремий является оппозиция разных форм глаголов по категориям вида, времени, наклонения: *Лихо помнится, а добро век не забудется; Kitam gera daryk, tai sau bloga pasidarysi* (Делай другому добро, сам себе зло **сотворишь**); *Nedaryk kitam blogo – ir tau atsitiks* (**Не делай** другому зла – и тебе **повезет**).

Сравнив русские и литовские паремии бинарной оппозиции «добро – зло», мы пришли к следующим выводам.

Ключевые лексемы *добро* и *зло* связаны с главнейшими в жизни общества антиномичными понятиями, имеющими большую аксиологическую ценность во всех мировых культурах, представлены в значительном пласте русских и литовских паремий. Среди литовских единиц выявлена группа, построенная на контрасте: *сделал добро – получил зло*;

данная семантическая оппозиция не выявлена в русском фонде. Литовские паремии вышеназванной семантической оппозиции часто демонстрируют противоречивость, двойственность народного взгляда на *добро* и *зло* и представлены противоположными по семантике паремиями.

Структура мономов «добро» и «зло» обнаруживает сходство, с точки зрения составляющих их субмономов. Моном «добро» обладает большей номинативной плотностью в русском языке, что обусловлено особым местом понятия *добра* в русской культуре. СМ «добрые отношения» более широко представлен единицами русского языка, СМ «выгода» вербализован только в литовских паремиях.

Внутри монома «зло» выделены сходные по структуре субмономы, в разной степени представленные русской и литовской паремикой.

Ядро контраста образуется парами узуальных антонимов (ключевые слова и т.д.). Ближняя периферия контраста продуктивно представлена лексемами–согипонимами: наименованиями живых существ, родственных отношений, противопоставлением *Бог – человек* или *черт – человек* (в русской паремике), компонентами, номинирующими части тела человека, продукты питания (единичный пример в русской паремии), лексемами с количественным значением (наиболее частотно), лексемами со значением «материал», «вещество». Дальняя периферия с противопоставлением лексем, относящихся к разным частям речи, мало продуктивна, при этом выделена характерная для русских паремий оппозиция *свой – чужой*. Оппозиция словосочетаний характерна для структуры русских и литовских паремий. Крайняя периферия контраста активнее представлена грамматическими оппозициями в русском фонде паремий.

3.10 Бином «правда – ложь»

Проблема вербализации и определения содержания понятий *истина*, *правда* и *ложь* издавна была в центре интересов российских и зарубежных исследователей – Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, В.В.

Знакова, М.И. Агиенко, Н.Н. Панченко, В.А. Лукина, Т.В. Топоровой, Д. Болинджера, Х. Вайнриха и др. Эти понятия отражают духовно-нравственную и морально-этическую составляющие языковой картины мира и духовной жизни личности.

В.И. Даль в своем толковом словаре отмечает некоторую разницу в семантике лексем *истина* и *правда*: *истина* – «противоположность лжи; все, что верно, подлинно, точно, справедливо... ныне слову этому отвечает и правда, хотя вернее будет понимать под словом правда: правдивость, справедливость, правосудие, правота» (Даль 2006, 2: 76). При толковании глагола *лгать* автор использует синонимический ряд: «лгать, лыгнуть, лыгать, врать, говорить или писать ложь, неправду, противное истине» (Даль 2006, 2: 204).

В современном языке отмечается четкая дифференциация между семантикой лексем: *истина* – «порядок вещей в мире, закономерность, закон»; *правда* – «частное суждение, главным образом о событиях и фактах» (Степанов 2001: 441). Слово *правда* более частотно в употреблении, а слово *истина* характерно для научных, религиозных и философских текстов. Этой же лексеме отдается предпочтение тогда, когда речь идет о человечестве, его идеалах и конечных целях. Проекция же Божественного мира на жизнь и речевую деятельность людей обозначается словом *правда* (Земскова, 2006: 78).

Обратимся к словарной дефиниции понятия *ложь*. Содержательный минимум лексемы – «намеренное искажение истины, неправда, обман» (Ожегов 1982: 159).

Ключевыми репрезентантами оппозиции являются лексемы *правда, истина/ tiesa, teisybė, praida*(дуал.) - *ложь, кривда, неправда/ neteisybė, melagystė лгать (врать)/ meloti, лгун (врун)/ melagis*.

Бинарная оппозиция *правда - ложь* актуализирует общечеловеческие ценности как в русских, так и в литовских поговорках, поэтому представлена значительным фондом единиц.

Внутри рассматриваемой оппозиции нами отмечены многочисленные паремии с противоположной семантикой, декларирующие противоположные жизненные позиции. У русской паремии *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь* существует менее популярная оппозиция: *Сладкая ложь лучше горькой правды*. Подобные компаративные паремии являются примером неоднозначности противопоставленных понятий, особенно применительно к каким-либо конкретным ситуациям.

Приведем примеры литовских паремий, сходных по структуре, но антиномичных по смыслу, по декларации этического характера: *Duona druską valgyk ir liežuvį valdyk* (Хлеб–соль ешь и язык придерживай) - *Duona druską ėsk, teisybę į akis režk* (Хлеб–соль ешь – правду в глаза режь); *Su tiesa toliau nueisi, kaip su melu* (С правдой дальше уйду, чем с ложью) - *Be melo nėra kelio, o su teisybe netoli tenueisi* (Без вранья нет дороги, а с правдой недалеко уйдешь); *Turtingo ir melas teisingas* (У богатого и ложь правдива) - *Teisybės pinigais neužklosi* (Правды деньгами не закроешь); *Tiesa už saulę šviesesnė* (Правда ярче солнца) - *Auksas už tiesą brangesnis* (Золото дороже правды).

В рамках рассматриваемого бинорма выделено два монома. Моном «правда» репрезентируют различные субмономы, наиболее широко представленной является группа **квалитативных** субмономов:

– СМ «истина»; данный СМ репрезентирует положительное значение жизни по правде, по справедливости и соотносит правду со светом и истиной: *Правда чище ясного солнца; Правда-свет разума; Правда прямо идет, а с нею не разминешься; Кто за правду горой, тот истый герой; Tiesa kaip saulė - delni neuždengsi* (Правда как солнце – ладонью не закроешь); *Kolei turime gryną sąžinę, tolei tiesos tums neduria į akis* (Пока имеем чистую совесть, правда не бьёт в глаза); *Devyni melo, vienas praudos žodis – tai jo ir teisybė* (Девять слов лжи, одно правды – в нем и истина); *Tiesa už saulę šviesesnė* (Правда ярче солнца); интернациональная паремия *Teisybė akis bado* - Правда глаза колет;

– СМ «жизненные трудности» репрезентирует трудности честного образа жизни, либо указывает на препятствия, стоящие на пути правды (например, деньги): *Правда свята, а мы люди грешные; Правдой жить – от людей отбыть, неправдою жить – Бога прогневить; Не всяку правду жена сказывай; Всяк правду любит, да не всяк ее скажет; Kieno kišenė ilgesnė, to ir teisybė didesnė* (Чей карман длиннее, того и правда больше); *Kada pinigai kalba, tada tiesa tyli* (Когда деньги говорят, тогда правда молчит); *Kunigo tiesa ant liežuvio, o jo dora kišenėje* (У священника правда на языке, а честность в кармане); *Kieno kumštis kietesnis, to ir tiesa* (Правда у того, у кого кулак крепче);

– СМ «опасность» репрезентирует мысль об опасности, нежелательности правды, о том, что ее не все хотят слышать, потому что правдивое поведение часто вредит человеку: *Правду погубишь, и сам с нею пропадешь; Правда, что ценная собака (прибавка: на кого спустят, в того и вцепится); Прямой, что шальной: так и ломит; Geriau pliką užrakalį parodyti, negu nedoram teisybę pasakyti* (Лучше голую задницу показать, чем злому правду сказать); *Teisybė neprietelius gimdo* (Правда рождает врагов); *Gink, Dieve, kvailu paitikėti, ponui tiesą į akis kalbėti* (Упаси, Боже, от того, чтобы верить дураку и пану правду в глаза говорить); *Glostyk šunį, bet ne prieš šerstį, kalbėk tiesą ponui, bet prieš mirtį* (Гладь собаку, но не против шерсти, говори пану правду, но перед смертью).

Экзистенциальные СМ представлены двумя субмонамами:

– СМ «необходимость» иллюстрируется небольшим фондом русских и литовских паремий: *Без правды не житье, а вытье; Без правды житье - вставши, да и за вытье; Teisybė kaip taukai visuomet ant virš* (Правда как жир – всегда всплывает); *Gudri kalba argauna, tiesi - ant kelio tikro išveda* (Умная речь обманывает, правдивая – на настоящую дорогу выводит); *Teisybės pinigais neužklosi* (Правды деньгами не закроешь);

– СМ «отсутствие (на земле)»: *Изжил век, а все правды нет; Правда прежде нас померла; Не плачь по правде, обживайся с кривдой; Столько*

правды, как в решете воды; *Pekla sudegė, velniai kojas sudaužė - teisybės nebėr ant svieto* (Ад выгорел, черти ноги сломали – нет правды на свете); *Meluot nemoku, teisybės nežinau* (Врать не умею, правды не знаю); *Dabar teisybę pasauly surasi, kai po žeme užsikasi* (Теперь в мире правду найдешь, когда в землю закопают (т.е. когда умрешь)); *Kas seniau buvo teisybė, šiandien - pasakos* (Что раньше было правдой, сегодня сказки).

Поведенческий СМ «норма поведения» эксплицирует признаки дидактизма, выражая прямые наставления человеку по организации своего поведения: *Или говори правду, или молчи; Хлеб-соль ешь, а правду режь; Доброе дело правду говорить смело; Meluoti niekuomet nemeluok, bet teisybę sakyk pagalvojęs* (Врать не ври, но правду говори, подумав); *Jei tiesos negali pasakyti, geriau nutylėk* (Если не можешь сказать правды, лучше промолчи).

Нами выделены национально-специфичные субмономы, проиллюстрированные русскими поговорками:

– качественный СМ «божественная правда», указывающий на признаки соблюдения религиозных норм: правда соотносится с Богом и рассматривается как высшее качество Божественного, поэтому Бог помогает тому, кто живет по правде, он неподкупный судья земных дел, носитель правды, хранитель справедливости в мире: *Не в силе Бог, а в правде; Бог на правду призрит; Кто правду хранит, того Бог наградит; Кто правды желает, тому Бог помогает; У Бога правда одна; Правда гневна, да богу мила; Правда груба, да богу любя; Правда свята, а мы люди грешные;*

– акциональный СМ «принуждение к правде» связан с историческими реалиями средневековой Руси, когда существовали пытки в застенках Разбойного, Земского приказов в Москве или же в Губных избах провинциальных городов; официально пытки в русских тюрьмах были отменены только в 1801 году Александром I, хотя под видом наказания практиковались и значительно позже; приведем примеры: *Не скажешь подлинную, так скажешь подноготную; В подлинной показал то-то, а в подноготной то и то; Кнут не дьявол, а правду сыщет; Кто правды не*

скажет, тот многих свяжет (напр., в допросах); *За ушко да и на солнышко; За хохол да на свет поволок.*

В литовском языке выделен национально-культурный квалитативный СМ «недейственность правды», репрезентирующий ситуации, когда правды бывает недостаточно: она однобока, ее мало, она существует не для всех: *Yra pasauly teisybė, bet kad akla* (В мире есть правда, но слепая); *Aklas kelio nemato, melagis teisybės* (Слепой дороги не видит, а лгун – правды); *Aklas pamatė, kurčias išgirdo, nebylys pasakė, o tu kaip tiesą kartoji* (Слепой увидел, глухой услышал, немой сказал, а ты как правду повторяешь).

Из фонда русских и литовских паремий, иллюстрирующих моном «ложь», нами выделены следующие субмономы, представленные в русских и литовских паремиях. **Квалитативные** субмономы:

– СМ «грех», репрезентирующий признаки христианской морали, данные паремии утверждают, что ложь, даже мысли о ней, греховны: *Кто украл - у того один грех; у кого украли - у того десять (т. е. от поклепу); Ему черт лыки дерет, и он лапти плетет* (т. е. врет); *Кто неправдою живет, того бог убьет; Melagystė – peklos vaikas* (Ложь – дитя ада); *Kas į burną - ne nuodėmė, kas iš burnos - tai nuodėmė* (Что в рот – не грех, что изо рта – то и грех); *Kiekviena netiesa – nuodėmė* (Каждая неправда – грех); *Bagotam vogti, senam meluoti yra didelė griekas* (Богатому воровать, старому врать – большой грех);

– СМ «недолговечность» указывает на недолговечность лжи, неправды, вранья: *Что лживо, то и гнило; Ложь не живуща; Ложь на тараканьих ножках, того гляди подломится; Вранью короткий срок; Melagio žvakė dega iki saulėlydžio* (Свеча лгуна горит до заката); *Melo trumpos kojos* (У лжи короткие ноги).

Аддитивный СМ «ложь и воровство» указывает на то, что ложь в сознании обоих народов четко ассоциируется с другим греховным поведением – воровством, ложь и воровство – два неблагоприятных занятия, осуждаемые социумом; данный СМ иллюстрирован наибольшим

количеством паремий: *Кто лжет, тот и крадет, Один лжет, другой подлыгает; Что ни двор, то вор; Тор, да ёр, да третий – вор; Врун, так и обманщик; обманщик, так и плут; плут, так и мошенник, а мошенник, так и вор; Sunku meluoti, dar sunkiau vogti* (Трудно врать, еще труднее воровать); *Kas meluoti moka, tas ir vogti sugeba* (Кто умеет лгать, тот и воровать может); *Kas melagis, tas ir vagis* (Кто лгун, тот и вор); *Melagio ir vagio liežuvis dvilinkas* (*У лгуна и вора язык раздвоенный (как у змеи)*); *Melagis ir vagis – tai abudu broliai* (Лгун и вор – оба брата); *Tėvas vagis, sūnus melagis* (Отец – вор, сын – лгун); *Nemažiau kaltas melagis už vagį* (Лгун не меньше виноват, чем вор); *Vagis vagiui nevierija melagis melagiui netiki* (Вор вору не доверяет, лгун лгуну не верит); *Meluoji kaip šuva, vagi kaip katinas* (Врет как пёс, крадет как кот).

Поведенческий СМ «лживое поведение» репрезентирует признаки поведения неискреннего человека, обладающего, как правило, такими негативными человеческими качествами, как лицемерие, хитрость, отсутствие совести: *Глазами плачет, а сердцем смеется; Не ищи правды в других, коли ее в тебе нет; Ласковый взгляд, да на сердце яд. Листом стелется, да укусит целится; Он лжет и не краснеет; Был бы прост, да привязан лисий хвост; В душу вьется, а в карман лезет; Račiai tiesos nesakyk, pono už brolių neturėk* (Жене правды не говори, пана братом не считай); *I akis taip, už akių – kitaip* (В глаза так, за глаза иначе); *Kada liežuvis meluoja, akys teisybę pasako* (Когда язык врет, глаза правду говорят); *Aklas kelio nemato, melagis teisybės* (Слепой дороги не видит, лгун – правды).

Наиболее широко представлен в паремике обоих языков **результатирующий** СМ «опасность лжи», выражающий признаки негативных последствий лжи в жизни человека, ложь наносит вред человеку и его окружению, за нее приходит неизбежная расплата: *Вчера солгал, а сегодня лгуном обзывают; Кто правды не скажет, тот многих свяжет; Молодому лгать вредно, а старому – непотребно; Вранье не споро: попутает скоро; Совесть – не помрешь, да впредь не поверят; Кто врет, тому бы бобра в рот; Кто врет, того бы под гнет; Ложью свет пройдешь, да назад не*

вернешься; Тому худа не отбыть, кто привык неправдой жить; И.М.Снегирев отмечает по этому поводу, что «всякая умышленная ложь есть обида не только для обманутых, но и оскорбление для всего человечества» (Снегирев 1997: 320); примеры литовских паремий, иллюстрирующих данный СМ: *Burna meluoja, sielą žudo* (Рот врёт, душа гибнет); *Melagio puodas visada juodas* (У лгуна горшок всегда черный); *Melagiui ir tiesą sakant niekas netiki* (Лгуну никто не верит, даже когда тот говорит правду); *Melagiui platūs vartai įeiti, bet siauri išeiti* (Лгуну войти – широкие ворота, но выйти – узкие); *Melagiu gimei, melagiu ir mirsi* (Лгуном родился, лгуном и умрёшь); *Gėda turtingam vogti, vedusiam merginėti, o senam meluoti* (Стыдно богатому красть, женатому волочиться, а старому лгать); *Gudrus juokais sakys, durnas už teisybę palaikys* (Умный скажет в шутку, глупый примет за правду); *Neik už liudininką kad nemoki meluoti* (Не иди в свидетели, если не умеешь лгать); *Gėdinti melagį, pajuokti kvailį ir ginčytis su moterimi yra tas pats, ką semti vandenį rėčiu* (Стыдить лгуна, смешить дурака и спорить с женщиной – то же самое, что черпать воду решетом); *Viens už juoką turės, kits į širdį įsidės* (Один за шутку примет, другой близко к сердцу).

Отдельно хотелось бы остановиться на экзистенциальном СМ «образ жизни», который находит различное выражение в семантике русских и литовских паремий. В русском языке ложь может быть представлена как реальность, часть жизни, без которой трудно прожить, ведь она может стать основой материального достатка: *Будет в поле рожь, будет и в людях ложь; Свет спокон веку неправдой стоит; Не солгать, так не продать; Что полукавишь, то и поживешь; Красно поле рожью, а речь ложью; Рыбалка да охота без похвальбы не живут.* И.М. Снегирев по этому поводу пишет: «Если и ведутся пословицы: *Люди ложь, да и мы тож*; также: *Люди неправдою живут, и нам не треснуть стать*, то более свойственные духу русскому насмешки над лжецами или составляют увертливые их извинения, нежели правила или черты характера русского народа, в коем только похвальба и сродное ему тщеславие могло произвести поговорку: *Красно*

поле рожью, а речь – ложью, – и подобные ей» (Снегирев 1997: 322). Значительный фонд русских паремий раскрывает распространение обмана в различных сферах жизни общества, среди представителей различных профессий и ремесел: *Мастеровой не худ, да в душе плут; Приказчик - грош в ящик, пятак за сапог; Нет воров супротив портных мастеров; Не то писарь, что хорошо пишет, а то, что хорошо подчищает; Барышник и сам себе без божбы не верит.* В отличие от русских паремий, литовские эксплицируют национальную специфику лжи, давая нелестную характеристику другим народам, живущим на территории Литвы: *Meluoja, kaip čigonas, giriasi, kaip lenkas* (Врёт как цыган, хвастается как поляк); *Cigonas apvogus, o žydus apgaus* (Цыган обворует, а еврей обманет); *Cigonas ir vogdamas teisinasi* (Цыган, и воруя, оправдывается); *Cigono amatas meluoti* (Ремесло цыгана – врать); *Šią gadynę pas žydą ir čigoną teisy bėrasi* (В наше время у еврея и цыгана правды не найдёшь);

Нами выделены национально специфичные субмономы, иллюстрированные только русскими паремиями:

– аксиологический СМ «легкость», который дает представление о различных типах лжецов, о том, с какой легкостью и даже лихостью они лгут: *Солгать, что облупленное яичко съесть; Лжет, как на чуночках (салазках) под гору катится; Врет, что блины печет: только шипит; Люди врут, навираются; наш врёт, не наврется; У людей вруны – заслушаешься, а у нас вруны — соскучишься; Врет, и глазом не смигнет; Так врёт, что ни себе, ни людям передышки не дает; Так врёт, что уши вянут; что в глазах зеленил; Стелет да мелет, врёт да плетет; Так врёт, что вынеси святых, да и сам уходи; Врать – не мякину жевать, не подавишься;*

– аддитивный СМ «ложь и бедность»; немногочисленные паремии, иллюстрирующие его, объясняют и даже оправдывают ложь и нечестность отсутствием материального достатка, нуждой, нищетой: *Бедность крадет, а нужда лжет; Не я лгу, мошна лжет; Нужда не ложь, а поставит на то жь* (т. е. заставит солгать).

В рамках рассматриваемого монома достаточно широко представлены паремии, построенные на приеме метафоры, что позволило нами выделить отдельный ассоциативный СМ «зоосемантический образ». Так, животные в русской традиции являются мерилем человеческих качеств: лгун, обманщик в русских паремиях сравнивается с лисой, гусем, волком, которые выступают как олицетворение хитрости, лживости, изворотливости: *Гусь лапчатый! Хорош гусь! Каков гусь! Ну и гусь!* В.М. Мокиенко считает, что подобные неодобрительные и иронические характеристики обманщиков и проходимцев ассоциативно связаны с фразеологической единицей *как с гуся вода* (Мокиенко 2004: 160). Лиса в литовских паремиях также ассоциируется с хитрой, лживой личностью, сравним сходство народных точек зрения: *Лиса врет, на свой хвост шлет, да оба изверились; Лиса семерых волков проведет; И лиса хитра, да шкуру ее продают; Darbšti kaip bitė, o gudri kaip lapė* (Работящая как пчела, а хитра как лиса); *Lapė gana gudri, bet beeidama pro ugnį uodegą nusvyła* (Лиса достаточно хитра, но, идя через огонь, обжигает хвост). Большая группа литовских паремий рассматриваемой семантической оппозиции сходна по структуре и построена на сравнении лисы с другими животными, в народном сознании не являющимися хитрыми или предприимчивыми, а олицетворяющими примитивно-агрессивную, изворотливую злую силу (пес, кабан, волк, змея, даже черт): *Į akis katė, už akių šuva* (В глаза кот, за глаза – пёс); *Akyse lapė, už akių šernas* (В глаза – лиса, за глаза – кабан); *Į akis lapė, už akių vilkas (šuo)* (В глаза – лиса, за глаза – волк (собака)); *Iš priešakio - lapė, iš užpakalio - vilkas* (Спереди – лиса, сзади – волк); *Akyse kaip lapė, už akių kaip gyvatė* (В глаза как лиса, за глаза как змея); *Meilinasi kaip laputė, o kanda kaip šuva* (Ласкается как лисичка, а кусает как пес); *Gera kaip lapė, o kanda kaip gyvatė* (Хороша как лиса, а кусает как змея); *Gudrus kaip lapė, slidus kaip ungurys* (Хитрый как лиса, скользкий как уж); *Akyse – lapė, už akių – velnias* (В глаза – лиса, за глаза – черт).

В роли обманщика в русском фонде паремий выступают и другие животные – волк, реже козёл, однако они не слишком удачны в своих

корыстных поступках, их коварный замысел легко разгадывают: *Кто веру имет, что волк овцу пасет?; Звал волк коз на пир, да за гостинцами не идут; Не лазил козел в городьбу, а шерсти клочок покинул.* В литовских паремиях неискренность поведения связана и с другими анималистическими образами (волк, лай собаки, жало змеи): *Prie akių šilkas, už akių – vilkas* (В глаза шелк, за глаза – волк); *Į akis avinėlis, už akių vilkas* (В глаза овечка, за глаза – волк); *Išmoko meluoti, kaip šuo loti* (Выучился лгать, как пес лаять); *Melagio liežuvis dviem galais* (У лгуна язык раздвоенный (т.е. как у змеи)).

Мы выделили ядерные средства выражения контраста. К ним относим узуальные антонимы, которые создают устойчивые рекуррентные пары, это прежде всего оппозиция ключевых лексем биннома: *Не плачь по правде, обживайся с кривдой; Умная ложь лучше глупой правды; В правде Бог помогает, в неправде запинаят (карает); Geriau su teisybe laimēt priešininką, nekair su melu draugą* (Лучше **правдой** победить врага, чем **ложью** друга); *Melagystė eina tiesiau, o teisybė – užklunėmis* (**Ложь** идет прямо, а **правда** – задворками); *Melui šnekant, teisybė patylomis ašaras laisto* (Когда говорит **ложь**, **правда** тихонько слезами обливается).

К ядру антонимии нами отнесены также другие репрезентативные средства выражения контраста: абсолютные антонимы с разнообразными значениями компонентов (размер, цвет, возраст, качество и т. д.). Приведем примеры антонимии разнообразных качественных признаков: *Маленькая ложь за собою большую ведет; Он из белого сделает черное; Молодому лгать вредно, а старому – не нужно; Ir tiesi lazda vandeny kreiva* (И **прямая** палка в воде **кривая**); *Melagiui platūs vartai įeiti, bet siauri išeiti* (Лгуну войти – **широкие** ворота, но выйти – **узкие**).

В паремиях рассматриваемой оппозиции в антонимические отношения часто вступают глаголы со значением действия: *Неправда светом началась, светом и кончится; Глазами плачет, а сердцем смеется; Kada pinigai kalba, tada tiesa tyli* (Когда деньги **говорят**, тогда **правда молчит**); *Melagiui gimei, melagiui ir mirsi* (Лгуном **родился**, лгуном и **умрешь**); а также наречия

разных смысловых групп: *Вчера солгал, а сегодня* лгуном обзывают; *Kas daug plepa, mažą tiesos tepasako* (Кто **много** болтает, **мало** правды говорит); лексемы *Бог – черт* (дьявол) — в русских поговорках: *Сказал бы богу правду, да черта боюсь; От Бога дождь, от дьявола ложь.*

В русских поговорках отмечены два случая употребления однокоренных антонимов с добавлением ко второму частицы НЕ по данной схеме: *слово — частица НЕ + слово: Пей за столом, не пей за столбом; Всяк про правду трубит, да не всяк правду любит.*

К периферийным средствам выражения контраста относим контекстуальные (окаzionaliальные) антонимы в поговорках обоих языков, весьма разнообразные по спектру лексических значений и по типам контрастирующих компонентов: *Без правды не житье, а вытье; Правда гневна, да богу мила* Пословица *груба, да в ней правда любя; У людей вруны – заслушаешься, а у нас вруны – соскучишься; Стыдно сказать, а грех утаить; Вранье не спорю: попутает скоро; Где нельзя перескочить, там можно перелезть; Kas seniau buvo teisybė, šiandien – pasakos* (Что раньше было правдой, сегодня сказки); *Gudri kalba argauna, tiesi - ant kelio tikro išveda* (**Хитрая** речь обманывает, **правдивая** – на настоящую дорогу выводит).

Частотны противопоставления в литовских поговорках названий живых существ, с положительной коннотацией – пчела, овечка, с отрицательной – лиса, волк: *Iš priešakio - lapė, iš užpakalio - vilkas* (Спереди – **лиса**, сзади – **волк**); *Į akis avinėlis, už akių vilkas* (В глаза **овечка**, за глаза – **волк**).

В обоих языках противопоставляются названия частей тела, которые антонимичны лексемам с другой семантикой: *Не верь своим очам, верь моим речам!*; *Kada liežuvis meluoja, akys teisybę pasako* (Когда **язык** врет, **глаза** правду говорят); *Kunigo tiesa ant liežuvio, o jo dora kišenėje* (**У священника правда на языке, а честность в кармане**). В русских поговорках отмечен контраст лексем с числовым, количественным значением: *Кто украл - у того один грех; у кого украли - у того десять* (т. е. от поклёпу); *Раз солгал, а век*

веры не имут; а также контраст наименований денежных единиц: *Приходил на дня мужичок менять на грош пяточков; Ой-ой, гуляю - грош меняю, алтын сдачи беру; С алтыном под полтину подъезжает.*

Дальняя периферия поля контраста наиболее активно репрезентирована литовскими паремиями, отмечен единичный русский пример: *Правда свята, а мы люди грешные; Neteisybės pilnas pasaulis, o teisybės reikia su žiburiu ieškoti* (Неправды **полон мир**, а правду надо **искать с фонарем**); *Teisybė be kepurės, o neteisybė karietoj važiuoja* (Правда **без шапки**, а неправда **в карете ездит**); *Люди схвастант — иглы не подточишь* (или: *не подобьешь*), *а он соврет — целое бревно подсунешь; Melagis duris atidaro, bet akis uždaro* (Лгун **двери открывает**, но **глаза закрывает**).

Отмечена межчастеречная оппозиция в русских примерах: *Сказать не велят, утаить нельзя; Ложь бывает и спроста, а клевете – всегда с умыслом.*

В рассмотренных русских и литовских паремиях выявлены грамматические оппозиции, которые нами отнесены к крайней периферии: оппозиция падежных форм имени существительного: *В глаза ласкает, а за глаза лает; На языке медок, под языком ледок; Prie akių šilkas, už akių – vilkas* (Перед **глазами шелк**, за **глазами – волк**); *Kas į burną - ne nuodėmė, kas iš burnos - tai nuodėmė* (Что **в рот – не грех**, что **изо рта – то и грех**); *Į akis lapė, už akių vilkas (šuo)* (**В глаза – лиса**, за **глаза – волк (собака)**); оппозиция глагольных форм (единичный русский пример): *Правда есть, так правда и будет*; оппозиция по степени сравнения (единичный литовский пример): *Sunku meluoti, dar sunkiau vogti* (**Трудно врать**, еще **труднее воровать**).

Остальные группы периферийной антонимии в паремиях, иллюстрирующих семантическую оппозицию «правда – ложь», не выявлены.

В результате проведенного анализа данной бинарной оппозиции мы пришли к следующим выводам. В рамках монома «правда» нами определены

многочисленные общие для лингвокультур субмономы, а также выявлены субмономы, иллюстрированные только русскими паремиями: «божественная правда» и «принуждение к правде», связанный с историческими реалиями средневековой Руси. Выявлена группа литовских паремий, репрезентирующих СМ «недейственность правды».

По-разному иллюстрирован русской и литовской лингвокультурами СМ «образ жизни» (моном «ложь»), связанный в русских паремиях с распространением обмана в профессиональной сфере, литовские же паремии отражают в большей степени специфику лжи с точки зрения определенного этноса.

Рассмотренный фонд паремий русского и литовского языка свидетельствует о близости наивных картин мира, сохраняющих при этом особенные, национальные, черты менталитета. Ядро антонимии в обоих языках активно представлено узуальными антонимами – ключевыми лексемами биннома, а также рекуррентными парами качественных прилагательных, глаголов действия и наречий. В русских паремиях отмечены два случая антонимии по схеме: *слово – частица НЕ + слово*.

Контекстуальные (оказиональные) антонимы, образующие ближнюю периферию, многочисленны и разнообразны в паремиях обоих языков. Ближняя периферия антонимии литовских паремий часто создается противопоставлением лексем – названий живых существ. В паремиях обоих языков частотно противопоставление лексем – названий частей тела, в русских единицах – лексем с количественным, числовым значением, лексем – наименований денежных единиц. Дальняя периферия антонимии в литовских паремиях широко представлена контрастирующими сочетаниями слов. Отмечена межчастеречная оппозиция в русских примерах. Крайняя периферия в паремиях обоих языков представлена оппозицией падежных форм имени существительного, в русском фонде отмечены единичные примеры оппозиции глагольных форм и оппозиции по степени сравнения.

3.11 Бином «трезвость - пьянство»

В центре внимания нашего исследования – существенная часть обширной области материальной культуры человечества, связанной с употреблением алкоголя, и ее вербализация в малых жанрах фольклора – пословицах и поговорках.

Литовский этнолог Ангеле Вишняускайте отмечает, что в средние века «употребление алкоголя как составляющая обряда, один из основных его элементов, не было пьянством...такое ритуальное питье для человека или сообщества имело важнее значение для символической актуализации значительного события (Vyšniauskaitė 1989: 112). Однако в начале XIX века употребление алкоголя литовскими крестьянами «из праздника перешло в быт» (Там же: 117). В русской культуре употребление алкогольных напитков (пива и позже водки, примерно до XV века называемой хлебным вином) было обязательной частью праздничных застолий. В разное время алкоголь был лекарством или своеобразной национальной валютой, которой расплачивались вместо наличных денег за различные мелкие услуги.

Семантический минимум оппозиции определен в толковом словаре В.И.Даля, автор дает следующее толкование лексемы *трезвый*: «трезвеный, тверезый, читый, непьяный, нехмельной; | вообще воздержный в напитках, непьющий и неупивающийся», к лексеме *пьяница* подбирает ряд синонимов – «пьянюга, пьянюжка, пьянчуга, пьюша, винопийца, пропойца».

Ключевыми репрезентантами данной оппозиции в паремиях русского и литовского языков являются лексемы *трезвый/blaivus*, *трезвость/ blaivystė* - *пьяный / girtas*, *пьянство / girtybė*, *пьянствовать / girtuokliauti*, *пьяница / girtuoklis*.

Особо следует отметить асимметричность структуры анализируемого бинома, поскольку моном «трезвость» обладает меньшей номинативной плотностью и выражен незначительным фондом паремий русского и литовского языков, в отличие от монома «пьянство», который подробно квалифицирован в обеих лингвокультурах.

Внутри монома «трезвость» нами выделены следующие два СМ: **аксиологический** СМ «позитивное отношение», указывающий на трезвость как положительное человеческое качество, позволяющее сохранить свое человеческое достоинство и налаживать добрые взаимоотношения с окружающими; данный СМ широко представлен русскими поговорками, в литовской поговорке найден единичный пример: *Лучше пряничать (быть сластоежкой), чем бражничать; Не пьет, а с добрыми людьми знается; Душа дороже ковша; Пей воду, вода не смутит ума; Вода не замутит живота; Blaivybė – tautos gyvybė* (Трезвость – жизнь народа); **экзистенциальный** СМ «сложности трезвой жизни», репрезентирующий отсутствие взаимопонимания у непьющего человека в окружении людей пьющих; литовская поговорка активно иллюстрирует данный СМ, в рассматриваемом материале найден единичный пример русской поговорки: *Хмель в компанию принимает, а непьющего никто не знает; Blaivus tarp girtų kaip žąsinas tarp kiaulių* (Трезвый среди пьяных как гусак среди свиней); *Liežuvio sauso nieks neklauso* (Сухого языка никто не слышит); *Blaivus nepritinka prie girtų* (Трезвый не годен для пьяных); *Anykščių parakvijoje blaivystė žydėjo, pakol gerą kunigą turėjo* (В Аникщайском приходе трезвость цвела, пока был хороший священник).

Моном «пьянство» представлен значительно большим количеством и семантическим разнообразием единиц. Видимо, это связано со значительным резонансом данной проблемы в разных сферах личной и общественной жизни. «Во все времена пьянство было весьма болезненной проблемой, поскольку употребление алкоголя – одна из самых старых привычек общества – стало причиной несчастий, материального и духовного падения человека» (Kašėtienė 2011: 112).

Внутри монома нами выделены следующие СМ, широко представленные в русских и литовских поговорках. **Поведенческие** субмономы:

– СМ «женское пьянство». В исследованных паремиях не были отмечены единицы, подчеркивающие гендерный признак мужского пьянства, однако в русском и литовском языках значителен пласт паремий о женском пьянстве, которое в народном сознании выглядит гораздо более отвратительным: *Бредет Татьяна недобре пьяна; Испила кума бражки, да и хватилась рубашки; Не дело пьяной бабе коров доить; Нет такого зелья, как жена (баба) с похмелья; Пьяная баба свиньям прибавя; Муж пьет - полдома горит; жена пьет - весь дом горит; Kiaulė kūda, boba girta ir žydai ubagas - tai netinkami dalykai* (Тошная свинья, пьяная баба и нищий еврей – это непотребные вещи); *Girta moteris ir už velnią bjauresnė* (Пьяная женщина страшнее дьявола); *Ar girta boba, ar velnias – tas pats* (Пьяная баба или черт – одно и то же); *Girtas vyras – kvailybė, girta boba – baisybė* (Пьяный мужчина – дурачество, пьяная баба – ужас); *Merga girta ar katė pasiutus – lygi* (Девка пьяная или кошка бешеная – одно и то же);

– СМ «пьяное поведение» репрезентирует признаки неадекватного, агрессивного поведения пьяницы: *В ковшичке не стало, к ретиву сердцу пристало; Где ни напьется, тут и подерется; Как не уймется от питья, не уйдет от битья; Мужик год не пьет, два не пьет, а бес прорвет – все пропьет; Напьется, так с царями дерется, а проспится, так и курицы боится; Kai girtas pažada, velnias juokiasi* (Когда пьяный обещает, черт смеется); *Girto pažadai tik kvailį džiugina* (Обещания пьяного только дурака радуют); *Girtuoklis karčemoj ponas, namie šėtonas* (Пьяница в корчме господин, а дома сатана); *Bučiuodamas stikliuką, prarasi arkliuką* (Целуя рюмочку, потеряешь коня); *Geriau tėvą užmušti, nekaip čerką išpilti* (Лучше отца убить, чем чарку вылить); *Piktas girtas kaip raganos pirštas* (Злой пьяница как ведьмин палец) – в одном из объяснений семантики данной паремии сказано: «Высказывание основано на убеждении, что один палец ведьмы, волшебницы женского рода, содержит в себе столько злой силы, сколько есть в пьянице» (Jasiūnaitė 2010: 211);

– СМ «обычность пьянства» указывает на пьянство как привычную реалию, это некая норма существования, которую не оценивают с точки зрения морали, а принимают как факт, поведение пьяницы также оценивается как обыденное, привычное: *Муж пьяница, да жена красавица – все хорошо!; Не пригож, да во хмелю угож; Не богатый пиво варит, тороватый; В кабаке родился, в вине крестился; Пить пей, только дело разумей; На радости выпить, а горе запить; Тут, иди молотить горох! - Брюхо болит.- Тут, иди вино пить! - Бабенка, подай шубенку!;* варианты интернациональной пословицы - *Girtas kalba, ką blaivus mano* (Пьяный говорит то, что трезвый думает); *Kas negirtam galvoje, tas girtam ant liežuvio* (Что у трезвого в голове, то у пьяного на языке); *Girtas išplepėjo, ką blaivus paslėpt norėjo* (Пьяный выболтал то, что трезвый спрятать хотел); *Girtas plepėjo, ką blaivus galvoj turėjo* (Пьяный болтал то, что у трезвого было в голове); *Girtuoklis norėtų, kad upės ariėlka tekėtų* (Пьяница хотел бы, чтобы текли реки горилки); *Degtinę tegul geria velniai, o mes gersim alų* (Водку пусть пьют черти, а мы будем пить пиво).

Аддитивные субмономы включают:

– СМ «пьянство и семья», подчеркивающий, что пьяница обрекает свою семью на страдания, несет разлад в семейные отношения: *Сам пьян, а дети голодны; Иван пьян гуляет, а Марья с голоду помирает; У нашего Куприяна все дети пьяны; Муж пьет, а жена горшки бьет; Geriau lig mirties mergaut, negu girtuokliui tarnaut* (Лучше до смерти быть в девках, чем прислуживать пьянице); *Su pletkininke nekalbėsi, su girtuokliu negyvensi* (Со сплетником не будешь разговаривать, с пьяницей не будешь жить); *Girtuokliui sava žmona visada negera* (Пьянице своя жена всегда плоха); *Meiliais sutiko žodeliais kaip girtą vyrą žmona su vaikeliais* (Встретили ласковыми словами, как пьяного мужа жена с детками). В состав данного СМ нами включаются также примеры, содержащие советы жене по поведению с пьяным мужем или отражающие психологию такой женщины, причем данная группа примеров зафиксирована только в литовском фонде: *Girtam patokslų*

nesakyk, bet geriau lovon paguldyk (Пьяному нравоучений не читай, лучше в кровать положи); *Nesibark ant vyro, kai pareina girtas, bet bark, kai išsipagiriojęs* (Не ругай мужа, когда приходит пьяный, но ругай, когда протрезвеет); *Girtą barsi be naudos, tik susilauksi bėdos* (Пьяного ругать без пользы, только дождешься беды); *Nors girtuoklis, bet vis tik savas velnias* (Хоть и пьяница, но всё же свой чёрт).

– СМ «пьянство и бедность», указывающий на связь пьянства с материальным благосостоянием: *Запили заплатки, загуляли лоскутки; Запьем, так избу запрем; а что в избе, в кабаке снесем; Елка (т. е. кабак) лучше метлы дом подметет; Напьется - решетом деньги меряет; проспится - не на что решета купить; Кабы не дырка во рту, так бы в золоте ходил; Пропойное рыло вконец разорило; Не мокра бы губка, была б и шубка; Girtybė bėdų pridaro, dažnai ir ubagauti išvaro* (Пьянство приносит беду, часто и нищенствовать выгоняет); *Girto turtai ant liežuvio galo* (Богатство пьяного на конце языка); *Kas girtybėje rūgsta, tam duonos trūksta* (Кто в пьянстве живет, тому хлеба не хватает); *Girtuoklis už degtinę palieka piniginę* (Пьяница за водку оставляет кошелек); *Girtuoklio gerklė ir trobas praryja* (Глотка пьяницы и избы проглатывает); *Jei tėvas prageria arkli, sūnus – vežimą* (Если отец пропивает коня, сын – тележку);

– СМ «пьянство и глупость» связывает вредную привычку злоупотребления алкоголем с отсутствием или недостатком ума: *Выпьешь много вина, так поубавится ума; Вино с разумом не ладит; Дали вина, так и стал без ума; Не жаль вина - жаль ума; Дурацкую голову и хмель не берет; В глупую голову и хмель не лезет; Пьян да глуп, так больше бьют; Чарка вина прибавит ума; Полно пить, пора ум копить; Degtinė į trobą - protas laukan* (Водка в избу – ум наружу); *Pasisveikinsi su degtine, atsisveikinsi su protu* (Поздороваешься с водкой – попрощаешься с умом).

В рамках данного монома выявлены также **аксиологические, результирующие и квалитативные** субмономы.

Аксиологические субмономы репрезентируют противоположные характеристики рассматриваемого монома. СМ «негативное качество» выражает негативно маркированную народную точку зрения на пьянство и его отрицательные проявления: *Руки золотые, а горло погано; Вино уму не товарищ; Хмель не вода – человеку беда; Вино вину творит; Artojas dainuoja, o girtuoklis dejuoja* (Пахарь поет, а пьяница стонет); *Tinginį paraginsi, miegantį pažadinsi, o girtuoklio niekaip neprišnekinsi* (Лентяя поругаешь, спящего разбудишь, а пьяницу никак не уговоришь); *Girtuoklis neturi tėvynės* (У пьяного нет родины); *Girtybė – bėdų daugybė* (Пьянство – много бед). СМ «положительное качество», напротив, выражает признаки позитивной оценки употребления алкоголя, являющегося катализатором веселья и дающего ощущение полноты жизни и праздника, пьяница даже Богу угоден; СМ наиболее репрезентативен в русском и литовском фондах и ярко иллюстрируют противоречивость наивной картины мира: *Глядя на пиво, и плясать хорошо; Когда пир, тогда и песни; Пьяного да малого бог бережет; Пьяного Бог бережёт; Водка – лучшее лекарство; Пьян да умён – два угодия в нём; Не пить, так на свете не жить; Вино пляске брат; Пьяный пьет, себя веселит; Корчма невысока, да дорожка весела; Сегодня пьян - не велик изъян; Пьяница проснится - к делу годится; Где винцо, тут и праздничек (тут и гостьба); Arbatą gersiu - namus pargersiu, degtinę gersiu - gerai gyvensiu* (Чай пить – дом пропить, водку пить – лучше жить); *Girtas vargus pamiršta* (Пьяный беды забывает); *Pasigėriau, pasilinksminojau – visus savo vargelius užmiršau; išsimiegojau, išsipagiriojau – visi vargai pašaly* (Напился, повеселился – все свои беды забыл; выпался – все беды под боком). В русском языке встретился единичный пример сочувственного отношения к человеку в состоянии опьянения или похмелья: *Не жаль молодца ни битого, ни раненого, а жаль молодца похмельного.*

Результирующий СМ «последствия» репрезентирует результаты вредной привычки прежде всего для самого пьющего человека: *Стаканчики да рюмочки доведут до сумочки; Кто много пьёт вина, у того за спиной*

тюрьма; Пьяным спознаться – с честью расстаться; Кума не бити – пива не пими; Не всякому Савелью веселое похмелье; Degtinė ir alus gimdo vargus (Водка и пиво рожают беды); Degtinė į trobą – protas laukan (Водка в избу – ум наружу); Kas jaunatvėje baliavoja, tas senatvėje šunio būdoje nakvoja (Кто в молодости веселится, тот в старости в собачьей будке ночует); Girtuoklio meilė mirtimi dvokia (Любовь пьяницы пахнет смертью); Girtam ir ožka velniu virsta (У пьяного и коза в черта превращается); Nei girtuoklis, nei gėrėjas, kiauros kelnės švilpia vėjas (И пьяница и выпивоха – в дырявых штанах ветер свистит); Įpratimas gert iš namų išvaro (Привычка пить из дома гонит).

Квалитативный СМ «грех» отражает христианские взгляды на чрезмерное употребление алкоголя: *Допьяна пить – Бога гневить; Пьяница – чёртова скляница; Мужик лишь пиво заварил, уж черт с ведром; Вина напиться - бесу предаться; Пьяное рыло - чертово бороздило; Degtinė į namus – velnias už stalo (Водка в дом – черт за стол); Girtuoklį su degtine ir į pragarą nuvesi (Пьяницу водкой и в ад заманишь); Biesas girtam padušką padeda (Бес пьяному подушку кладет); Girta malda dangaus nepasiekia (Молитва пьяницы небес не достигает).*

Таким образом, фактический материал позволяет говорить о том, что моном «пьянство» обладает большой структурной плотностью и представлен единицами с разнообразным, порой противоречивым значением. Столь же многообразны и средства выражения антиномии – группы лексических и грамматических единиц – антонимов, образующих ядерные и периферийные средства выражения контраста.

Ядро антонимии представлено разнообразными по семантике рекуррентными парами узуральных (языковых) антонимов. Как было отмечено выше, в антонимические отношения вступают прежде всего ключевые лексемы: *Пьяного грехи, да трезвого ответ; Чего трезвый не скажет, то пьяный развяжет; Blaivus nesurasi, ką girtas pamesi (Трезвый не найдешь, что пьяный потерял); Ką blaivus pamislysi, tą girtas padarysi (Что трезвым задумаешь, то пьяным сделаешь); Negirtam su girtu nēr kalbos*

(Непьяному с пьяным не договориться); *Girtas – ir velnio nebijo, o blaivus – ir savo šešėlio baidosi* (Пьяный и чёрта не боится, а трезвый – и своей тени пугается).

В исследованном пласте паремий также отмечены примеры следующих антонимических оппозиций: имен существительных – *Erofeuich часом дружок, а другим вражок*; *Ką tėvas uždirbo per dienas, sūnus praleido per naktis* (Что отец заработал за дни, сын спустил за ночи); *Kas jaunatvėje baliavoja, tas senatvėje šunio būdoje nakvoja* (Кто в молодости веселится, тот в старости в собачьей будке ночует); оппозиции *Бог – черт*: *Смелым бог владеет, а пьяным черт качает*; *Girtuoklis velniui kūmas, Dievui neprietai* (Пьяница черту кум, Богу враг); имен прилагательных (качественных и субстантивных) – *Глупый умного, а трезвый пьяного не любит*; *Oi, ta arielka daug zbitkų padara: iš razumna pusę razuma išvara, o iš durna – visą* (Ой, та горилка много убытков делает: из умного половину разума изгоняет, из глупого – весь); наречий (только в русских паремиях) – *И мало ест, да много пьет*; *Не то пьяный, что ничком падает, а то пьяный, что навзничь*; глаголов действия и движения (в литовских паремиях) – *Girtas duoda, prasiblaivęs atima* (Пьяный дает, протрезвевший забирает); *Degtinę pirko, sąžinę pardavė* (Водку купил – совесть продал); *Smuklės durys plačios įeiti, bet siauros išeiti* (Двери кабака широки, чтобы войти, и узки, чтобы выйти).

Нами выделены средства, вербализирующие ближнюю периферию контраста в русском пласте паремий: лексемы-наименования **продуктов питания**, особенно частотна пара *хлеб - вино*: *Вина не пьет, с воды пьян живет*; *Вино веселит, а хлеб спит*; *Хлеб на ноги ставит, а вино валит*; *Человека хлеб живит, а вино крепит*; *Чай, кофей - не по нутру*; *была бы водка поутру*; лексемы-наименования **частей тела** (зафиксирован единичный пример): *Пьяному море по колени, а лужа по уши*; контекстуальные антонимы – глаголы: *Он много ест, да зато много и пьет*; *Хмель шумит - ум молчит*; *Напьемся - подеремся, проснимся – помиримся*; контекстуальные антонимы – имена существительные: *Перепой пуще*

недопоя (и наоборот, в шутку); *Не жаль вина - жаль ума*; *Вино надвое растворено: на веселье и на похмелье*; *Пойми пьяного речи, поймешь и свиное хрюканье*; в литовских паремиях отмечен единичный пример: *Jei tėvas prageria arklį, sūnus – vežimą* (Если отец пропивает коня, сын – тележку);

Ближнюю периферию антонимии вербализуют в литовских паремиях: лексемы–гипонимы; названия живых существ как контрастные единицы активно представлены в паремиях литовского языка *Girtas vyras – tai levas, girta boba – tai kiaulė* (Пьяный мужчина – лев, пьяная баба – свинья); *Girtas liūtas - tas pats, ką blaivus kiškis* (Пьяный лев – то же самое, что трезвый заяц); *Girti – tai kaip levai, o išsipagirioję – avys* (Пьяные как львы, а протрезвевшие как овцы); *Geriau vilką pasitikt nekaip girtą* (Лучше волка встретить, чем пьяного); *Ką jau girtas pasakys, tą nė velnias neišmanys* (Что пьяный скажет, того даже чёрт не выдумает); *Gyvulus ger, kada nuor, o pijuoks, kada ur* (Животное пьет, когда хочет, а пьяница, когда есть); лексемы со значением *жидкость* и *водоем*: *Arielka – ne vanduo: skandina žmogų kaip kulis* (Горилка не вода: топит человека как камень); *Vyne daugiau nuskęsta negu jūroje* (В вине больше тонут, чем в море).

Отмечены также общие для обеих лингвокультур следующие средства антонимии: лексемы с **количественным значением**; выражены разными частями речи – порядковыми и количественными числительными, местоимениями, глаголами, именами существительными: *Одна до дна, а две вполювину*; *Одна рюмка на здоровье, другая на веселье, третья на вздор*; *Либо три пей, либо трижды три*; *Išgėrė už vieną, girtas už tris* (Выпил за одного, пьян за троих); *Diedas pasigėrė – pusė velnio, boba pasigėrė – visas velnias* (Мужик напился – половина чёрта, баба напилась – целый чёрт); *Vieną [taurelę] išgeri, da kitą, trečia pati išoksta burnon* (Одну рюмочку выпиваешь да другую, третья сама прыгает в рот); *Viena čerka prietelka, o antra – neprietelka* (Одна чарка – приятельница, вторая – не приятельница); *Oi, ta arielka daug zbitkų padara: iš razumna pusę razuma išvara, o iš durna –*

visa (Ой, та горилка много убытков делает: из умного **половину** разума изгоняет, из глупого – **весь**); *Gèrèm gèrèm keturiese, pasižiūrim – likom dviese* (Пили – пили **вчетвером**, посмотрели – остались **вдвоем**); контекстуальные антонимы – **имена прилагательные**, в том числе субстантивные: **Пьяный не мертвый**: *когда-нибудь да проснится*; **Смелым бог владеет, а пьяным черт качает**; *Girtuoklis dangun tada pateks, kai pekloj vietos nebebus* (Пьяница на **небо** тогда попадет, когда в **пекле** места не останется).

Выявлены средства вербализации дальней периферии контраста, которая представлена: оппозицией лексем, относящимися к разным частям речи (единичный литовский пример): *Nuo vynu linksmas visam vakarui, liūdesys – visai savaitei* (От вина **веселый** на весь вечер, **грусть** – на всю неделю); оппозицией словосочетаний/грамматических основ: **Со хмелиной спознаться - с честью расстаться**; *Напьется, так с царями дерется, а проснится, так и курицы боится*; **Сладок мед, да не горстью его; горько вино, да не лишиться его**; *Высока у хмеля голова, да ногами жидок*; *Ar alkanas žvèris, ar vyras nedagèręs* (То ли **голодный** зверь, то ли **недопивший** мужчина); *Girtam patokslų nesakyk, bet geriau lovon paguldyk* (Пьяному **наравоучений не читай**, лучше **в кровать положи**);

Крайняя периферия контраста представлена грамматическими оппозициями форм глаголов и словоформ существительных: *На хлеб **взаимы не найдешь**, а на водку – **дают***; *Сколько вина ни **пей**, а водкой **похмеляться***; *Vyrai gèrè, vyrai gers, kol žemelė apsivers* (Мужчины **пили**, мужчины **будут пить**, пока крутится земля); *Degtinės nepergalėsi - ji tave pergalės* (Водку **не победишь** – она тебя **победит**).

Проведенный анализ бинарной семантической оппозиции позволил сделать следующие выводы.

Рассмотренная семантическая оппозиция представлена массивом русских и литовских паремий, специфичных по структуре и семантике. Внутри оппозиции выделен моном «трезвость», выраженный

незначительным фондом русских и литовских единиц, иллюстрирующих два СМ – «позитивное отношение» и «сложности трезвой жизни».

Моном «пьянство» представлен значительным фондом разнообразных по семантике единиц, что может быть связано с резонансностью проблемы алкоголизма в жизни социума.

Нами выявлены ядерные средства выражения контраста, представленные разнообразными по семантике рекуррентными парами узуальных антонимов: существительных, в том числе ключевых слов, глаголов действия и движения (только в литовских примерах), имен прилагательных – качественных и субстантивных, лексем *Бог – черт*, наречий (в русских поговорках).

Ближнюю периферию контраста литовских поговорок активно представляют оппозиции названий живых существ, лексем со значением «жидкость» и «водоем». В массиве русских поговорок наблюдаем оппозиции имен существительных и глаголов, наименований продуктов питания (особенно частотна пара *хлеб – вино*), зафиксирован единичный пример оппозиции наименований частей тела. Отмечены многочисленные общие оппозиции, например, лексем с количественным значением, имен прилагательных.

Дальняя периферия контраста в обоих языках широко представлена антонимичными словосочетаниями, в литовской поговорке отмечен единичный пример межчастеречной оппозиции. Крайняя периферия контраста, которая характеризуется грамматическими оппозициями, отмечена в немногочисленных примерах русских и литовских единиц.

3.12 Бином «родители (отцы) - дети»

Рассматриваемая антиномия связана с так называемой «проблемой поколений», характерной для человеческого рода: там, где семья, там возникает проблема отношений между поколениями. Детям свойственно критичное отношение к ценностям отцов, дети пытаются самоутвердиться

через выработку собственных нравственных ценностей. «Есть психология *отцов* и психология *детей*; по своей сути это глубоко различные психологии, за которыми стоят различные способы самоутверждения в мире» (Попова 2012: эл. Ресурс). В то же время в патриархальных сообществах дети чаще всего воспринимаются в качестве последователей, продолжающих жить по нравственным законам родителей.

Согласно толковому словарю Даля, определим семантический минимум антиномии: дети – «сыновья и дочери; в отношении к родителям» (Даль 2006, 1: 310), родители - «отец - мать» (Даль 2006, 4: 44).

В ходе сопоставительного анализа паремий, иллюстрирующих данную антиномию, было установлено, что в них ключевыми лексемами-репрезентантами оппозиции *родители (отцы) - дети* являются лексемы *родители, отцы, отец, батюшка (батька), мать (матушка)/ tėvai, tėvas, tėvelis, motina (motka) - дети, ребёнок (дитя), сын (сын), дочь (дочка)/ vaikai, vaikas, sūnus (sūnelis), duktė*.

Группа русских и литовских паремий отмечает факт разобщенности поколений, отсутствия взаимопонимания и даже корыстности отношений, поэтому такие единицы строятся на основе контраста, что на уровне структуры и семантики отражает дуальное восприятие действительности. Таким образом, нами выделены единицы с семантикой *разобщенность родителей и детей: Матернее сердце в детках, а детское в камне; Батька горбом (нажил), а сынок горлом (прожил); Дети крадут, отец прячет; Дети воруют, мать горюет; Iš bažnyčios neišeina lig tamsai, o sūnus iš karčemos* (Отец дотемна не выходит из церкви, а сын из корчмы); *Sūnus turtus krauna, o tėvas ubagauna* (Сын добро грузит, а отец нищенствует); *Tėvas obuolį kando, o sūnui dantys atšipo* (Отец яблоко кусает, а у сына оскомины); *Sūnus obuolius kremta, tėvo dantys atšimpa* (Сын яблоки грызет, а у отца оскомины); *Viena motina penkis vaikus užaugina, penki vaikai vienos motinos neužlaiko* (Одна мать пятерых детей вырастит, пять детей одну мать не могут содержать); *Vienas tėvas dešimt vaikų išmaitina, o dešimt vaikų vieno tėvo neišmaitina* (Один отец

десять детей выкормит, а десять детей одного отца не выкормят); *Tėvas uždirba dejuodamas, vaikas praleidžia dainuodamas* (Отец зарабатывает со стоном, ребенок тратит с песней).

Содержательно противостоит данной группе паремий другая группа со значением *преемственность поколений*, русские и литовские единицы данной группы указывают на внутреннюю связь между родителями и детьми, на продолжение в детях всего хорошего или плохого, что есть в характере и традициях старшего поколения, на ценность взаимоотношений между родителями и детьми: *Не съел дед отца, не съест отец и тебя молодца; Корми сына до поры: придет пора - сын тебя покормит; У доброго дядьки (батьки) добры и дитятки; Geri tėvai, geri ir vaikai; Gerų tėvų geri ir vaikai; Gerbk tėvą ir motiną savo, jei nori, kad ir tave gerbtų vaikai tavo* (Уважай отца и мать, если хочешь, чтобы и тебя уважали дети твои); *Koksai paukštis, toksai ir lizdas* (Какая птица, такое и гнездо); *Kokia motka, tokia duktė, koks tėvas, toks sūnus* (Какова мать, такова и дочь, каков отец, таков и сын); *Tėvas vagis, sūnus melagis* (Отец – вор, сын – вран); *Kur tėvas ponas, ten ir vaikai ponaičiai* (Где отец пан, там и дети панычи); *Koks tėvelis, toks ir sūnelis* (Каков папочка, таков и сыночек).

Данная группа представлена значительно большим количеством единиц, что может косвенно свидетельствовать о патриархальности русского и литовского общества, в частности крестьянского мира, в период создания и функционирования рассматриваемых паремий.

Рассмотрим выделенные в рамках анализируемого биннома мономы. Моном «родители (отцы)» репрезентируют следующие субмономы, в разной степени представленные в фонде паремий русского и литовского языков: **экзистенциальные, качественные и аксиологические** субмономы.

Экзистенциальные включают два разнонаправленных СМ:

– СМ «родительская любовь», репрезентирующий бескорыстную, бесконечную родительскую привязанность к своим детям: *Хотя дите криво – отцу, матери мило; Всякому свое дитя милее; Материнская молитва со дна*

моря поднимает; Материнские глаза слепы; Дитя худенько, а отцу, матери миленько; Ir pelėdai savo vaikas gražiausias (И себе свой ребёнок самый красивый); Vaikam vėjai po galvą (švilpia), o tėvų širdys kruvinos (У ребенка ветер в голове (свистит), а отцовское сердце кровью обливается); Tėvų meilė karštesnė už ugnį (Родительская любовь горячее огня);

– СМ «любовь к родителям», который отражает другую сторону любви родителей и указывает на спокойствие и комфорт (душевный и материальный), которые испытывает человек вблизи матери и отца: *При солнышке – тепло, при матери – добро; Птица рада весне, а дитя – матери; Tėvą motiną mylėsi, aruodus pilnus turėsi (Будешь отца и мать любить, будут закрома полные); Kur ramu, ten tėvai, kur duonelė, ten namai (Где спокойно – там родители, где хлебушек – там дом).*

Квалитативные субмономы:

– СМ «уникальность родителей», репрезентирует незаменимость родителей, подчеркивает место отца или матери в судьбе человека: *Другой матери не будет; Мать лучше всякого друга; Мачеха добра, да не мать родна; Матери сын – отцов пасынок; Материна дочь – отцова падчерица; Слепой щенок и тот к матери ползет; Без отца – полсироты, а без матери и вся сирота; Все купишь, а отца-матери не купишь; Птичьего молока хоть в сказке найдешь, а другого отца-матери и в сказке не найдешь; Motina gali viena adata kelis vaikus išmaitinti, o tėvas keliais arkliais – nei vieno (Мать может одной иглой несколько детей выкормить, а отец несколькими конями – ни одного); Tol tėviškė, kol tėvai gyvi (До тех пор родина, пока родители живы); Blogi tėvai gerai vaikų neišmokins (Плохие родители хорошо детей не выучат);*

– СМ «родительская строгость» отражает связь с воспитанием и чаще – с наказанием детей, что является оборотной стороной родительской любви в обеих лингвокультурах: *Родная мать и высоко замахивается, да не больно бьет; Матерни побои не болят; Мать и бия не бьет; Своя матка и бьет, да не пробьет, а чужая глядя прогладит; Мать и бьет, так гладит, а чужая и*

гладит, так бьет; Tėvas vaiką viena ranka baudžia, kita glaudžia (Отец одной рукой наказывает ребенка, а другой гладит); *Tėvas baudžia - sviestu tepa* (Отец наказывает – маслом мажет); *Geras tėvas - su rykštele, blogas - su saldainiu* (Хороший отец – с палкой, плохой – с конфетой); *Vaikai, ša, ateina tėvas su kara* (Дети, тихо – идет отец с наказанием); *Tėvas neužmuš, kad ir smarkiai muš* (Отец не убьёт, даже если сильно бьёт); *Lenk medį, kol jaunas, lupk vaiką, kol mažas* (Гни дерево, пока молодо – пори ребёнка, пока мал);

– СМ «родительское горе» квалифицирует несбывшиеся надежды на детей и связанные с этим ощущения несчастья, обиды, горя: *Высидела курица утят, да и плачется с ними; На старости две радости: один сын - вор, другой – пьяница; Молода жена плачет до росы утренней, сестрица до золота кольца, мать до веку; С ними (С детьми) горе, а без них вдвое; Kad tėvas nuo vaiko verkia - žemė dreba* (Когда отец от ребёнка плачет – земля трясётся); *Dažnai tėvai verkia nuo vaiku, bet dar dažniau dėl vaiku* (Часто родители плачут от детей, но чаще из-за детей).

Аксиологические субмономы конкретизируют оценку, сложившуюся в лингвокультуре по отношению к родителям:

– СМ «обожествление родителей»; субмоном связывает в народном сознании земного родителя с Богом – творцом и требует к обоим почитания: *Не оставляй отца и матери на старости лет, и бог тебя не оставит; Как бог до людей, так отец до детей; Бог до людей, а отец до детей; Ни отец до детей, как Бог до людей; Negalima laikyti Dievo už tėvą, kas nelaiko bažnyčios už motiną* (Нельзя считать Бога отцом, если не считаешь церковь матерью); *Danguj Dievas, žemėj tėvai* (На небе Бог, на земле родители); *Kaip tėvas dėl vaiku, taip Dievas dėl žmonių* (Как отец к детям, так Бог к людям); *Gerbk tėvą, mylėk Dievą* (Уважай отца. Люби Бога);

– СМ «хорошие родители» репрезентирует положительные характеристики родителей и активно иллюстрируется русским фондом паремий, является национально-культурным СМ: *Дочерьми красуются, сыновьями в почете живут; У кого детей много, тот не забыт от бога;*

*Тот не умирает, кто детей не покидает; Мать праведна - ограда камня;
Не тот отец, мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру
научил.*

Моном «дети» включает аналогичные группы субмономов, широко проиллюстрированные русскими и литовскими паремиями.

Аксилогические субмономы являются разнонаправленными с точки зрения выраженной оценки. СМ «дети — радость», репрезентирующий с благополучные взаимоотношения детей и родителей, когда дети благодарны отцам, послушны, готовы взять на себя ответственность за престарелых родителей и т.д.: *Дети - благодать божья; Добрый сын всему свету завидище; Работные дети отцу хлеба; Сын да дочь - ясно солнце, светел месяц; Geri vaikai bus tėvams senatvėj paguoda* (Хорошие дети будут утешением родителей в старости); *Kas tėvą motiną myli, tas ir artimą mylės* (Кто отца и мать любит, тот и близкого будет любить). Противоположно окрашенный СМ «Дети как обуза» репрезентирует хлопоты, трудности воспитания детей в семье: *Детки малыньки - поесть не дадут, детки велики - пожить не дадут; Малые дети съест, а большие износить не дадут; Малые дети не дают спать, большие не дают дышать; Детки постели - отца, мать до веку доспели. Детки подросли - батьку растрясли; Маленькие детки – малынькие бедки, большие детки – большие бедки; Блудный сын - ранняя могила отцу; Дети возмужают - батьку испугают; Детки хороши - отцу, матери венец, худы - отцу, матери конец; Детушек воспитать - не курочек пересчитать; Geri vaikai tėvams paguoda, blogi – širdį užduoda* (Хорошие дети родителям утешение, плохие – сердце разрывают); *Maži vaikai - tėvams džiaugsmas, dideli vaikai - širdies skausmas* (Маленькие дети – родителям радость, большие дети – сердечная боль); *Vaikai nedarykit paikai, nevadinkit tėvą durnium* (Дети, не делайте глупость, не называйте отца дураком); *Namie bėda su vaikais, o mieste su ubagais* (Дома беда с детьми, а в городе с нищими); *Geriau šiaudinis vyras, negu auksinis vaikas* (Лучше соломенный муж, чем золотой ребёнок).

Квалитативный СМ «детская неблагодарность» квалифицирует признаки корысти (в том числе и материальной), неблагодарности, черствости, равнодушия детей по отношению к своим родителям; типичность таких жизненных ситуаций, распространенность подобной народной точки зрения у обоих этносов отражается значительным пластом паремий: *На что отец, коли сам молодец; Наш Антон не тужит о том: мать умирает, а он со смеху помирает; Мать пазуху прорвала, деткам прячучи, а детки пазухи (или: две) прорвали - от матки прячучи; Плачет сын по отцу, что мало денег оставил; Наследники плачут, что мало им осталось; Отцовским умом жить деткам, а отцовскими деньгами не жить; Tėvas peni vaikus žuvimis, o vaikai tėvą šunimis (Отец кормит детей рыбой, а дети отца – собаками); Tėvas sūnų obuoliais, sūnus tėvą pagaliais (Отец сына яблоками, сын отца палками); Geriau nuo stogo tėvas nukristų, negu girtuokliui lašas išsiliety (Лучше бы отец с крыши упал, чем пьяница каплю бы пролил); Tėvas sūnų ant rankų nešioja, o sūnus tėvą už barzdos vedžioja (Отец сына на руках носит, а сын отца за бороду водит); Sūnaus namai ne visada tėvą šildo (Дом сына не всегда отца согревает); Gerą tėvą pamiršai - blogo patėvio susilauksi (Хорошего отца забыл – плохого отчима дождешься); Tėvai verkia, kad vaikas nevalgo, vaikas verkia, kad tėvas valgo (Родители плачут, что ребёнок не ест – дети плачут, что отец ест); Tol klausiau tėvų, kol žąsino bijojau (До тех пор слушался родителей, пока гуся боялся).*

Экзистенциальный СМ «сиротство» репрезентирует несчастную судьбу, лишения и обиды сироты, а также его надежды на лучшую долю и даже на помощь небесных сил: *В сиротстве жить - слезы лить; Тогда сироте и праздник, когда белую рубаху дадут; Дал бог роток сиротинке, даст и кусочек; Пчелки без матки - пропащие детки; Житье сиротам, что гороху при дороге: кто мимо идет, тот и урвет; Не подавай за ворота, коли свой есть сирота; За сиротою сам бог с калитой; Našlys suranda žmoną, betgi našlaičiai retai kada motiną (Вдовец находит жену, но сироты редко (находят) мать); Našlaičiams ir saulė neaiškiai žiba (Сиротам и солнце тускло*

светит); *Vaikai be tėvo pusiau našlaičiai, be motinos - vargšai* (Дети без отца – на половину сироты, без матери – несчастные); *Tėvas mirė - pusė siratos, močia mirė - cielas sirat* (Отец умер – полсироты, мать умерла – целый сирота);

Поведенческий СМ «строгость воспитания» можно определить как национально-культурный, поскольку он представлен прежде всего русскими паремиями. Данный СМ отражает народное представление о необходимости строгого воспитания детей и физического воздействия на них. Среди рассмотренных литовских единиц зафиксирован единичный пример: *Учи ребенка, пока поперек лавки лежит; Детки за клетки, а матки за ветки; Ненаказанный сын - бесчестие отцу; Кулаком да в спину - то и приголубье сыну; Jei mažo netiši, tai užaugęs tave miš* (Если маленького не бьешь, то, когда вырастет, тебя будет бить).

Выделены два национально-культурные субмонома в русском языке, отражающие народную философию:

– СМ «многодетность» демонстрирует народную точку зрения на состав крестьянской семьи и отношение родителей к детям; паремии, иллюстрирующие данный субмоном, определяют положительные и отрицательные стороны многодетности;: *Плодятся и множатся, что голуби; Бойконько - детей многонько; Оленка в пеленках, Никитка у титьки; Один сын - не сын, два сына - полсына, три сына – сын; Много есть, да лишних нет; Много бывает, а лишних не бывает; Два сидня, два лежня, два поползня; Мал мала меньше; Первые детки - соколятки, последние – воронятки;*

– СМ «неразумность, неопытность»: *Гладенькая головка (щеголь) - отцу-матери не кормилец; Глупому сыну и родной отец ума не пришьет; В глупом сыне и отец не волен; Глупому сыну не в помощь наследство (не впрок богатство); Ни себе на радость, ни людям на послугу; Детям не жить, коли не умом да благословением родителей.*

Как свидетельствует фактический материал, русские и литовские паремии охватывают разнообразные стороны жизни социума и отражают различные аспекты взаимоотношений в нем, однако русский пласт паремий обладает более широким спектром семантики.

Обратимся к средствам выражения контраста в рассмотренных паремиях. Антиномия, отраженная в противопоставлении мономов «родители (отцы)» и «дети», в русских и литовских паремиях наиболее активно выражается антонимами – рекуррентными парами: **качественных прилагательных**: *С малыми детками горе, с большими вдвое*; *Умный сын - отцу замена, глупый - не помощь*; *Geri vaikai tėvams paguoda, blogi – širdį užduoda* (**Хорошие** дети родителям утешение, **плохие** – сердце разрывают); *Blogiausias tėvas geresnis už geriausią dėdę* (**Самый плохой** отец лучше **самого хорошего** дяди); *Maži vaikai - tėvams džiaugsmas, dideli vaikai - širdies skausmas* (**Маленькие** дети – родителям радость, **большие** дети – сердечная боль); **однокоренных глаголов** по схеме *Глагол - НЕ + глагол*: *Птичьего молока хоть в сказке найдешь, а другого отца-матери и в сказке не найдешь*; *Паси, чтоб вскормить; не паси, чтоб озолотить*; *Tėvai verkia, kad vaikas nevalgo, vaikas verkia, kad tėvas valgo* (Родители плачут, что ребёнок **не** ест – дети плачут, что отец **ест**); *Jei tėvas vaiko neišmokys, tai žmonės išmokys* (Если отец ребёнка **не выучит**, так люди **выучат**); **глаголов**: *Что мать в голову вобьет, того и отец не выбьет*; *Juokiasi vaikai, bet verkia tėvai* (**Смеются** дети, но **плачут** родители); **наречий**: *Наемная рука хорошо бьет ребенка, да плохо ласкает*; *Хоть по-старому, хоть по-новому, а все отец старше сына*; *Tėvai žemyn, vaikai aukštyn* (Родители **вниз** – дети **вверх**).

Менее продуктивны в русских паремиях следующие оппозиции, которые в литовских паремиях не обнаружены: существительных (один пример): *Детки - радость, детки ж и горе*; субстантивных прилагательных: *Малые соткать, а большие износить не дадут*; *Не вскормивши малого, не видать и старого*; лексем *есть – нет*: *Есть старый (отец) - убил бы его; нет старого - купил бы его*.

Выделим ближние периферийные средства выражения антонимии в русских и литовских паремиях, они часто различаются репрезентантами:

– оппозиции ключевых лексем; в литовских паремиях наиболее активно представлены оппозиционные пары *отец – сын*, *отец – мать*, *отец – дитя* (*ребёнок*), единично встречаются и другие пары, например, *отец – дочь*, *мужчина – ребёнок*: *Tėvas obuolį kando, o sūnui dantys atšipo* (Отец яблоко кусает, а у сына оскомина); *sūnus obuolius kremta, tėvo dantys atšimpa* (Сын яблоки грызет, а у отца оскомина); *Sūnus turtus krauna, o tėvas ubagauna* (Сын добро грузит, а отец нищенствует); *Motina gali viena adata kelis vaikus išmaitinti, o tėvas keliais arkliais – nei vieno* (Мать может одной иглой несколько детей выкормить, а отец несколькими конями – ни одного); *tėvas uždirba dejuodamas, vaikas praleidžia dainuodamas* (Отец зарабатывает со стоном, ребенок тратит с песней); *Tėvas artojas, duktė artistė* (Отец пахарь – дочь артистка); *Ėsti - vyras, dirbti – vaikas* (Есть – мужчина, работать – ребёнок). Русский пословичный фонд отличается от литовского многовариантностью оппозиций, например, *жена, тёща – мать*, *сын – отец*, *дети – отец*, *дети - мать*, *сын – дочь*, *дитя – отец и мать*, *сын - пасынок* и т. д., приведем примеры: *Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матери*; *Батька горбом (нажил), а сынок горлом (прожил)*; *Дети крадут, отец прячет*; *Дети воруют, мать горюет*; *Сына корми - себе пригодится*; *дочь корми - людям снадобится*; *Дитя худенько, а отцу-матери миленько*; *Матери сын – отцов пасынок*;

– оппозиции лексем с количественным значением, например, *половина – целое*, *один – два*, *первый – второй – третий*, *много (несколько) – один* и другие; в литовских паремиях выделено также противопоставление *один – пять*, *один – десять*: *Без отца - полсироты, а без матери и вся сирота*; *Один сын - не сын, два - не кормильцы*; *Первый сын богу, второй царю, третий себе на пропитание*; *На старости две радости: один сын - вор, другой – пьяница*; *С ними (С детьми) горе, а без них вдвое*; *Отцов много, а мать одна*; *Сталась двоечка (т. е. чета), так будет и троечка*; *Tėvas mirė -*

pusė siratos, močia mirė - cielas sirat (Отец умер – полсироты, мать умерла – целый сирота); *Viena motina penkis vaikus užaugina, penki vaikai vienos motinos neužlaiko* (Одна мать пятерых детей вырастит, пять детей одну мать не могут содержать); *Vienas tėvas dešimt vaikų išmaitina, o dešimt vaikų vieno tėvo neišmaitina* (Один отец десять детей выкормит, а десять детей одного отца не выкормят); *Tėvai gali būti bent keli, o močia tik viena* (Отцов может быть несколько, а мать одна);

– оппозиции лексем с широким спектром значений и разных частей речи: *Дитя хоть криво, да отцу, матери мило; Живем - не люди, а умрем - не родители; Без детей сухота, с детьми перхота; Не мы на детей находим (походим), они на нас; Сын мой, а ум у него свой; Tėvams darbas, vaikams miegas* (Родителям работа – детям сон); *Gerą tėvą pamiršai - blogo patėvio susilauksi* (Хорошего отца забыл – плохого отчима дождёшься); *Mano tėvas ožką turėjo, o tavo uodegon žiūrėjo* (Мой отец имел козу, а твой только на хвост смотрел); *Tėvas uždirba dejuodamas, vaikas praleidžia dainuodamas* (Отец зарабатывает со стоном, ребенок тратит с песней); *Tėvas iš bažnyčios neišeina lig tamsai, o sūnus iš karčemos* (Отец дотемна не выходит из церкви, а сын из корчмы).

В русских поговорках отмечена также оппозиция лексем со значением «части тела»: *Батька горбом нажил, а сынок горлом прожил; Дитятку за ручку, а матку за сердечко; Кормил до усов, корми и до бороды.*

В литовских поговорках наблюдаем следующие оппозиции: лексем с временным значением (один пример): *Tėvai ant dienų, o pati visam viekui* (Родители на дни, а жена на весь век); лексем *какой – такой* (koksai/ koks – toksai / toks): *Koksai paukštis, toksai ir lizdas* (Какая птица, такое и гнездо); *Koks oras, toks laikas, koks tėvas, toks ir vaikas* (Какая погода, такое и время, какой отец, такой и ребенок).

В обоих языках выделены лексеммы – репрезентанты дальней периферии контраста – межчастеречные контекстуальные антонимы: **Ни себе** на радость, **ни людям** на послугу (нарожал); **Живы** родители - почитай,

померли - поминай!; Kol tėvai gyvi, kiemo varteliai **atlapī**, kai išmiršta – **užsitrenkia** (Пока родители живы, ворота во двор **открыты**, когда (родители) умирают – **захлопываются**). В русских поговорках частотна оппозиция *свой – чужой*: *На **чужой** горбок не насмеются; на **свой** горбок не наглядюся; Жалуй **своих**, а там и **чужих**!*

К дальней периферии антонимии нами отнесены также контрастирующие словосочетания, особенно продуктивна данная оппозиция в литовских поговорках: *Нарожать **нарожала**, а научить не научила; Tėvas sūnų ant rankų nešioja, o sūnus tėvą už barzdos vedžioja* (Отец сына на руках носит, а сын отца за бороду водит); *Ačiū Dievui - mūsų tėvai ropių nesėjo, ir mes ridikų nerausim* (Слава Богу – наши родители **репу не сеяли**, и мы не будем **редьку копать**); *Geriau tėvas be dantų, negu sūnus be duonos kąsnio* (Лучше отец **без зубов**, чем сын **без куска хлеба**); *Vienas vaikas širdį ramina, o kitas protą pagadina* (Один ребёнок **сердце успокаивает**, а другой – **ум портит**); *Verčiau tėvas nuo stogo, negu lašas pro burną* (Лучше отец **с крыши**, чем **капля мимо рта**).

Выделены репрезентанты крайней периферии контраста в фонде обоих языков. Это немногочисленные факты грамматических оппозиций падежных форм существительных: *Без **детей** сухота, с **детьми** перхота; Без **детей** тоскливо, с **детьми** водливо; Vaikas į protą, tėvas iš proto* (Ребёнок **в ум**, отец **из ума**); *Dažnai tėvai verkia nuo vaikų, bet dar dažniau dėl vaikų* (Часто родители плачут **от детей**, но чаще **из-за детей**); в литовской поговорке отмечен единичный пример оппозиции глагольной формы: *Gerą tėvą pamiršai - blogo patėvio susilauksi* (Хорошего отца **забыл** – плохого отчима **дождёшься**).

В результате проведенного анализа данной бинарной оппозиции в русских и литовских поговорках мы пришли к следующим выводам.

Выделена значительная группа русских и литовских поговорок, иллюстрирующих антиномию «родители (отцы) – дети», с контрастными значениями «разобщенность родителей и детей» и «преемственность

поколений». Многочисленность паремий второй семантической группы может свидетельствовать о преобладании патриархального взгляда на семью в лингвокультурах русского и литовского этноса.

Моном «родители (отцы)» в русском и литовском языках репрезентируют различные группы субмономов, причем в русском языке в большей степени выражена положительная характеристика.

В рамках монома «дети» выделены национально-культурные субмономы (русский язык) «многодетность», «неразумность, неопытность» и «строгость воспитания», которые отражают положения русской народной философии.

Антиномия, реализованная в противопоставлении мономов «родители (отцы)» и «дети», особенно часто в русском и литовском языках вербализуется узуальными антонимами (что определяется нами как ядерные средства выражения контраста), выраженными качественными прилагательными и однокоренными глаголами; оппозиция субстантивных прилагательных, существительных и лексем *есть – нет* фиксируется только в русских паремиях.

Ближнюю периферию антонимии русских и литовских паремий активно представляют текстуальные антонимы, отмечены наиболее частотные оппозиционные пары в каждом языке, в русских пословицах такие оппозиции отличаются большей вариативностью. Отмечена также специфичность оппозиций в литовском материале лексем с количественным значением, с временным значением (единичный пример) и пары *какой – такой* (*koksai/ koks - toksai / toks*); ближнюю периферию в русских паремиях иллюстрируют лексемы со значением *части тела* и однокоренные бесприставочные и приставочные лексемы.

Дальняя периферия антонимии представлена в обоих языках межчастеречными антонимами, в литовских паремиях особенно продуктивны оппозиции контрастирующих словосочетаний. Крайняя периферия контраста в русских и литовских паремиях мало продуктивна.

3.13 Бином «женщина – мужчина»

Семантическая оппозиция «женщина – мужчина» связана с понятием *гендер*, которое касается социальных аспектов взаимодействия мужчин и женщин в отличие от термина *пол*, определяющего человека в аспекте биологических характеристик.

В единицах языка, в том числе и паремических, более полно отражается мужская доминанта и связанные с нею власть, сила, целеустремленность, а само понятие *человек* отождествляется в языке прежде всего с мужчиной (Кирилина 2010: 110).

Обратимся к словарной дефиниции ключевых лексем оппозиции. По определению В.И.Даля, содержательный минимум лексемы *муж* – «человек рода он, в полных годах, возмужалый; возрастной человек мужского пола, противополож. жена, женщина. | Относительно к женщине, жене: супруг, народное, хозяин, образующий с женою чету» (Даль 2006, 3: 39); лексему *жена* словарь определяет следующим образом: «вообще женщина, замужняя женщина; супруга, баба» (Даль 2006, 2: 271).

Ключевые лексемы репрезентации оппозиции: *мужчина, муж, мужик/vyras, - женщина, жена, баба / žmona, pati, boba*. Андроцентричность особенно ярко выражена в литовском языке, так как понятия *мужчина* и *муж* (мужчина, состоящий в браке) выражаются одним словом – *vyras*.

Значительная часть русских и литовских паремий построена на противопоставлении женского и мужского начала, как в интернациональной пословице *Баба не мужик – Voba - tai ne vyras*. Такое противопоставление происходит по многим критериям, например, по внешним признакам: *Борода кажет мужа, а жену – мужа; Moterų kasos, vyrų čiubas* (Женские косы, мужской чуб); *Jauna pati - vyras liesas* (Молодая жена – тощий муж); по разнице в характерах и внутреннем мире: *В чем деду стыд, в том бабе смех; Мужик тянет в одну сторону, баба в другую; Жена с сердцем, муж с перцем - натурой ей нос!; Vyro širdis - akmuo, moteriškos – vaškas* (Сердце мужчины – камень, женское – воск); *Ką vyrų mislija, moterų jausia* (Что мужчины

думают, женщины чувствуют); *Žmona laiko tris trobos kertes, vyras tik vieną* (Жена держит три угла избы, муж – один); *Jis dūkęs, boba dar dūkesnė* (Он сердит, баба ещё сердитей).

Паремии в обоих языках, построенные на контрасте, демонстрируют разницу в женском и мужском поведении: *Жена пряди рубашки, а муж тyani гуж; Жена поет, а муж волком воем; Жена мелет, а муж спит; Муж в двери ногою, а жена в окно и с головою; Муж возом не навозит, что жена горшком наносит; Kaip moteris švilpia, taip vyrai šoka* (Как женщина свистит, так мужчина пляшет); *Ką viena boba padaro, nė dešimt vyrų nepataisys* (Что одна баба делает, то десять мужчин не исправят); *Vyrų darbas su galu, o moterų be galo* (У мужчин работа с концом, у женщин без конца); *Vyras yra galva, moteris - kaklas, kur kaklas suka, ten galva ir žiūri* (Мужчина – голова, женщина – шея: куда шея повернёт, туда голова и смотрит); *Vyrams dienoj vienas darbas, o moterims – daug* (У мужчин днём одно дело, у женщин много).

В русских паремиях женщины и женская деятельность часто противопоставлены мужчинам и мужской деятельности как норма и отклонение. Основной семантический признак русских паремий данной группы — нелепость, неправильность поведения женщин по сравнению с правильным мужским поведением: *Муж в поле пахать, а жена руками махать; Муж в дверь, а жена в Тверь; Мужичий ум говорит: надо; бабий ум говорит: хочу; Флор плачет, а жена скачет; Муж по дрова, а жена со двора*; значительно реже мужская деятельность признается неправильной: *Иван в дудку играет, а Марья с голоду помирает; Жена прядет, а муж пляшет*.

Русские паремии активно используют метафорические образы для противопоставления женщин и мужчин, связанные с наименованиями домашних животных, чаще всего используются оппозиции *курица – петух, кошка – собака*, а также наименования рабочих инструментов, символизирующих женский и мужской труд: коса и топор символизируют

труд мужчины, прялка и веретено – атрибуты женского труда: *Курица гогочет, а петух молчит; Курице не быть петухом, а бабе мужиком; Баба да кошка в избе, мужик да собака на дворе; Жена да муж - змея да уж; Две косы и рядом, и в кучке, а две прялки – никак; Семеро топоров под лавкой лежат, а две прялки врозь; Смирен топор, да веретено бодливо.*

В рассмотренной группе паремий выделяются мономы «женщина» и «мужчина». Моном «женщина» включает **квалитативные, аксиологические, поведенческие** субмономы. Квалитативные субмономы:

– СМ «женский нрав» конкретизирует такие характеристики обозначаемого мономом понятия, как признаки непредсказуемости, таинственности, коварства, изменчивости, лживости, агрессивности, жадности женщины; более активно представлен русскими паремиями: *На женский норов нет угадчика; У бабы семьдесят две увертки в день; Где сатана не сможет, туда бабу пошлет; Девичьи (Женские) думы изменчивы; Еще тот и не родился, кто бы бабий норов узнал; Женская лесть без зубов, а с костями сглохнет; Женское свойство (норов) и на свинье не объедешь; Кто бабе (свахе) поверит, трех дней не проживет; Лукавой бабы и в ступе не истолчешь; Лучшие раздражить собаку, нежели бабу; Пусти бабу в рай: она и корову за собой ведет; *Leisk bobā j rojū, jī ims ir karvę su savim* (Пусти бабу в рай, она и корову возьмёт с собой); *Širdis moters mierojojas pinigais* (Сердце женщины измеряется деньгами); *Moteris kaip katē – raglostyk, bet ant keliņ neimk: nagus suleis* (Женщина как кошка – погладь, но на колени не бери: когти выпустит);*

– СМ «Женский ум» в большинстве случаев указывает на ограниченность интеллекта или отсутствие ума вообще: *Бабе хоть кол на голове теши; Бабий ум - бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца; Волос долог, да ум короток; Добрая кума живет и без ума; Женские умы - что татарские сумы (переметны); *Moteriškės ilgas rūbas, trumpas ūmas* (Женская одежда длинная, а ум короткий); *Labai razumnas - gal dviejū bobū smegenys* (Очень разумный – двух баб умнее – ироничная семантика);*

Kas daugiau žino, jei ne boba (Кто больше знает, если не баба); *Durnesnis už bobą, kvailesnis už asilą* (Дурнее бабы, глупее осла);

– СМ «женская красота» утверждает преимущество внутренней красоты над внешней: *С лица не воду пить, умела б пироги печь; Не пригожа, да пригодна; Красота приглядится, а щипы не прихлебаются; С собой красава, да душа тухлява; Не будь красна и румяна, а чтобы по двору прошла да кур сочла; Не наряд жену красит – домостройство; Graži būtu mergina, tik rankos per baltos* (Красивой была бы девушка, только руки слишком белые); *Moteris be gėdos yra negraži* (Женщина без стыда некрасива); в литовских поговорках нами отмечена более широкая семантика – они говорят о необходимости соблюдения традиций во внешнем виде женщины, об опасности красоты и ее продажности: *Palaidais plaukais tik ragana vaikščioja* (С распущенными волосами только ведьма ходит); *Mergelės kilmę ir gražumą pinigai padidina* (Девичье происхождение и красоту деньги увеличивают); *Graži žmona – ne sau, o kaimynui* (Красивая жена – не себе, а соседу); *Graži moteris – akims rojus, sielai – pragaras, o kišenei – skaistykla* (Красивая женщина – глазам рай, душе – ад, а карману – счётчик);

– СМ «женская сила» подчеркивает физическое превосходство женщины, по нашему мнению, является национально-культурным, представлен несколькими примерами русских поговорок: *У нас и баба зауряд в рекруты идет; Этой бабе (барыне) только бы штаны надеть (бойка, как мужчина); С хватом баба хоть на медведя.*

В фактическом материале обнаружена разнонаправленность аксиологических субмономов. Выделены два СМ, отражающие разные взгляды мужчины на роль женщины в социуме. СМ «положительный образ» отражает мужской взгляд на позитивную роль женщины: *Добрую жену взять - ни скуки, ни горя не знать; Добрую женою и муж честен; Gera moteris – namų raktas* (Хорошая женщина – ключ дому); *Gera moteris vyrui kelią taiso* (Хорошая женщина мужчине дорогу правит); *Gera boba laimė triobai* (Хорошая баба – счастье избе); *Boba, bulba ir taboka niekada neatsibosta* (Баба,

бульба и табак никогда не надоедают). СМ «отрицательный образ», напротив, квалифицирует взгляд на женщину как на неполноценного человека, выражает более традиционное (в народной культуре) среди мужчин негативное отношение к роли женщины в обществе: *Кобыла не лошадь, баба не человек; Курица не птица, а баба не человек; Кто с бабой свяжется - сам баба будет; От нашего ребра нам не ждать добра; Я думал, идут двое, а мужик с бабой; Boba iš ratų – ratams lengviau (Баба с колёс – колёсам легче); Nebus iš bobos artojas, iš žydo meistras (Не будет из бабы пахаря, а из еврея – мастера); Oi jūs bobos, bobos, dėl jūsų nečystos trobos (Ой вы, бабы, бабы, из-за вас нечистые избы);*

– близкий предыдущему субмоному СМ «женщина–черт» конкретизирует отрицательную характеристику женщины, проводя параллель между женщинами и нечистой силой; иллюстрируется русскими и особенно многочисленными литовскими паремиями, что указывает на популярность данной мужской точки зрения: *Перед злой женою сатана - младенец непорочный; Отбилась от рук жена, так что твой Сатана; Ką moteris padarys, to nė velnias nepadarys (Женщина сделает то, что и черт не сделает); Tokia boba tik velniam baidyti (Такая баба только чертей пугать); . Tokią bobą tik dėti ar moton ir šauti į velnių pulką (Такая баба только в пушку класть и стрелять в полки чертей); Neik su boba riešutauti, o su velniu obuoliauti (Не иди с бабой за орехами, а с чёртом за грибами); Ant moters liežuvio septyni velniai sėdi (На женском языке семь чертей сидит); Moteris bijo ir pelės, o moterų bijo ir patsai velnias (Женщина боится мышки, а женщину сам чёрт (боится); Jei moteris piršlys, tai velnias šliūbą duoda (Если женщина сваха, чёрт свадьбу задаёт).*

Поведенческие субмономы:

– СМ «женские слёзы», который указывает на обычность данного явления, его типичность: *Бабы слезы чем больше унимать, тем хуже; Без плачу у бабы дело не спорится; Женский обычай - слезами беде помогать; У*

баб да у пьяных слезы дешевы; Moterų ašaros labai pigios (Женские слёзы очень дешёвы);

– СМ «женская конфликтность» репрезентирует такую особенность женского поведения, как склонность к скандалам и конфликтам: *Баба что глиняный горшок: вынь из печи, он пуце шипит; Гусь да баба - торг; два гуся, две бабы – ярмарка; Коли кочергой зубы выбила, так в солдаты не возьмут;* интернациональная пословица: *Где баба, там рынок; где две, там базар; Viena boba - vienas turgus, dvi bobai - du turgu* (Одна баба – один рынок, две бабы – два рынка); *Moteris panaši į aštrų ginklą, su ja žaisti negalima* (Женщина похожа на острое оружие, с ней играть нельзя); *Paklok bobą išišlgai, ji tēkšis skersa* (Положи бабу вдоль, она ляжет поперёк);

– СМ «женская болтливость» конкретизирует чрезмерную разговорчивость женщины, отмечая меткость, силу ее слова и в то же время – неумение хранить тайны: *Волос долог, а язык длинней (у бабы); Бабий язык, куда ни завались, достанет; Вольна баба в языке, а черт в бабьем кадыке; Бабья вранья и на свинье не объедешь; Женское слово, что клей, пристаёт; Лучшие в утлой ладье по морю ездить, чем жене тайну поверить; Tam ir boba, kad liežuvius nešiotų* (Для того и баба, чтобы язык носить); *Su boba greičiau liežuvii, kaip kumščiu* (С бабой быстрее языком, чем кулаком); *Jei nori moteriai paslaptį pasakyti, tai pirma liežuvį išpjauk* (Если хочешь женщине рассказать секрет, сначала отрежь (ей) язык); *Pasakyk bobai, boba - piemeniui, piemenio - ubagai, ubags - visam svietai* (Скажи бабе, баба – пастуху, пастух – нищему, нищий – всему свету); *Jeigu nori, kad visi žinotų, pasakyk bobai* (Если хочешь, чтобы все знали, скажи бабе);

Экзистенциальные субмономы отражают взгляды на образ жизни женщины, на ее статус:

– СМ «несвобода» указывает на зависимость женщины от мужчин, ее угнетенное положение в семье и, с другой стороны, на опасность свободы для нее: *Баба что мешок: что положишь, то и несет; Бабе дорога - от печи до порога; Воля и добрую жену портит; Дал муж жене волю - не быть*

добру; Keturi moterų artikulai: dirbk, tylėk, kentėk, mylėk (Четыре женских артикула: работай, молчи, терпи, люби); *Neduok bobom valios, kitaip ir sprandus nusuks* (Не давай бабе волю – иначе шею свернёт); *Boba linka dar duoną minko* (Баба гнётся да ещё хлеб месит);

– СМ «жена» определяет статус женщины в семье: *Жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь; Жена не горшок, не расшибешь; Gera žmona prastą vyrą pataiso, bloga žmona gerą vyrą pagadina* (Хорошая жена плохого мужа исправит, плохая жена хорошего мужа портит).

Богатый фонд собранных паремий, репрезентирующих моном «женщина», отражает чаще всего мужской стереотип народного самосознания и количественно доминирует над фондом паремий монома «мужчина».

Моном «мужчина», входящий в структуру анализируемой антиномии, обладает меньшей номинативной плотностью, по сравнению с мономом «женщина», и представлен следующими субмономами. В состав **экзистенциальных** субмономов включаем СМ «муж», который характеризует женатого человека по его отношению к жене, может выражать как положительную, так и отрицательную оценку; иллюстрирован многочисленными русскими и литовскими паремиями: *У плохого мужа жена всегда дура; У умного мужа жена выхолена, у глупого по будням затаскана; Худо тому мужу, у кого жена большая в дому; Хоть плох муженек, да затулье мое, завалюсь за него, не боюсь никого; Vyras savo račiai ragus pritaisė* (Муж своей жене рога приделал); *Vyrą išsirinkti - tai ne bulkutę nusipirkti* (Мужа выбрать – не булочку купить); *Už vyro kaip už mūro* (За мужем как за камнем); *Prastas vyras, kuris į bobos sijoną įsikabinęs* (Плох муж, который за бабью юбку зацепился); *Piktas vyras - ne našlystė* (Злой муж – не вдовство); *Geras vyras račiai - geras vaikam* (Хорош муж жене – хорош и детям); *Geras vyras - šeima skurdo nemato* (Хороший муж – семья бедности не видит).

Поведенческий СМ «подчинение мужа жене» репрезентирует зависимое положение мужа в семье, его несамостоятельность; представлен в русских и литовских паремиях: *Не муж в мужьях, кем жена владеет; не работа в работах под женками воз возити; В стары годы бывало - мужья жен бивали, а ныне живет, что жена мужа бьет; Он попался на кукан (т. е. в руки жены); Visi vyrai bobų valioj* (Все мужчины в женской воле); *Ne vyras važiuoja, ale vyru važiuoja* (Не мужчина ездит, а на мужчине ездят); *Atėjo vyras kaip vilkas, jei su žmona - tai bus kaip šilkas* (Пришел мужчина как волк, если с женой – то будет как шёлк).

Квалитативные субмономы: СМ «Мужской ум» констатирует наличие или недостаток (отсутствие) ума у мужчины; широко иллюстрируется русскими паремиями, в фонде рассматриваемых литовских паремий выделена лишь одна: *У мужика кафтан сер, да ум у него не волк съел; Мужик задним умом крепок; У всякого Филата своя во лбу палата; Молодец, что орел, а ума, что у тетера; Всяк молодец на свой образец; Личиком беленок, да умом простенок; Mažas vyrelis, didelis protelis* (Маленький мужичок – большой умок); СМ «внешность» указывает на несоответствие между внешностью и внутренним содержанием мужчины в русских примерах: *Молодец красив, да на душу крив; Личиком гладок, а делами гадок; Видом сокол, а голосом ворона; Неладно скроен, да крепко шит; Рыжий да красный человек опасный*. В семантике литовских паремий такая характеристика не зафиксирована, здесь находят выражение критерии красоты или некрасивости: *Vyras už velnią gražesnis, ir gražus* (Мужчина красив, если чёрта красивее); *Ot vyras, už kupstą didesnis* (Вот мужчина – выше горба – ироническая характеристика); *Gražiam vyrui ir snarglys tinka* (Красивому мужчине и сопли идут).

Аксиологический СМ «настоящий мужчина» указывает на ценность настоящего мужчины и на критерии ее определения: *Vyras - kaip skripka : juo senesnis, juo brangesnis* (Мужчина как скрипка: чем старше, тем дороже); *Ne tas vyras, kuris pradeda, bet tas, kuris pabaigia* (Не тот мужчина, кто начинает,

а тот, кто кончает); *Geras vyras vertingesnis nei trys siekiai sidabro* (Хороший муж дороже трёх мер серебра). В русской и литовской лингвокультурах нами выделена группа паремий – репрезентантов данного субмонома, построенная на ассоциациях, вербализованных орнитонимами со значением *настоящий/ненастоящий мужчина*. Метафорическая конкретизация качеств настоящего мужчины находит выражение в образе сокола (русские паремии) или в образе орла (литовские паремии). Сокол как символ мужественности (редко – отсутствия ее) у русского мужчины встречается в русских примерах: *Видно сокола по полету, а молодца по походке; Вороне соколом не бывать; Видно сокола по полету, а сову по погляду; Наш сокол мал, да удал; Сокол сокола по полету знает*. Одобрение народной литовской моралью образа истинного мужчины иллюстрируется литовскими примерами: *Geriau gyventi ereliu, negu lakioti žvirbleliu* (Лучше жить орленком, чем носиться воробышком); *Geriau gyventi ereliu trumpai negu varna ilgai* (Лучше коротко жить орлом, чем долго вороном).

В рамках рассматриваемого монома выделены национально-культурные субмономы: в русском языке СМ «советы мужу», репрезентирующий особенности мужского поведения при выборе жены или поведения мужа по отношению к жене: *Муж жену береги, что трубу на бане; Вей муженек обозы, да плети жене лапти; Продай муж корову с лошадушкой, купи, муж, ожерелье; Продай муж лошадь, да корову, купи жене обнову; Жену выбирай ушами, а не глазами; Выбирай корову по рогам, а девку по родам; Бей жену больней - будут щи вкусней*.

В литовском языке вербализован СМ «мужское коварство», конкретизирующий отрицательную характеристику мужчины, который может быть коварен, лжив, двуличен: *Vyru tiek tikėk, kiek savo ausį matai* (Мужчине верь настолько, насколько видишь своё ухо); *Vyro gyvenime laimingos dvi dienos : kai ženijasi ir kai boba miršta* (В жизни мужчины два счастливых дня: когда женится и когда баба умирает); *Vyrams niekadus netikėk, kad apie meilę kalbės* (Мужчинам никогда не верь, когда о любви говорят); *Suktas vyras*

tiesaus žodžio nebegirdi (Хитрый мужчина прямого слова не слышит); *Nėra nei vieno vyro, kuris neturėtų vilko danties* (Нет ни одного мужчины, у которого не было бы волчьих зубов); *Juo vyras dažniau iš namų, tuo rečiau į namus* (Чем чаще муж из дома, тем реже в дом); *Vyrams niekadoms netikėk, kad apie meilę kalbės* (Мужчинам никогда не верь, когда о любви говорят).

Обратимся к полю контраста. Языковые репрезентанты ядра – абсолютные (узуальные, языковые) антонимы, принадлежащие к одной части речи и лексико-семантической группе. К таким антонимам относим прежде всего ключевые слова бинарной оппозиции: *Мужик тянет в одну сторону, баба в другую*; *Утро вечера мудренее, жена мужа удалее*; *Жена с сердцем, муж с перцем - натирай ей нос!*; *Kaip moteris švilpia, taip vyrai šoka* (Как женщина свистит, так мужчины пляшут); *Žmona laiko tris trobos kertes, vyras tik vieną* (*Жена* держит три угла избы, *муж* – один).

Как свидетельствует фактический материал, в обеих лингвокультурах широко используются следующие антонимичные единицы:

– со значением контрастирующих качеств, выраженные именами прилагательными: *У умного мужа жена выхолена, у глупого по будням затаскана*; *От плохой жены состареешься, от хорошей помолодеешь*; *Стар муж, так удушлив; молод, так не сдружлив; Плохой муж умрет, добрая жена по дворам пойдет*; *Gera žmona prastą vyrą pataiso, bloga žmona gerą vyrą pagadina* (*Хорошая* жена плохого мужа исправит, *плохая* жена хорошего мужа портит); *Moteriškės ilgas rūbas, trumpas ūmas* (*Женская* одежда длинная, а ум *короткий*); *Blogiausias vyras ir geriausias vaikas - lygūs* (*Худший* муж и *лучший* ребёнок – равны); *Mažas vyrelis, didelis protelis* (*Маленький* мужичок – *большой* умок); *Dievas už šaltos, vyras už karštos* (*Бог* за *холодное* – *мужик* за *горячее*); *Kaip jauna boba senam vyruvi* (*Как* *молодая* баба *старому* мужу);

– антонимичные пары имён существительных *рай – ад, день - ночь*: *С доброй женой горе - полгоря, а радость вдвойне*; *Одному с женою радость, другому горе*; *День ворчит, ночь верещит* - плюнь, да сделай!; *Graži moteris*

– *akims rojus, sielai – pragaras, o kišenei – skaistykla* (Красивая женщина – глазам **рай**, душе – **ад**, а карману – счётчик);

– антонимичные глаголы со значением противоположных действий:
Продай, муж, лошадь да корову, купи жене обнову!; *Продай, муж, корову с лошадушкой: купи, муж, ожерелье, жемчужный борок!*; *Dievas vyrui atima protą ir duoda žmoną, protą gražina, bet žmonos neatima* (Бог у мужчины **отбирает** ум и **даёт** жену, ум возвращает, а жены не отнимает);

– наречия-антонимы: *Семь топоров вместе лежат, а две прялки врознь*; *Раньше* бывало муж жену бивал, а *теперь* жена мужа бьет; *Juo vyras dažniau iš namų, tuo rečiau į namus* (Чем **чаще** муж из дома, тем **реже** в дом); интернациональная поговорка: *Стели бабе вдоль, она меряет поперек*; *Paklok bobą išilgai, ji tēkšis skersa* (Положи бабу вдоль, она ляжет поперёк);

– однокоренные глаголы; антонимия которых построена по схеме глагол – НЕ + глагол: *Не плачет* малый, *не горюет* убогий, а *плачет* да *горюет* вдовый; *Kiek bobos priloja, tiek ir šio nepriloja* (Сколько баба лает, столько и пёс **не лает**).

Периферию поля контраста представляют контекстуальные антонимы с различной семантикой:

– части тела (в русских поговорках): *Волос* долог, а *язык* длинней (у бабы); *Вольна баба в языке, а черт в бабьем кадыке*; *Муж - голова, жена – душа*;

– наименования предметов быта, в русских примерах особенно продуктивна антонимическая пара *женщина - предмет*: *Жена не рукавица, с руки не сбросишь (за пояс не заткнешь)*; *Жена не сапог (не лапоть), с ноги не скинешь*; *Жена не седло: со спины не съмешь*; *Жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь*; *Жена не горшок, не расшибешь*; приведем примеры других оппозиций: *Я ее палкой, а она меня скалкой*; *Moterų torielka, o vyrų arielka* (У женщин тарелка, у мужчин горилка); *Vyras - ne žmogus, kelnės - ne drabužis* (Мужчина не человек, штаны не одежда);

– наименования представителей животного мира, они часто противопоставлены лексемам с гендерным значением: *И то бывает, что кошка собаку съедает; Кобыла не лошадь, баба не человек; Курица гогочет, а петух молчит; Собака умней бабы: на хозяина не лает; Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка всегда в избе; Boba - ne žmogus, ožka - ne galvijas* (Баба не человек, коза не животное); в обоих языках активны ассоциативные оппозиции орнитонимов со значением *настоящий/ненастоящий мужчина: Вороне соколом не бывать; Видно сокола по полету, Pasikėlė kaip erelis, nusileido kaip žvirblėlis* (Поднялся как орел, опустился как воробей); *Geriau gyventi ereliu trumpai negu varna ilgai* (Лучше коротко жить орлом, чем долго вороной); *Erelis žvirbliu išlėkė, jaučiu parlėkė* (Орел воробьем вылетел – уткой прилетел);

– наименования людей разного социального статуса: *Хорошая невеста, худая жена; Vyras gerai, kol jaunikis, o kai žentas, jau netikęs* (Мужчина хорош пока жених, а стал зять – стал негодным; *Nebus iš bobos artojas, iš žydo meistras* (Не будет из бабы пахаря, а из еврея – мастера); *Bobo - ne žmogus, ožka - ne galvijas* (Баба не человек, коза не животное); *Prie kopūstų bliūdo vyras, o prie darbo – merga* (У тарелки с капустой мужчина, в работе – девка); *Ar vyras, ar vaikas* (Или мужчина, или ребёнок);

– лексемы с временным значением: Бил жену денечек, сам плакал годочек; Бей женку к обеду, а к ужину опять, без боя за стол не сядь!; *Valgis tam kartui, vyras visam amžiui* (Еда на раз, муж на век);

– лексемы с количественным значением: *Где баба, там рынок; где две, там базар; Где две бабы, там съём (сейм, сходка), а где три, там содом; Гусь да баба - торг; два гуся, две бабы – ярмарка; С доброй женой горе - полгоря, а радость вдвойне; Два мужа наружу да один в сундуке (от комедии); Viena boba - vienas turgus, dvi bobos - du turgai* (Одна баба – один рынок, две бабы – два рынка); *Ką viena boba padaro, nė dešimt vyrų nepataisys* (Что одна баба сделает, то десять мужчин не исправят); *Vyrams dienoj vienas darbas, o moterims – daug* (У мужчин днём одно дело, у женщин много);

– лексемы со значением *материал, вещество* (множественные примеры отмечены в литовских поговорках): *Vyriškas geležis, o moteriškai plienui reik* (Мужчина **железо**, а женщине нужна **сталь**); *Bandyk vyrą moterim, o geležį akmeniui* (Испытай мужчину женщиной, а **железо** **камнем**). *Geriau šiaudinis vyras, negu auksinis vaikas* (Лучше **соломенный** муж, чем **золотой** ребёнок); *Už gero vyro – kaip už mūro, už blogo – kaip už šūdo* (За **хорошим** мужем – как за **камнем**, за **плохим** мужем – как за **дерьмом**); *Vyro širdis – akmuo, moteriškos – vaškas* (Сердце мужчины – **камень**, женское – **воск**); *Boba ne akmuo – nepaskandinsi* (Баба не **камень** – не утопишь);

– имена существительные с различной семантикой активно представлены в русских поговорках: *Жена мужу пластырь, муж жене пастырь; Отец про походы, мать про расходы (толкуют); Женский обычай – не мытьем, так катаньем (а свое возьмет); Горе-горе, что муж Григорий: хоть бы болван, да Иван; Bernas – arklyje, merga – lopšyje* (Парень на лошади, девка в **колыбели**);

– лексемы со значением контрастных действий: *Флор плачет, а жена скачет; Neik su boba riešutauti, o su velniu obuoliauti* (Не иди с бабой **собирать орехи**, а с чёртом **собирать грибы** – эти словосочетания семантически соответствуют в литовском языке глаголам); *Kada boba šoka, didas verkia* (Когда баба **пляшет**, дед **плачет**); *Ką vyrai mislija, moterų jaučia* (Что мужчины **думают**, женщины **чувствуют**);

– лексемы с пространственным значением; отмечен единичный случай в русской поговорке: *Муж на вершок, жена на сяжок; муж на пядень, жена на сажень.*

В обеих лингвокультурах отмечены многочисленные примеры дальней периферии, выраженной межчастеречной антонимией: *Мужичий ум говорит: надо; бабий ум говорит: хочу; Мужик умен, да мир дурак; Ir tylint boba plera* (И **молча** баба **болтает**); частотна контрастная пара *свой – чужой* в русских примерах: *На чужих жен не заглядывайся, а за своею пригляди!*;

Уж лаяла бы собака **чужая**, а не **своя**; **Своя** собака лайся, **чужая** не впрядывай!; **Чужая** жена - лебедушка, а **своя** - полынь горькая.

Антонимия словосочетаний в русских и литовских поговорках – продуктивное средство выражения дальней периферии контраста: **Семь топоров** вместе лежат, а **две прялки** врознь; **Без мужа голова не покрыта**; **без жены дом не крыт**; **Ження едет родня - отворяй ворота**, **мужня родня - запирай ворота!**; **Муж жену ударит, его черт ударит, жена мужа ударит**, **Бог здоровья прибавит**; **Šalti barščiai - ne patrova, sena boba - ne zabova** (**Холодный борщ** не еда, **старая баба** не забава); **Gera žmona - vyras švarus, pikta - kaip iš kamino išlindęs** (**Хорошая жена** – муж **чистый**, **злая** - как из **камина вылез**); **Gaidys dvylika vištų suvaldo, o vyras vienos pačios nesuvaldo** (**Петух с двенадцатью курами** справляется, а муж с **одной хозяйкой** не справляется); **Geriau pačiai būti po vyru negi vyrui po pačia** (**Лучше жене** быть **под мужем**, чем **мужу под женой**).

В фактическом материале русского языка в рамках периферийных средств выражения контраста зафиксирована также грамматическая оппозиция степеней сравнения имен прилагательных; в литовских поговорках отмечен единичный пример: **Волос долог, а язык длинней** (у бабы); **Силен хмель, сильнее хмеля сон, сильнее сна злая жена** (и спать не дает); **Всех злыдней злее жена злая**; **Злая жена - злее зла**; **Jis dūkęs, boba dar dūkesnė** (**Он сердит, баба ещё сердитей**). Отмечены в двух языках оппозиции форм существительных: **С мужем - мужа; без мужа - и того хуже**; **а вдовой да сиротой хоть волком вой**; **Vyrų darbas su galu, o moterų be galo** (**У мужчин работа с концом, у женщин без конца**); **Ne vyras važiuoja, ale vyru važiuoja** (**Не мужчина едет, а на мужчине едут**).

Проведенный анализ бинарной антиномии «женщина – мужчина» позволяют утверждать следующее. Паремический фонд семантической оппозиции, выражающей антиномию «женщины – мужчины», представляет собой определенную микросистему, органично входящую в пространство национальных картин мира и выражающую амбивалентность народного

мировосприятия. Андроцентричность является важнейшим свойством русского и литовского паремического фонда, наиболее четко она выражена в пословицах и поговорках, отражающих мужской взгляд на мир и главенство мужчины в нём.

Анализ фактического материала показал, что образ женщины в русских и литовских паремиях раскрыт намного шире, чем образ мужчины, однако чаще несёт в себе отрицательную оценку.

Значительная часть русских и литовских паремий построена на противопоставлении женского и мужского начала по многим критериям: по внешним признакам, по разнице в характере, по внутреннему миру, поведению. Отмечена специфичность русских паремий: женщины и женская деятельность противопоставляются мужчинам и мужской деятельности как норма и отклонение. Русские паремии активно используют метафорические образы для противопоставления женщин и мужчин, связанные с наименованиями домашних животных и рабочих инструментов, символизирующих женский и мужской труд.

В рамках монома «женщина» специфичным для русской паремии, и в целом для русской картины мира, является СМ «женская сила». Субмономы «женская красота» и «внешность мужчины» по-разному вербализируются русскими и литовскими паремиями, что является отражением специфичности национальных картин мира.

В рамках монома «мужчина» выделено несколько субмономов, репрезентированных русскими и литовскими паремиями: «муж», «подчинение мужа жене», «настоящий мужчина». Репрезентанты последнего субмонома национально маркированы, построены на ассоциациях, вербализованных орнитонимами. Метафорическая конкретизация качеств настоящего мужчины находит выражение в образе сокола (русские паремии) или в образе орла (литовские паремии).

Специфичность национальных картин мира отражают СМ «советы мужу» и «мужской ум», представленные значительным фондом русских паремий, и СМ «мужское коварство», отраженного в литовском фонде.

Выделены сходные для русского и литовского языка ядерные репрезентанты контраста – абсолютные (узуальные, языковые) антонимы. Выявлены специфичные, наиболее активные средства выражения периферии контраста в русских паремиях: оппозиция лексем со значением *части тела*, частотная антонимия *женщина – предмет*, оппозиция имен существительные с разнообразным спектром значений, грамматическая оппозиция степеней сравнения имён прилагательных.

Выявлены средства выражения периферии контраста, широко представленные в обеих лингвокультурах: контекстуальные антонимы с различной семантикой, в том числе ассоциативные оппозиции орнтонимов, межчастеречная антонимия, антонимия словосочетаний, грамматических форм существительных; в литовских паремиях – оппозиции лексем со значением *материал, вещество*.

Таким образом, сопоставление паремий русского и литовского языков позволило выявить общее и различное на структурном и семантическом уровнях, при этом массив русских паремий оказался более богатым по количеству отобранных единиц.

Выводы по Главе 2

В данной главе были проанализированы лингвокультурные антиномии, которые представлены в виде иерархической структуры – бинома, включающего в себя мономы, а также общие и национально – специфичные субмономы.

Собранный фактический материал позволил установить особенности репрезентации биномиальной структуры антиномий в семантике русских и литовских паремий. Было выявлено, что паремичные единицы отражают сходные, но не идентичные культурно-мировоззренческие представления

русского и литовского народа, при этом создаются микросистемы, органично входящие в пространство национальных картин мира.

В рассмотренных паремиях содержится специфическая «развертка» различных ступеней реализации антиномической проблемы, соотносимая с умственными, поведенческими, возрастными, психофизическими характеристиками человека, ценностная составляющая паремий варьируется от положительной до отрицательной оценки. Анализ фактического материала свидетельствует и о противоречивости языковой картины мира, отраженной в русских и литовских паремиях с противоположной семантикой, декларирующих противоположные жизненные позиции. Андроцентричность является одним из свойств русского и литовского паремического фонда, отражая мужской взгляд на мир и главенство мужчины в нём.

В массиве паремий выделены национально-специфичные субмономы, связанные с ментальностью и историческими реальностями.

Выявлена специфичность представленности русскими и литовскими паремиями отдельных общих субмономов, например, СМ «образ жизни» (моном «ложь»), СМ «этническая вражда» (моном «вражда»), СМ «настоящий мужчина» (моном «мужчина») и др.

Внутри биномов отмечена следующая закономерность: в семантике одной паремии могут быть вербализированы два монома в рамках биномиальной оппозиции, либо каждый моном может быть представлен отдельной паремичной единицей.

Сравнительный анализ поля контраста позволил классифицировать лексические и грамматические средства выражения контраста на ядерные и периферийные. Ядерные средства выражения контраста в русских и литовских паремиях часто совпадают: ядро контраста образуется парами узуальных антонимов. Ближняя, дальняя и крайняя периферия контраста представлены в русской и литовской лингвокультурах схожими и национально-специфичными группами контекстуальных антонимов, национальных символов и метафор, межчастеречными антонимами,

сочетаниями слов, грамматическими оппозициями. Массив русских паремий оказался значительно более богатым по средствам выражения контраста.

Рассмотренный фонд паремий русского и литовского языка свидетельствует о близости языковых картин мира, сохраняющих при этом особенные, национальные, черты менталитета.

Заключение

Паремиология любого языка всегда привлекает внимание исследователей, особенно ярко ее своеобразие проявляется при сопоставлении паремиологических систем разных языков.

В рамках данного исследования был выполнен анализ русских и литовских паремий, цель которого заключалась в выявлении особенностей репрезентации лингвокультурных антиномий в семантике паремичных единиц.

В первой главе работы мы представили разнообразные точки зрения на семантику терминов *паремия*, *пословица*, *поговорка* в исторической и современной парадигме лингвистических исследований и дали базовые их определения, прокомментировали факт соотнесенности пословиц с поговорками в работах многих ученых, раскрыли проблему соотнесенности терминов *паремия* и *фразеологизм*. Термин *паремия* в работе рассматривали в качестве родового наименования, пословицы и поговорки – как единицы паремического пространства. Нами были определены основные содержательные признаки самого понятия ЯКМ, его соотнесенности с понятием КМ, характеризующихся в современной лингвистике явной неоднозначностью трактовок. Рассмотрев ЯКМ с точки зрения лингвокультурологии, мы определили ее как вербализованную систему в рамках культурного контекста. Мы считаем, что в сферу интересов исследователей паремического фонда входят семантически близкие термины, репрезентирующие категорию противоположности, – *антиномия*, *бинарная оппозиция*, *контраст*, *антонимия*. Понятие *антиномия* было рассмотрено как системный феномен не только в языке, но и в лингвокультурологии: подобные оппозиции декларируют определенный набор наиболее важных для этноса культурных значений; введен термин, определяющий пару противопоставляемых сущностей, – *антиномические бинарные оппозиции*, семантизирующие значимость неких ценностей через противопоставление их антиценностям и широко представленные в паремическом фонде.

Контраст рассматривался как фундаментальный композиционно-стилистический принцип при организации речи вообще и при структурно-семантической организации паремии в частности.

Рассмотренная терминология стала ключевой при характеристике семантического содержания, тематического разнообразия и сложной структуры паремического массива русского и литовского языков.

В условиях развития в современной науке антропоцентрического подхода к исследованию лингвистических явлений изучение паремических единиц является особо значимым для выявления специфических и универсальных признаков ЯКМ. Исследователи пословиц и поговорок обратили внимание на избирательный, точнее, антропоцентрический характер семантики народной паремии: они покрывают преимущественно те участки действительности, которые непосредственно связаны с человеком, с его видением, оценкой реалий, с характеристикой психологических особенностей личности и т.д.

В данном контексте особенно значимо проведенное исследование лингвокультурных антиномий, репрезентированных паремичными единицами неблизкородственных, но смежных по ареалу распространения языков. Работа внесла определенный вклад в комплексное описание антиномических бинарных оппозиций как единиц пространства наивных ЯКМ и позволила выявить сходства и различия в развитии национально-языкового сознания, зафиксированные на вербальном уровне.

Во второй главе была выстроена иерархическая структура, отражающая бинарные антиномические оппозиции: бином; моном как номинант полярной антиномической характеристики; субмоном (СМ) как квалификатор данной характеристики. Систематизированы с точки зрения квалификации сущностных признаков лингвокультурных антиномий следующие СМ: качественные, количественные, поведенческие, аддитивные, экзистенциальные, результирующие, аксиологические, акциональные, реляционные. Состав данных СМ варьируется в рамках

различных антиномий, качественный СМ находит выражение в семантике всех русских и литовских паремий.

В русской и литовской лингвокультурах установлены мономы, получившие наибольшую квалификацию, – «любовь», «богатство», «бедность», «пьянство», «ложь», «мужчина». При этом ценностная составляющая мономов может варьироваться от положительной до отрицательной. Зафиксирована также несимметричность структурных компонентов ряда биномов, представленных в русской и литовской паремике: мономы «щедрость», «добро» имеют большую номинативную плотность в русском языке, мономы «вражда», «трезвость» – в литовском языке.

Установленные мономы отличаются различной степенью национально-культурной специфичности и включают в свой состав национально-культурные СМ: в русском языке – «опасность глупости», «оправдание глупости», «дурак» (в мономе «глупость»), «разлука» («любовь»), «бедность и семья», «зоосемантический образ» («бедность»), «ложная щедрость», «нежадность» («щедрость»), «безграничная жадность», «страдание» («жадность»), «бесшабашность» («храбрость»), «допустимость» («трусость»), доброе отношение («добро»), «божественная правда», «принуждение к правде» («правда»), «легкость», «ложь и бедность» («ложь»), «хорошие родители» («родители»), «строгость воспитания», «многодетность», «неразумность» («дети»), «советы мужу» («мужчина»), «женская сила» («женщина»); в литовском языке – «недостаток ума» («ум»), «быстротечность» («любовь»), «богатство священника», «наивысшие возможности», «труднодостижимость» («богатство»), «дружба и молодость» («дружба»), «положительное качество» («щедрость»), «последствия» («трусость»), «выгода» («добро»), «ущербность» («правда»), «мужское коварство» («мужчина»).

Как свидетельствует собранный фактический материал, в семантике русских и литовских паремий эксплицировано оценочное отношение к

важнейшим человеческим качествам, поведению, выполняемым ролям в социуме, жизненными ситуациями, морально-этическими категориями, что наиболее ярко выражает национальную специфику ментальности этноса.

При комплексном рассмотрении вербализации контраста в русской и литовской паремике были выявлены и описаны ядерные и периферийные (ближняя, дальняя, крайняя периферия) средства его выражения. Ядро поля контраста в большей степени обнаруживает сходства в сопоставляемых языках, периферия – различия, включая в свой состав разнообразные лексические, грамматические, лексико-грамматические средства.

Предложенный комплексный подход к анализу паремичных единиц в компаративном аспекте позволяет взглянуть на проблему описания лингвокультурных антиномий с разных точек зрения. А это, в свою очередь, намечает перспективы дальнейших исследований как в области более глубокого изучения отдельных групп паремий, так и более широкого рассмотрения паремического фонда близкородственных и неблизкородственных языковых групп. Помимо этого, методы анализа, использованные в данной работе, могут быть применимы и в отношении других единиц языка (например, фразеологизмов и т.д.)

Литовский язык находится на перекрестке зон влияния Восточной и Западной Европы, именно поэтому литовские паремии можно рассматривать как некое связующее звено между восточно- и западноевропейскими паремиями. Такие параллели паремий – мало исследованная область паремиологии, ожидающая новых компаративных изысканий.

Литература

1. Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 392 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 324 с.
3. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология. Учебное пособие для бакалаврского уровня филол. образования / Н.Ф. Алефиренко, В.В. Семенов. – М.: Флинта. Наука, 2009. – 344 с.
4. Аникин, В.П. Теория фольклора: курс лекций / В.П. Аникин. – М.: Изд-во "МГУ", 1996. – 406 с.
5. Апресян, Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю.Д.Апресян // Семиотика и информатика. –1986. – Вып. 28. – с. 5-33.
6. Апресян, Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — 766 с.
7. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – с. 37- 67.
8. Артеменко, Е.Б. Язык русского фольклора и традиционная народная культура/ Е.Б. Артеменко // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. мат-лов науч. конф. Вып. 5. — М., 2003.— с. 7-21.
9. Арутюнова, Н.Д. Истина: фон и коннотации / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Культурные концепты. — М.: Наука, 1991. — с. 21-30.
10. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
11. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.
12. Балли, Ш. Французская стилистика / Пер. с фр. К.А.Долинина. Под ред. Е.Г.Эткинда. М.: Изд. иностр. лит., 1961. – 394 с.

13. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – Москва: Знак, 2008 – 656 с.
14. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит. 1990. — 543 с.
15. Белоусова, Е.Г. К вопросу о природе и типологии картин мира / Е.Г. Белоусова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2008. – Т. 3. – с. 11–16.
16. Бердяев, Н.А. О назначении человека (Опыт парадоксальной этики) / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1993. – 253 с.
17. Бочина, Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: автореф. дис. д-ра филол. наук. Казань, 2003.
18. Бочина, Т.Г. Контраст производящего и производного глаголов в русской паремике /Т.Г. Бочина //Филология в полиэтнической и межконфессиональной среде: состояние и перспективы. Сборник научных статей. – Казань: РИУ, 2009. – с. 35 – 42.
19. Булыгина, Т.В. О границах и содержании прагматики / Т.В. Булыгина // Изд. АН СССР, Сер. лит. и яз. – 1981. – Т.40. – №4. – с. 333–342.
20. Вайсгербер, Й.Л. Язык и философия / Й.Л. Вайсгербер // Вопросы языкознания. – 1993. – №2 – С. 114–124.
21. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
22. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Словари и лингвострановедение. – М., 1982. – С. 89–98.
23. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура / Е.М.Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1038 с.
24. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.: Успедгиз, 1947. – 783 с.

25. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С.40–162.
26. Воробьев, В.В. О статусе лингвокультурологии / В.В. Воробьев // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Доклады и сообщения российских ученых. — М, 1999. — С. 96—117.
27. Воробьев, В.В. Культурологическая парадигма русского языка. Теория описания языка и культуры во взаимодействии/ В.В. Воробьев. — М: ИРЯ им. А.С. Пушкина, 1994. — 76 с.
28. Герц, Г. Принципы механики, изложенные в новой связи/ Г. Герц // Классики науки. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1959. – 375 с.
29. Голованова, Е.А. Ценности и оценки в языковом отражении (На материале русского и польского языков): дисс... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.А.Голованова. – Пермь, 2002.
30. Гольшух, И. Пословицы, поговорки и изречения, или народная мудрость на трех языках: русском, французском и немецком: с прибавлением некоторых на лат. яз. – Казань: Тип. Имперского ун-та, 1888. – 103 с.
31. Григас, К. Литовские пословицы: Сравнительное исследование / К. Григас. – Вильнюс: Vaga, 1987. – 320 с.
32. Грузберг, Л.А. Антиномия / Л.А. Грузберг // Филолог. – Пермь: Литература, 2003. – № 2 – с. 33–34.
33. Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / В. Гумбольдт.— М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
34. Гумбольдт, В. фон О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: «Прогресс», 1984. – 400 с.
35. Гумбольдт, В. фон Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 448 с.
36. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1972. – С. 5–138.

37. Деева, И.М. Особенности выражения контраста в английской и немецкой фразеологии // Вестник Челябинского государственного университета – 2009. – № 43 (181). Вып. 39. – С. 51–55.
38. Добровольский, Д. О. Типология идиом / Д. О. Добровольский // Фразеология в Машинном фонде русского языка. – М., 1990. – с. 58–76.
39. Ермолович, Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. — М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.
40. Есин, А.Б. Введение в культурологию: Основные понятия культурологии в систематическом изложении: Учебное пособие для студентов высш. учеб. Заведений / А.Б. Есин. — М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 216 с.
41. Закирова, Ю.А. Лингвокультурологическое исследование гендера в паремиях (на примере семантической группы «Любовь» мужской картины мира русского, английского, немецкого и итальянского языков) // Вестник МГОУ. Серия Лингвистика. – № 5 / 2011. – С. 93–94.
42. Земскова, Н. А. Концепты «истина», «правда», «ложь» как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект (на материале русского и английского языков) дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.А. Земскова. – Краснодар, 2006.
43. Карасик, В.И. Лингвокультурные концепты: типы единиц и приемы изучения / В.И. Карасик // Современные парадигмы лингвистики: традиции и инновации: Материалы междунар. конфер. – Волгоград, 2005. – С. 151–152.
44. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
45. Карасик В.И. Языковые ключи: монография / Карасик В.И.; ВГПУ, Науч.-иссл. лаборатория "Аксиологическая лингвистика". – Волгоград: Парадигма, 2007. – 519 с.
46. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
47. Караулов, Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов // Язык и личность. — М., 1989. — С. 3—8.

48. Кассирер, Э. Естественные научные понятия и понятия культуры / Э. Кассирер. Предисловие к публикации И. Н. Зариповой // Вопросы философии. — 1995. — № 8. — с. 157–173.
49. Кирилина, А.В. Лингвистические гендерные исследования как проявление смены эпистемы в гуманитарном знании / А.В. Кирилина // Вестник Военного университета. — 2010. — № 4 (24). — С. 110–114.
50. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и в языке / Г.В. Колшанский. — М.: Наука, 1990 — 103 с.
51. Кокаре, Э.Я. Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках / Э.Я. Кокаре. — Рига: Зинатне, 1978. — 265 с.
52. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи / В.Г. Костомаров. — М., 1994. — 320 с.
53. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов; МГУ им. М.В. Ломоносова. Фак. иностр. яз. — М.: МААЛ, 1999. — 341 с.
54. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н.А. Красавский. — Волгоград: Перемена, 2001. — 495 с.
55. Кубрякова, Е.С. Актуальные проблемы современной лингвистики : : Конф. аспирантов и молодых ученых, 26 нояб. 1996 г. / [Редкол.: Е.С. Кубрякова и др.] М.: Ин-т языкознания РАН, 1999 — 283 с.
56. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М.: Наука, 1988. — С. 141–173.
57. Кубрякова, Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков / Е.С. Кубрякова // Вопросы филологии. — 2001. — №1. — С. 28–34.
58. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. М.: Яз. славян. культуры, 2004 — 555 с.

59. Куликова, И.С., Салмина, Д.В. Обучающий словарь лингвистических терминов / И.С. Куликова, Д.В. Салмина. – СПб.: Наука, САГА, Совпадение, 2004. – С.31-32.
60. Лаутенбах, Я. Очерки из истории литовско-латышского народного творчества. Параллельные тексты и исследования / Я. Лаутенбах. – Дерпт, 1896. – 221 с.
61. Лейчик, В.М. Некоторые наблюдения над лексикой паремий // Владимир Даль и современная филология. Материалы международной научной конференции. Нижний Новгород, 2001. – Т. 1. – с. 359.
62. Лихачев, Д.С. Заметки о русском слове / Д.С. Лихачев // Новый мир, 1980. – №1. – С. 21–24.
63. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка.// Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: Антология / Ин-т народов России, Общество любителей российской словесности; Под общ. ред. В.П. Нерознака. –М.: Academic 1997. – С. 280–287.
64. Лихачев, Д.С. Культура как целостная система / Д.С. Лихачев // Новый мир, 1994. – № 8. – С. 15–18.
65. Леонтович, О.А. Методы коммуникативных исследований / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2011. – 224 с.
66. Лосский, Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа / Н.О. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
67. Маковский, М.М. Язык – миф – культура: Символы жизни и жизнь символов / М.М. Маковский. – М.: Высшая школа, 1996. – С.15–17.
68. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику/ В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с.
69. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. –208 с.
70. Маслова, В.А. Современная лингвистика о лексических значениях глагольных приставок / В.А. Маслова // Науч. тр. Куйбышев. пед. ин-та. – Куйбышев, 1979. – Т. 288. – С. 71–80.

71. Мезенцева, Е.С. Пословичный фонд языка как фрагмент языкового сознания этноса // Вестник КазНУ. – №2. – 2005. – С. 23–26.
72. Мелерович, А. И. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка / А. И. Мелерович. – Ярославль: Изд-во Ярослав, гос. пед. ин-та, 1979. – 79 с.
73. Миллер, Е.Н. Природа лексической и фразеологической антиномии / Е.Н. Миллер // О межчастеречных антонимах// – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. – С. 59–71.
74. Милованова, М.В. Категория посессивности в русском и немецком языках в лингвокультурологическом освещении: Монография / М.В. Милованова. – Волгоград: Волгог. научное издательство, 2007. – 408 с.
75. Милованова, М.В. Культурно-специфические особенности значения языковых единиц / М. В. Милованова // Язык. Культура. Словари: Материалы IV Международной школы-семинара. – Иваново, 2001. – С. 25–27.
76. Мокиенко, В.М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений / В.М. Мокиенко. – СПб.: Авалон, 2007. – 256 с.
77. Мокиенко, В.М. Загадки русской фразеологии / В.М. Мокиенко. – М.: Азбука-классика. 2005. – 257 с.
78. Мокиенко, В. М. Почему так говорят? От Авося до Ятя : историко-этимол. справ. по рус. фразеологии / В.М. Мокиенко. – СПб.: Норинт, 2004. – 509 с.
79. Мокрушина, Е. Ю. Концепт «добрый» как этический феномен лингвокультуры: дис. канд. филолог. наук / Е.Ю. Мокрушина. – Кемерово, 2008. – 196 с.
80. Никитина, Л.Б. Образ дурака в русской культурной традиции (лингвокультурологический аспект) / Л.Б. Никитина // Филолог. ежегодник. – Омск, 2005. – Вып. 5/6. – С. 104–107.
81. Никитина, Н.С. Устная народная культура и языковое сознание / Н.С. Никитина. – М.: Наука, 1993. – 189 с.

82. Никонов, В. А. Имя и общество/ В.А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
83. Новиков, Л.А. Антонимия в русском языке: семантический анализ противоположности в лексике/ Л.А.Новиков – М., Высшая школа, 1973, – 290 с.
84. Новиков, Л.А. Семантика русского языка/ Л.А. Новиков. – М., Высшая школа, 1982. – 272 с.
85. Новиков, Ю. Эпическая память о Великом Княжестве Литовском. (Литва и литовцы в рус. фольклоре) / Ю. Новиков // *Senosios rastijos ir tautosakos saveika: Kulturine Lietuvos Didz. Kunigaikstystes patirtis.* – Vilnius, 1998. – 18 с.
86. Пермяков, Г. Л. Грамматика пословичной мудрости // *Пословицы и поговорки народов Востока.* — М., Наука, 1979. – С. 7–28.
87. Пермяков, Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда/ Г.Л. Пермяков // *Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти В.Я. Проппа.* – М., 1975. – с.247–274.
88. Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. – М.: «Наука», 1988. – 236 с.
89. Пермяков, Г.Л. От поговорки до сказки: заметки по общей теории клише / Г.Л. Пермяков. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970. – 240 с.
90. Пименова, М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины мира внутреннего опыта человека / М.В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – 262 с.
91. Пименова, М. В. Предисловие // *Введение в когнитивную лингвистику* / М.В. Пименова — Кемерово, 2004. – Вып. 4. – 208 с.
92. Планк, М. Единство физической картины мира / М. Планк. – М.: Наука, 1974. – 416 с.
93. Подюков, И.А. Семиотический аспект текста паремии / И.А. Подюков // *Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста.* – Соликамск. 1999. – С.160–169.

94. Попова, В. В. Нравственные антиномии семьи и брака / В.В. Попова // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета, 2012. – № 1 (21) scientific-notes.ru>pdf/023-037.pdf (дата обращения 24.12.12).
95. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира – М.: Наука, 1988. – С. 8 – 69.
96. Постовалова, В.И. Лингвокультурология в свете антропоцентрической парадигмы / В.И. Постовалова // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – с. 23–25.
97. Потебня, А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // Теоретическая поэтика. – М.: Высшая школа, 1990. – 244 с.
98. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958. – Т. 1-2. – С. 19-20
99. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня // Русская словесность: Антология. — М.: Academia, 1997. — 225 с.
100. Потебня, А.А. Слово и миф / А. А. Потебня. – М., Издательство «Правда», 1989. – 200 с.
101. Путилов, Б.Н. Фольклор и народная культура / Б.Н. Путилов. – СПб.: Наука, 1994. – 236 с.
102. Родичева, Э.И. К проблеме антонимии / Э.И. Родичева // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. – М., 1968. – С. 284–296.
103. Трубецкой, Е. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой // Смысл жизни в русской философии. – СПб. , 1995. – С. 259–341.
104. Рацен, Т. Н. Лингвокультурная адаптация христианского именника в русских пословицах и поговорках: дис. канд. филол. наук.: 10.02.01 / Т.Н. Рацен – Тюмень, 2000.
105. Рождественский, Ю. В. Введение в общую филологию / Ю. В. Рождественский. – М.: Высшая школа, 1979. – 224 с.

106. Русакова, И. Б. Концепты «Счастье» – «Несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / И.Б. Русакова. – М., 2007.
107. Рыбникова, М. А. Русская поговорка / М.А. Рыбникова // Избранные труды. – М.: Изд-во академии педагогических наук РСФСР, 1958. – 610 с.
108. Савенкова, Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов, гос. ун-та, 2002. – 240 с.
109. Селиверстова, Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и Изменчивость / Е.И. Селиверстова. – Санкт-Петербург: Изд-во "МИРС", 2009. – 270 с.
110. Семёнова, Н.В. О русской щедрости / Н.В. Семёнова // Вестник Новгородского Государственного университета. – 2009. – № 52, – С. 68–71.
111. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Издательская группа «Прогресс – Универс», 1993. – 123 с.
112. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
113. Сидоркова, Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия / Г.Д. Сидоркова. – Краснодар, 1999. – 249 с.
114. Сиротинина, О. Б., Кормилицына М. А. Национальные языковые и индивидуальные речевые картины мира / О. Б. Сиротинина, М. А. Кормилицына // Дом бытия. Альманах по антропологической лингвистике. Вып. 2. Язык. Мир. Человек. – Саратов, 1995. – С. 15–18.
115. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 139 с.
116. Снегирев, И.М. Русские в своих пословицах: Рассуждения и исследования о русских пословицах и поговорках. Книжка первая / И.М. Снегирев – М., 1831. – 183 с.
117. Солодуб, Ю.Г. Контрастивная фразеология / Ю. Г. Солодуб // Филологические науки. – 1998. – №4. – С. 57– 65.

118. Солодуб, Ю.Г. Перспектива многоязычной сопоставительной фразеологии / Ю.Г. Солодуб // Филолог. науки. – 2001. – № 2. – С. 48–57.
119. Солодухо, Э. М. Проблемы интернационализации фразеологии / Э. М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1982. – 168 с.
120. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русск. культуры, 1997. – 824 с.
121. Стерин, И.А. Проблема анализа структуры значения слова / И.А. Стерин. – Воронеж: изд-во Воронеж, ун-та, 1979. – 156 с.
122. Телия, В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов / В.Н. Телия // Славянское языкознание. XI международный съезд славистов. М., 1993. – с. 302–314.
123. Телия, В. Н. Фразеология в контексте культуры / В.Н.Телия. – М., 1999. – 333 с.
124. Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. Москва: Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.
125. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н.Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
126. Тер–Минасова, С.Г. Слова, слова, слова. Язык, культура, межкультурная коммуникация / С.Г. Тер–Минасова // Мир русск. слова, № 2. – 2000. – с. 74.
127. Тер–Минасова, С.Г. Личность и коллектив в языках и культурах / С.Г. Тер–Минасова // Вестник московского университета. Сер. 9. Филология, 2003. – № 5. – с. 23–25.
128. Тер–Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер–Минасова. – М.: Слово, 2000. – 261 с.
129. Тимошенко, И. Е. Лит. первоисточники и прототипы 300 русских пословиц и поговорок / И.Е.Тимошенко. – Киев: Типография Петра Барского, 1897. – 170 с.

130. Толстой, Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. 2-е изд., испр. / Н.И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – 509 с.
131. Томахин, Г. Д. Лингвистические аспекты лингвострановедения / Г. Д. Томахин // Вопросы языкознания. – 1986.– № 6. – С. 113–118.
132. Трубецкой, Н.С. Классификация оппозиций / Основы фонологии /Н.С. Трубецкой. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 349 с.
133. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике, вып. 1, – М., 1960. – С. 135– 168.
134. Урысон, Е.В. Языковая картина мира - обиходные представления (модель восприятия в русском языке) / Е.В.Урысон // Вопросы языкознания.– 1998. – №2. – С. 3–21.
135. Уфимцева, А.А. Опыт изучения лексики как системы / А.А. Уфимцева. — М., 1962. – 288 с.
136. Уфимцева, А.А. Слово в лексико–семантической системе языка / А.А. Уфимцева. – М., 1968. – 272 с.
137. Флоренский, П.А. Антиномия языка / П.А. Флоренский // Вопросы языкознания. – 1988. – № 6. – С. 88–125.
138. Фортунатов, Ф. Ф. Сравнительное языковедение / Ф. Ф. Фортунатов // Избранные труды. Т.1. – М.: Учпедгиз, 1956. – 450 с.
139. Хайруллина, Р.Х. Языковая картина мира в русской и башкирской фразеологии // Язык и культура: Учебное пособие по спецкурсу / Отв. ред. Л.Г. Саяхова. – Уфа: Башк. гос. университет, 1995. – С. 97–122.
140. Хроленко, А.Т. Заметки о фольклорной семантике (Синтаксис, семантика, морфемика) / А.Т. Хроленко // Вопросы семантики. Исследования по исторической семантике: Меж-вуз. сб. – Калининград, 1982. – С. 128–135.
141. Цивьян, Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т.В. Цивьян. – М., «Наука», 1990. – 207 с.

142. Чепасова, А.С. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов / А.С. Чепасова. – Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1983. – 245 с.
143. Червинский, П.П. Семантический язык фольклорной традиции / П.П. Червинский. – Ростов: Изд-во Ростов, ун-та, 1989. – 224 с.
144. Черданцева, Т. З. Идиоматика и культура (постановка вопроса) / Т. З. Черданцева // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С.58–70.
145. Чистов, К.В. Народные традиции и фольклор / К.В. Чистов. – М.: Наука, 1986. – 304 с.
146. Шадрина, Т.С. Взаимодействие пословиц и поговорок в современной иноязычной среде /Т.С. Шадрина // Историко–культурное наследие. Российское научное издание. – 2010. – № 3 – с. 39–54.
147. Шамне, Н.Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении / Н.Л. Шамне. – Волгоград: Изд-во ВолГУ. – 2000. – 392 с.
148. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 304 с.
149. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.
150. Шафиков, С.Г. Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий / С.Г. Шафиков. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 230 с.
151. Шмелев, А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А.Д. Шмелев. – М.: Языки русской культуры, 2002. – 224 с.
152. Шухардт, Г. Избранные статьи по языкознанию/ Г. Шухардт. – М.: Иностр. лит, 1950. – 291 с.
153. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте / А.М. Эмирова. – Ташкент: Наука, 1988. – 89 с.
154. Anglickienė Laima. Kitataučių įvaizdis lietuvių folklore. – Vilnius: Versus aureus, 2006. – 272 p.
155. Anglickienė Laima. Judėjo vaizdis lietuvių folklore: viduramžiškų prietarų atsprendžiai //Tautosakos darbai, XXI (XXVIII), 2004. – P. 41–53.

156. Jasiūnaitė Birutė Šventieji ir nelabieji frazeologijoje ir liaudies kultūroje, Vilnius, 2010, –145 p.
157. Grigas Kazys. Kai kurios patarlių prasmų mįslės/ *Tautosakos darbai*, XV, 2001. – P. 21–49.
158. Grigas Kazys. Patarlių paralelės: Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų atitikmenimis, Vilnius, Vaga, 1987. – 663 p.
159. Grigas Kazys. Lietuvių patarlės ir priežodžiai, t. 1, 2000 m. – 450 p.
160. Kašėtienė Rasa. Kaip apie mirtį kalbėjo mūsų senoliai // *Tautosakos darbai*, 2003, t. 18 (25), 2003. – P. 100–108.
161. Kašėtienė Rasa Smuklės durys plačios įeiti, bet siauros išeiti // *Tautosakos darbai*, XLII, 2011. – P. 100–114.
162. Kokare E. Latvių ir lietuvių patarlių paralelės/ E. Kokare. – Riga: Zinatne, 1980. – 354 p.
163. Kudirkienė Lilija. Patarlės interpretacija. Diachroninis aspektas/ *Tautosakos darbai* XXXIII, 2007. – P. 13–23.
164. Lebedys Jurgis. Smulkioji lietuvių tautosaka XVII-XVIII a.: Priežodžiai, patarlės, mįslės, 1956. – P. 44–52.
165. Vyšniauskaitė Angelė. Gėrimas lietuvių liaudies ritualuose ir kova su girtavimu// *Ritualas. Blaivybė. Kultūra*, Vilnius, 1989. – P. 95–122.

Источники, словари и принятые сокращения

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Советская Энциклопедия, 1966. – 607 с.
2. Большой толковый словарь русского языка: ок.60.000 слов / Под ред. Д.Н.Ушакова. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. –1268, [12] с.
3. Словарь русского языка под. ред. А.П. Евгеньевой – М.: «Русский язык», 1985; том 1. – 699 с.

4. СЛТ – Брусенская, Л.А., Гаврилова, Г.Ф., Малычева, Н.В. Словарь лингвистических терминов/ Л. А. Брусенская, Г. Ф. Гаврилова, Н. В. Малычева. — Ростов н/Д.: Феникс, 2005. — 256 с.
5. Буслаев, Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объяснённые Ф. Буслаевым / Ф.И. Буслаев. – М.: Типография А. Семена, 1854. – 176 с.
6. Грицанов, А.А. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. - Минск.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.3 / В.И. Даль, В.И. Толковый словарь живаго великорусского языка <http://slovardalja.net/> Даль. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1882. – 430 с.
8. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. — Т.4: Р — Я. — 2006. — 576 с.
9. Даль, В.И. Пословицы русского народа. В 2 т./ В.И. Даль. – М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1996. – 2 т.
10. Зимин, В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / В.И. Зимин. – М.: АСТ-Пресс, 2012. – 736 с.
11. Литературный энциклопедический словарь / Под общей ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. — М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка /Под ред. Н.Ю.Шведовой. 14-е изд., стереотип. – М.: Рус. язык, 1982. – 795 с.
13. Руднев, В.П., Энциклопедический словарь культуры XX века / Ключевые понятия и тексты / В.П.Руднев. – М., «Аграф», 1999. — 384 с.
14. СИС - Словарь иностранных слов / Под ред. И.В.Лехина, Ф.Н.Петрова. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1949. – 805с.
15. Словарь литературоведческих терминов / под ред. Тимофеева Л. И., Тураева С. В. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
16. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. языка; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.

17. Снегирев, И. М. Русские народные пословицы и притчи / И.М. Снегирев. – М.: Русская книга, 1995. – 576 с.
18. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание: В трех томах (шести книгах) / И. И.Срезневский. – М.: Книга, 1989. – 5237 с.
19. Степанов, Ю. Константы: словарь русской культуры / Ю. Степанов. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
20. **ТСРЯ** – Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т.3 / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. – 640 с.
21. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. Т. 3: Пер. с нем. / М. Фасмер. - 2-е изд., стереотип. — М.: Прогресс, 1986. – 671 с.
22. Świerczynska Dobrosława, Świerczynski Andrzej, Patarlių žodynas: Lietuvių, lenkų, anglų, prancūzų, ispanų, vokiečių, rusų, italų, lotynų kalbom, lietuviškosios dalies sudarytoja R. Kašėtienė, Vilnius: Tyto alba, 2000. – 412 p.
23. Lietuvių patarlės ir priežodžiai / elektroninis sąvadas. Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.aruodai.lt/patarles
24. Lietuvių patarlės ir priežodžiai: sisteminis sąvadas. T. 1: A-D. Parengė Kazys Grigas, Lilija Kudirkienė, Rasa Kašėtienė, Gediminas Radvilas, Dalia Zaikauskienė. – Vilnius: LLTI, 2000. – 927 p.
25. Lietuvių patarlės ir priežodžiai: sisteminis sąvadas. T. 2: E-J / sistemos autorius K. Grigas; tomą parengė: G. Buftenė, K. Grigas, L. Kudirkienė, R. Kašėtienė, D. Zaikauskienė; redagavo L. Kudirkienė (vyr. redaktorė), R. Kašėtienė. – Vilnius: LLTI, 2008. – 830 p.